
Вера Кушнир
Погасшая свеча

Вера Кушнир

ПОГАСШАЯ СВЕЧА

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Вера Кушнир

ПОГАСШАЯ СВЕЧА

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

УДК 27-291
ББК 86.37
К 96

Директор *Павел Давидюк*
Редактор *Вальдемар Цорн*
Корректор *Елена Пеннер*
Верстка: *Enns Schrift & Bild GmbH*
Обложка *Сергея Конторовича*

Кушнир Вера

К 96 Погасшая свеча. Стихи. – К.: Свет на Востоке, 2011 – 272 с.

Поэтические произведения известной христианской писательницы и поэтессы Веры Кушнир.

Кушнір Віра

К 96 Вірші. – К.: Світло на Сході, 2011 – 272 с.

Поетичні твори відомоі християнськоі письменниці та поетеси Віри Кушнір.

Изд. № 01.327
ISBN 978-966-2089-53-0 (Укр.)
ISBN 978-3-939887-86-7 (Герм.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже несколько месяцев на моем столе лежит готовый сборник стихотворений Веры Сергеевны Кушнир, который мы составляли вместе с нею. Осталось написать предисловие... И не поднимается рука. Никак не могу согласиться с тем, что это действительно ее последние стихотворения, последний сборник.

Когда мы рассуждали с нею о том, какие стихи мы включим в него, она, смеясь, говорила: «Все, которые написаны мною. Пусть будет шестой том полного собрания поэтических произведений. Хотя говорить „полного“ рановато...» А оказалось, что не рановато. Оказалось, что действительно этот томик – заключительный. Когда я предложил Вере Сергеевне назвать этот томик «Осеннее золото», она сказала: «Вальдемар, я еще пишу стихи...» На что я ответил: «Тогда издадим еще один том». И она согласилась: «Хорошо. А над названием я еще подумаю и скажу тебе». Не сказала.

«Погасшая свеча» – название эмоциональное, грустное. Нам, ее друзьям, очень грустно от сознания того, что нет больше среди нас этой прекрасной, удивительно светлой и жизнерадостной женщины. Ее желание, выраженное в одном из новогодних стихотворений, исполнилось: Дух Святой задул свечу ее жизни. У нас остались воспоминания. Остался пример для подражания в посвящении Господу, служению, в трудолюбии. И остались ее стихи. Лирические, светлые, яркие и певучие.

Вальдемар Цорн

ПОЛЕЗНАЯ СТАРОСТЬ

Старость не для паинек и нюнь.
Старость для уверенных и смелых.
Только на приманку ее клюнь,
Сразу же окажешься без дела.

Тут заноет, где-то заболит,
Одолеют леность и сонливость,
Вылетишь из жизненных орбит,
Чтоб в кругах вращаться несчастливых.

Старость может лучшим сроком быть,
Самым плодоносным и полезным.
Шансом жизни опыт применить,
Выдать знанья по большому срезу.

Старость долгой жизни – торжество,
Подведенье честное итогов,
С умудренным людом тождество,
При смиренье перед мудрым Богом.

Ветер Духа семя к нам донес,
От Него мы к жизни возродились.
Наши ноги стали на Утес!
В старости решен небес вопрос:
Мы живем! Живем, а не зажились.

Январь 2001 г.

11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА В НЬЮ-ЙОРКЕ

Разразилась гроза над беспечной страной,
Что два века хранила прогресс свой и рост,
С неприкрытой ничем «Ахиллеса пятой»,
Уповая на неуязвимый «форпост».
    И расслабившись так в небоскребах своих,
    Объявив себя «самой великой» не впрок,
    Позабыла о днях испытаний лихих,
    Про истории прошлой зловещий урок.
Убирая «скрижали святые» со стен,
Собиралась убрать имя Божье с монет,
Из присяги стране, ее флагу... Измен
Не боясь, разгласив за секретом секрет.
    Все во имя «свободы» и «личности прав»,
    Все, боясь «ущемить», «наступить», «исключить»,
    Пока каждый развратник, хулитель стал прав
    В поведенье своем и других стал учить.
Пока в школы во имя «терпимости» вход
Был открыт извратителям высших идей,
И не знающий Бога, моральный урод
Стал учителем наших невинных детей.
    Голливуд наводнил своим вздором весь мир,
    Заглушив своей «музыкой» звуки небес.
    И бесполый, безликий, безбожный кумир
    Захватил молодежь, как зарвавшийся бес.
Что же нас удивляет при этих делах,
При таком отпаденье от истин святых?
Бог в Своем милосердье нагнал на нас страх,
Чтоб встряхнуть, пробудить нас, глухих и слепых.
    Не прозреем, не примем уроков Его,
    Значит, будут удары похуже еще.
    Бог народа в любви не щадил Своего
    И ошибки страны нашей тоже учел.

Жаль, что много погибло невинных людей,
Жаль, что сквозь нарастающий ужаса гул
Нам «священной войной» угрожает злодей
И повсюду царит терроризма разгул.
Больно детям, когда их карает отец,
Больно нам от ударов руки Судии,
Но тому, кто поймет их, нетленный венец
Обещал Бог любви в «оны дни», в «оны дни».

И еще за защиту Израиля Господь
Обещал Аврааму Сам благословить
Ту страну, тот, пусть даже упавший, народ,
Что, смирясь, перестанет упрямо грешить.
Пусть «десяток» наш праведный (он еще есть!)
Перед Богом смирится в молитве о тех,
Кто не хочет смиряться, что грустная весть
Их толкнула к Тому, Кто дарует успех.
Пусть отмщенье не мы, а Господь совершит
(Не без воли Его был допущен удар).
Листьев желтых ковер под ногами шуршит...
Поспешим «до зимы» пробудить земной шар.

Сентябрь 2001 г.

СВЕТИЛЬНИК

Притч. 20:27

Прикрывая ладонью дрожащее пламя,
Я несу на ветру свой светильник домой.
Враг тушить норовил своей злобы ветрами
И мешал наполнять его масла струей.

Спотыкаясь, несу, берегу, как зеницу
Своих глаз. Или только уже одного?
Ведь другой пострадал, выпуская страницу
Перевода иль, может, стиха моего?

Мне так дорог светильник, зажженный когда-то
В моем сердце Возлюбленным, встреченным мной
На пути, когда я после тяжкой утраты
В прах склонилась пред Ним молодой головой.

Пусть колышется в нем огонек незаметный,
Пусть едва согревает ладони щиток.
Все ж он светит другим, путь к богатствам несметным
Освещая тому, кто в пути изнемог.

Я другим передам, как в бегах эстафету,
Перед тем как домой донесу этот свет.
Мой Возлюбленный ждет! И, надеждой согрета,
Я не смею нарушить с Ним вечный завет.

Июнь 2001 г.

ВОДА – ЖИВОЕ СЛОВО

Мф. 10:14

Не лейте никогда на землю зря воды,
Ведь кто-то без нее в пустыне умирает.
Не можешь дать ему, не орошай среды,
Которая воды не принимает.

Вода – живое слово, то, что Бог,
Сказав однажды, вызвал мир из бездны.
Скажи его уместно, в пору, в срок,
На вопль души ответь глотком надежды.

Пусть капли слов на жаждущий язык
Падут, как освежающая влага,
Тому, кто к освеженью не привык,
Кому и капля влаги – дар во благо!

Не сытых Божьей мудростью питай.
Голодным сохрани живого слова крохи.
И попусту воды не разливай,
Пролей на то, что без нее засохнет.

И Бог вознаградит твой щедрый жест
И даст увидеть к жизни пробужденье,
Когда Его животворящий перст
Тобою орошенным даст спасенье.

Май 2000 г.

А ВЫ?

Иду за Ним. Иду за Иисусом.
Всерьез иду, без праздной «трын-травы».
Других зову служить на трудном, узком
Пути Его. Иду за Ним.
А вы?

На высоту иду за Ним без сожаленья,
Крутой подъем не кружит головы.
Вложил в меня Он к высшему стремленье,
И я иду за Ним. Иду за Ним.
А вы?

Он дорог мне. Нет слов для выраженья
Моей любви к Нему. Нет слов таких живых,
Как в сердце жизнь дающее биенье,
И я иду за Ним. Иду за Ним.
А вы?

Как не идти? За кем идти, скажите?
Чья жизнь, и смерть, и проповедь правы
Во всем? Он Бог и Искупитель!
За Ним иду. За Ним иду.
А вы?

Жду встречи с Ним. Небесная обитель
Обещана омывшимся в крови
Святого Агнца. Я была омыта.
Я встречи жду. Я встречи жду.
А вы?

Август 2001 г.

«СОЛЬ – ДОБРАЯ ВЕЩЬ...»

Чис. 18:19; Лк. 14:34; Кол. 4:6

«Вы – соль земли...» Не исказить бы роли
Хранителя от порчи и вреда.
Соль есть в крови, в слезах, в завете соли
Между Посредником и Богом навсегда.

Мы ж избранное, новое священство
И на земле носители тепла
И света, жизни вечной и блаженства,
И соли в своих немощных телах.

Но если соль не вызывает жажды
К живой воде, что через нас течет,
Она негодна против силы вражьей,
Хоть и ее у нас – невпроворот.

Помимо важных функций многогранных,
У соли свойство жажду вызывать.
Да будет соль во мне – не «соль на раны»,
А та, что возбуждает жажду знать

И жажду пить из родников прохладных,
Способных эту жажду утолить.
Пусть жертва уст таит елей, и ладан,
И соль, чтоб жизнь от порчи сохранить.

Июль 2001 г.

НЕ ВСЕ...

Не все, как Илия, в горящей колеснице
Уходят в небо, смерти не вкусив.
Таких, как он, не то что единицы,
А он один-единственный у Бога сил!

Как взят Енох, никто не знает точно.
О блеске славы Библия молчит.
Он был глашатаем: суды и гнев пророчил.
Все знали – он от Бога говорит.

Христос вознесся, пережив страданья,
И крест голгофский, и в мученьях смерть.
Мои ж скромны о смерти ожиданья:
Мне только бы при деле умереть.

Быть до конца не праздной, а полезной
Родным и близким, Церкви и Христу.
Пусть бодро перейду – не перелезу
За славную последнюю черту.

Январь 2001 г.

СОЛОМОН И СУЛАМИФЬ

«И нарекут Ему имя... Князь мира...»
Ис. 9:6

Соломон по-еврейски есть «Шломо» –
Значит «мирный», от слова «шалом».
Это имя – прообраз – знакомо
Тем, кто с Князем покоя знаком.

«Иисус» по-еврейски «Иешуа».
Значит «Помощь Иеговы» в делах.
Он Спаситель, нет лучшего друга,
Чем Отец, Сын и Дух их – «Руах».

Что ж творит эта дивная Троица?
В чем же цель ее здесь, на земле?
Неужель чтоб помочь нам устроиться
И в комфорте зажить и тепле?

Нет, «шалом» значит мир и прощение,
Избавленье от тяжких грехов.
Люди гибли. Христа воплощение
Сняло с пленников бремя оков.

И из этого нового племени
Создается живой организм,
Как очищенный слиток из пламени,
Без изъяна – как верх, так и низ!

То невеста Христа белоснежная
Новизною одежды блестит.
Суламифь Его чистая, нежная,
«Суламифь» – по-еврейски «Шломит».

Тут сияющий круг замыкается.
Мирный царь в полном мире царит.

Мира Князь – Он «Шалом» называется,
А невеста Его – «Шломит»!

Июль 2001 г.

УХОДЯТ...

Уходят современники и сверстники,
И содрогается в разлуке с ними сердце
Так, что порою не улечься, ни усесться –
Летят, как птицы, траурные весточки.

Хотелось бы, как прежде, с ними встретиться,
Поговорить, тряхнувши стариною,
Но мало их осталось здесь со мною,
А у оставшихся едва дух в теле теплится.

И вижу я, что скоро будет некому
Сказать по-свойски: «Милые, а помните?»
И, сидя группкою в уютной, тихой комнате,
Обмениваться памятными вехами.

Все младше нас. У всех воспоминания,
Ничем, никак на наши не похожии.
И я держусь за обещанье Божие
О встрече вечной после ожидания.

Пока ж сижу с тоскою одиночества
В толпе с ее пустыми разговорами
И отгорожена незримыми заборами
От молодого, чуждого мне общества.

Июль 2001 г.

КАК ОБЪЯСНИТЬ?

Как гусенице объяснить, что, мол, когда-то
Она вспорхнет над грядкой мотыльком?
Червь бесхребетный сможет стать крылатым
И перестанет двигаться ползком.

Как объяснить плотскому человеку,
Земному до мозга его костей,
Что, проползая здесь за вехой веху,
Он только червь – земля его постель?

Как объяснить, что можно измениться,
Что будущее лучше, чем «сейчас»,
Что он легко над грядкой сможет взвиться
По-ангельски, а не как саранча?

И стать подобным Божиему Сыну,
Преобразившись, свыше возродясь,
Забыв свою заботу и кручину
И разорвав с землей навеки связь.

Как объяснить, что небо будет лучше,
Чем прозябанье в «коконе» земли,
Что мы не будем вечно «бить баклуши»,
Священный труд с Иисусом разделив?

Как объяснить? Ну, право, я не знаю.
Бессилен мой язык, но Божий ввек силен
Открыть по вере путь и двери к раю,
Куда подспудно дух наш устремлен.

Сентябрь 2002 г.

ИЗБЕРИ ЖИЗНЬ...

Втор. 30:19

В юности, не признавая смерти,
Мы бесконечной представляли жизнь.
Куда она, бывало, не завертит,
Мы слышали одно: «Крепись! Держись!»
    Но годы шли. Менялись вкусы, взгляды,
    И возраст неизменно брал свое.
    И смерть приблизилась, и оказалась рядом,
    А юность унеслась в небытие.
Ничто нас так в пути не отрезвляет,
Как мысль о том, что мы не без конца.
Она нам аксиому представляет:
«Что началось, должно закончиться».
    А что потом? О, ужас, мы не знаем!
    А наобум идут одни глупцы.
    Что если «там» не обернется раем,
    Ни шуткой «дуба дал», «отдал концы»?
Ни анекдотом о «веселой бражке,
Которой здесь мы напивались всласть»,
А черной ямой, беспросветной, страшной,
Вдали от Бога, света и тепла,
    Где, как сказал когда-то русский классик,
    Мы лишены способности ЛЮБИТЬ,
    Где даже тени нет добра и ласки
    И слово «гладить» стало словом «бить».
Каким самоубийственно безумным
Быть должен тот, кто отвергает жизнь
И отвечает кротким, добрым, умным
На приглашенье к жизни: «Отвяжись!»
    И я до хрипоты напоминаю,
    Особенно в контексте «наших дней»
    (Здесь слов игра и умысел, я знаю),
    Но неотложный дух во мне сильней,

Чем опасенья и боязнь: что скажут?
Пусть говорят, ведь мне давно открыт
Конец несчастных и слепых. Как слажу
С желаньем свет и жизнь им подарить?
        Не сладить мне с потоком полноводным
        Живой воды, текущей чрез меня
        В стихах, статьях и строчках переводных
        И в жизни, полной вечного огня.

Декабрь 2001 г.

БОЖИЙ НАРОД

«Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом».
Рим. 11:4

У Бога всегда был народ
Святой, неподкупный, надежный.
У мира идеи вразброд,
Но спаянный верой живет
От мира вдали народ Божий.
        В отчаянье плакал пророк,
        Оставленный, всеми гонимый,
        Что нет никого, кто б помог...
        Но с неба ответил Сам Бог:
        «Семь тысяч есть Мною хранимых».
Как алая нить, чрез века
История «малого стада»
Течет, как живая река,
Ведет ее Божья рука
К воротам небесного града.
        В плену, в заточенье, во рве,
        В печи, добела раскаленной,
        Остаток с Вождем во главе
        Идет по песку, по траве,
        По острым камням – устремленно!
У Бога всегда был народ.
Он есть у Него и сегодня.
Мир злится, ругает, клянет,
Стремится закрыть ему рот,
Но держится стадо Господне.
        Сияющий факел несет,
        Дорогу во тьме освещая,
        Из вечности в вечность вперед
        Святой, отделенный народ,
        Врагам оскорбленья прощая.

Он так до конца доживет,
До встречи на вечном свиданье
С тем Пастырем добрым, что ждет
Искупленный кровью народ
У входа в небесное зданье.

Октябрь 2000 г.

МОЛИТВА

Смиряюсь пред величием Твоим,
Мой Бог, мой Искупитель, мой Господь,
И каюсь в том, что часто моя плоть
Совалась с наставлением своим.
И возмущенье, зависть или злость
Собою заслоняли кроткий дух.
О, приклони ко мне, прошу, Свой слух
И освяти, омой, прости, не брось!
Ведь я Твое спасенное дитя.
Плохая иногда, но все ж Твоя.
Жизнь новую во мне в любви творя,
Веди вперед и дай забыть себя.
Не дай врагу напоминать о том,
Что Ты уже простил и позабыл;
Не угаси любви священный пыл,
Дай до конца дышать и жить Христом!

Июль 2002 г.

БОГ ВИДИТ НАС ТАКИМИ, КАК МЫ ЕСТЬ...

Бог видит нас без наших накоплений,
Домов, машин, нарядов и трудов,
Подпорок бутафорных ста пудов
И благороднейших происхождений...
    Он видит нас такими, как мы есть:
    Двуличными, наигранными, злыми,
    Духовно слабыми, на две ноги хромыми,
    Готовыми впросак, чуть что, и сесть.
Он видит с Неба нашу наготу,
Как видел наготу Адама в рае,
Хотя и он, и Ева, прикрывая
Ее, спешили с глаз долой – к кусту...
    Ведь мы стыдимся нашей наготы
    И норовим под мишурой укрыться,
    Упрятать от стыда зардевшиеся лица
    От глаз всевидящих с надзвездной высоты!
В последний путь пойдем без ничего,
Казенной может быть последняя рубашка,
Что на спине по-детски нараспашку...
Буквально ничего в дорогу своего!
    А то, что иногда кладут покойным в гроб,
    Бессмысленно, наивно и нелепо,
    Как катафалк с нагруженным прицепом,
    Везущим вслед за трупом барахло...
Отчаянье? Безвыходность? Обрыв?
Иль все же есть какая-то надежда,
Какая-то достойная одежда,
Чтоб стать пред Богом, наготу прикрыв?
    Да, есть! Смотря на нашу безнадежность,
    Учитывая зоркость Своих глаз
    И абсолютной святости алмаз,
    Бог обеспечил нас чистейшею одежей.
Белее снега сделан саван тот,
Омыт в крови возлюбленного Сына,

И нашей неприглядности картина
Преобразилась, став пред Ним святой!
    Мы изменились в Божиих очах,
    Родившись от Него, в Него крестились.
    В Его ковчеге навсегда укрылись,
    А крест Христов рассеял смерти страх.
По-прежнему Бог видит, кто мы есть,
Но смотрит через призму мук голгофских
На тех, кто, преклонясь, без жестов броских,
Признался в наготе, приняв Благую весть!

Март 2001 г.

ВРЕМЯ

«...Дорожа временем, ибо дни лукавы».
Еф. 5:16

Всегда боясь убить минутку времени,
Я заполняла делом каждый миг.
И даже сон отрезком был потерянным
И вырванным напрасно у живых.

Полжизни – сон, лишь половина – бдение.
Как можно ею мне пренебрегать?
Кому нужны ночные сновидения?
Мне б явь хотя бы только не проспать!

Иду ль на пляж, тащу с собою чтение.
Сижу ль в саду, с собою карандаш.
И, замечая каждое растение,
Вношу в тетрадь рифмованный пейзаж.

Глаза прикрою, сразу совесть мучает,
Что на безделье время расточу.
И чтоб его использовать получше мне,
Не встану с места лени, а взлечу!

Возьму шитье, починку иль с лопаткою
Пройдусь вкруг дома, зелень шевеля,
Чтоб сорняки на грядках повытаскивать
С корнями, чтоб дышала вновь земля.

Год пролетел. Куда бежал украдкой он?
Как быть со временем, что быстро так летит?
Господь, не дай растратить жизнь на сладкий сон,
Дай каждый миг полезно проводить.

Январь 2001 г.

В САДУ

За окном в багрец оделись клены,
Тополя покрылись янтарем.
Сад, что был недавно весь зеленым,
Дарит землю «золотым рублем».

С абрикосов «медные монетки»
Сыплются на бархатный газон.
У настурций прошлогодних «детки»
Проросли, не мысля про сезон.

Нету в Санта-Барбаре сезонов.
Что-то есть, похожее на них.
Без дождя осенних перезвонов
Был бы год всегда и тепл, и тих.

Круглый год цветет на грядках что-то.
Зеленеет круглый год сосна.
Бойко набирая обороты,
Вьется ввысь лавровая стена.

Вечно зеленеют кипарисы,
Круглый год бегонии цветут.
Лишь багрово-желтые, как лисы,
Клены ткут осеннюю мечту,

Напевают сладкое томленье,
Грусть по уходящему зовут.
Только те, кто верит в пробужденье,
Знают: будет к жизни воскресенье,
И надеждой на него живут!

Ноябрь 2000 г.

ЧИТАЯ АРХИВ

Зачем я открыла архив пожелтевший,
Где строчки едва разберешь?
Я их обводила рукой постаревшей,
Чтоб позже прочла молодежь.

Полвека прошло с той поры, как писала
Родным в их заморский уют:
«Мы ждем парохода, а после отчала
Еще две недельки – мы тут!

Встречайте, не плачьте над свежею раной,
С которой я к вам приплыву...»
Сама же полвека спустя, как ни странно,
Читая об этом, реву...

И то, что казалось давно позабытым
Иль спрятанным в сердце на дне,
Всплыло вдруг и сделалось раной открытой,
Так живо представившись мне.

И так защемило в душе от тех строчек,
Так больно сдавило всю грудь,
Что к векам прижатый стал влажным платочек
И все погрузилося в грусть.

И я, чтоб прогнать ее, папку закрыла
И в ящик сложила архив.
Давно нет родных. Я стара. А что было,
Мне выплеснуть легче в стихи.

Сентябрь 2000 г.

НА КЛАДБИЩЕ

Меж могил гуськом,
По траве пешком
Медленно идет
В трауре народ.
Виден черный креп,
А дорожка в склеп,
Там, где затхлый дух
От венков вокруг,
И на плитах мох,
Что и мок, и сох...
В полумраке том
Свет сквозь щель крестом
На прохладе плит
И на мху лежит,
Терпеливо ждет,
Пока крестный ход,
У дверей столпясь,
Света с тьмою связь
Разорвет. И в миг
Скрип петель дверных
Переменит все:
И в дверной пролет
Сразу свет польет.
И объявит свет:
Смерти больше нет,
И готова жизнь
Затхлость освежить
И тому, кто слеп,
Возвестить, что склеп –
Это не конец;
Что есть Бог-Отец,
И есть вечный Сын,
И что Он Один
Дал надежды луч
Сквозь навесы туч,

Траур гонит прочь,
Днем сменяя ночь.
Не грусти, душа!
Укрепи свой шаг!
По дороге в склеп
Черный креп – нелеп!
Знай, что светлый цвет –
Радости отсвет.

Май 2000 г. (Memorial Day)

ПЕРЕД КАРТИНОЙ

На ярко-красном коромысле
Несет девчонка воду в ведрах.
В такт ритму ног и ведер – мысли.
В такт мыслям – женственные бедра.
    Все молодо в ней и красиво:
    Спина и шея, стан упругий.
    Гибка, как над водою ива,
    Пряма, как радиус у круга.
Кричит картина мне безмолвно
Фигурой девы голенастой
О юности, походке ровной,
О жизни тихой, безопасной.
    И на картину эту глядя,
    Невольно возраст ощущаешь.
    Тем более, что пядь за пядью
    Уже с трудом одолеваешь.
Походка сделалась неровной,
Согнулся стан, с наклоном шея,
Ложбинкою «большак» надбровный
Пересечен, как фронт траншеей.
    Нет сходства с юностью вихрастой,
    Иных деньков пора настала,
    Описанных Екклесиастом,
    Как те, где удовольствий мало...
И все же, все ж не все пропало.
Скопилась вера, мудрость, опыт.
Каких-то удовольствий мало,
Зато и меньше стало хлопот.
    И нет желанья возвратиться
    В свою бушующую юность,
    Не знавшую, кому молиться,
    Кого винить за злую участь.
Уж лучше в бурях закаленной
Идти, пусть медленней, в дом Отчий,

В крови Христовой убеленной,
Смотреть без страха в Божьи очи.
Девчонкой можно любоваться
(Ведь для того же и картина),
Предпочитая оставаться
Спокойно при своих сединах.

Май 2001 г.

ОСЕННИЕ КАРТИНКИ

Два клена во дворе меняют цвет под осень –
Один позолотел, другой побагровел.
Зеленоват газон под ними, но не очень –
Он тоже постарел, присох и поседел.

Осыпались почти все абрикосы, сливы,
И смоква неохотно, но сдает
Засохших листьев свиточки в архивы
Сырой земли еще за один год.

Зверьки ночные вкопанный ставочек
Из старой ванны истерзали весь,
Оставив от кувшинок листьев клочья
И рыбок проглотив в один присест.

И все ж у нас не все так безотрадно.
Цветы, деревья есть, что и зимой живут.
Сосна и кипарис, гуава и ограда
Из лавра дикого весь год под тень зовут.

А там сквозь огоньки разросшихся настурций
И их светло-зеленую листву
Синеет повилики цвет ползучий
И серебрится ее цепкий ус.

И поражает вновь упорная живучесть
У апельсина, что за гаражом.
С него плоды и в январе получишь,
А листьев лоск слепит и под дождем.

Осенняя пора полна очарованья.
Осенняя пора давно ко мне пришла.
Вступая в зиму, верю обещаньям
Того, в Ком смысл и счастие нашла.

Октябрь 2001 г.

МОЛИТВА О БЕСПЕЧНОМ МИРЕ

Как равнодушен мир к Тебе!
Не понимая, обвиняет
Тебя в своей беде, борьбе
И даже в том, что избирает.
    Свидетель зла, болезней, войн,
    Он не в себе причину ищет.
    Страданья стон, бессилья вой
    Своей природе не припишет.
Для многих Слово Божье – миф,
Добро и зло не существует.
Стандартов нет, а данный миг
Решают наобум, впустую.
    И не поймут забот тщеты,
    Бесплодия трудов, стремлений.
    А Ты, Господь, как прежде, Ты
    Зовешь склониться на колени.
Родных жалея и любя,
Мир по своим умершим плачет
И утешается в скорбях
Надеждой ложной на «удачу»:
    «Авось», «всевышнее добро»
    И неопознанная «милость»,
    Где все равны и все равно,
    Обнимет всех, что б ни случилось.
Здесь, на земле, в путях кривых,
Ведущих через лабиринты
Религий ложных и слепых,
Лишь в тупики заводят спринты.
    Все потому, что от греха
    Мир не желает отказаться,
    Чтоб, подавляя стыд и страх,
    Им безвозбранно наслаждаться.
Тебя прошу, Тебя зову,
Ты умудри, как к ним пробиться

И как во сне и наяву
Всегда Тебе о них молиться.

Март 2002 г.

ТКАЧ

Мой путь подобен ткани
Меж Господом и мной,
Не мне цветов исканье –
Он двигает навой.

Порой вплетает горе...
Я ж в спеси забывал:
Он видит лицевое,
А мне изнанку дал.

Но тихо станет в ткацкой,
Бег прекратит челнок –
Узор с различной краской
Тогда покажет Бог.

Вплетенья нитей темных
Нужна была пора,
Пока в узор вплетал Он
Нить злата-серебра.

Перевод с английского Веры Кушнир
(Автор неизвестен)

МОЙ ОЗИМЫЙ ПОСЕВ

Мы с увяданьем уравняли осень,
Как время смерти листьям, семенам...
Но есть посев озимый, есть и озимь,
Из недр земли воскресшая от сна.

Лежит зерно, субстанцию меняя,
Во чреве отдыхающей земли.
Весной тепло, зародыш согревая,
Пробудит плод, росток расшевелив.

И потому, вступив в период зимний,
Я сею Слова Божьего зерно
И верю, что и сей посев озимый
Плод принесет грядущею весной.

Как тот старик крыловский, что под старость
Сажал без сожаленья деревцо,
Так я, переборов порой усталость,
С надеждой сею, слыша смех юнцов:

«Уже б утихомирилась старуха!
Зачем пахать ей на закате дней?»
Те мнения пуская мимо слуха,
Пашу и сею гуще и сильней.

И не беда, что озимь не при жизни
Увижу я, а в вечности, потом...
Важнее, чтобы, словом моим призван,
Заблудший грешник принят был Христом.

Посев и жатва не одновременны.
Терпению нас учит Сам Господь.
И года времена идут посменно.
Я ж сею – Божий Дух рождает плод.

Ноябрь 2001 г.

ВРЕМЯ

Время кратко…
Уходит время
Исподтишка, украдкой…
Ерошит тебя,
Ветром попутным дуя.
Не расточить бы время,
Не промотать бы всуе.
Время – деньги
Тем, кто их любит,
Кому их день был
Обильным блюдом,
Кто с полной ложкой
На свет явился
На мягком ложе,
Но не стремился
К высоким целям.
Пил блага чашкой,
Родясь в рубашке.
Время – не бремя
Трудолюбивым.
Оно не в тягость
Честным трудягам,
Кто служит Богу
Душой и телом,
И занят делом,
Что ввек пребудет.
Время – подарок
От Бога людям
Для нахожденья
Пути спасенья
И жизни цели.
Так неужели
Мы промотаем
Отрезок краткий,
Что нас уносит

Вперед украдкой
Попутным ветром,
Что в спину дует.
И время, время
Истратим всуе?

Апрель 2002 г.

СТРАННОЛЮБИЕ

Рим. 12:13; Евр. 13:2

Дуплистый дуб на улице зеленой,
Но пусто в дуплах, веет ветерок...
Не дал приюта твари утомленной,
Ни птичьих гнезд, ни белки не привлек.
Бывает так с людьми в больших именьях,
Где роскошь и простор в три этажа!
Где вкус и декорировать уменье,
Но нет чего-то главного... А жаль!
Там кормят птичек – трепетных колибри,
Туда порой приходят на обед
Те, кто не тронет ничего, не «стибрит»,
Не унесет серебряный комплект
Из антикварных ложечек и вилок,
Не разобьет наследственный стакан
И не помнет подушек и подстилок,
Присев на кресло, словно истукан.
Да, я сама в таких домах бывала,
Ведь моя личность носит ореол –
«Поэт и переводчик». Я писала
Стихи и прозу, и сейчас мой стол
Завален весь листами черновыми
Набросков, мыслей, строчек для стихов,
Статьями из газет переводными
И письмами со всех земли концов.
Я наблюдательна. И мне тот дуб дуплистый
С зияющей из дупел пустотой
Напомнил о домах богатых, чистых,
Где лишних комнат, но пустых – горой!
А ведь возможно приютить старушку,
Студента без копейки за душой,
Недавно обедневшую подружку...
Да мало ли кого! Но «дуб» пустой!

Июль 2002 г.

«СКЕЛЕТ В ШКАФУ»

У каждого есть свой «скелет в шкафу» –
Есть что-нибудь неловкое, больное,
На что другие скажут «тю» и «тьфу»,
А нас оно лишить может покоя.

Нам хочется, чтоб выглядели мы
В наилучшем свете, без морщин и пятен,
Спокойными, без следа кутерьмы,
Чтоб облик был прозрачен и понятен.

Так хочется, простите, но увы,
Жизнь преподносит каждый день сюрпризы
Частенько чрез детей, родных; и вы,
И я скрываем эти «эпикризы».

Мы молимся, надеемся, таим
Те тайны, чтоб никто не мог злорадно
Ущерба нанести ни нам, ни им,
Семейные проветривая рядна.

Но нам знаком и Тот, Кто видит все,
Включая и «шкафовые скелеты»,
Кто милосердие дарит Свое
И исполняет древние обеты.

Он – утешенье всех наших семей:
Домашних, и церковных, и небесных.
Он кровью Сына смыл грехи детей,
И наши смыл у врат, предельно тесных.

Мы неприглядны. Это не секрет.
Мы не собой к Иисусу привлекаем.
У мира не такой в «шкафу скелет».
Он с ним томится, ходит неприкаян.

Откроем наше лучшее ему.
Откроем сердце, где царит Спаситель!
И поведем мир к Богу своему
Чрез кровь Христа в небесную обитель.

Сентябрь 2002 г.

СОРАСПЯТИЕ

У жизни есть начало и конец,
И срок ее для каждого назначен:
Сразит ли рак, инфаркт или свинец –
Наступит час наш – так или иначе.

Неинтересно говорить про смерть,
Но для святых она приобретенье.
И строчек в Слове Божьем не стереть
О том, что смерть для многих – избавленье:

От пут греха, от слабостей плотских,
От уз земных и всех ограничений.
Да, ожидает радость всех святых,
Свобода от болезней и мучений.

Но еще больше утешает мысль,
Что даже здесь, в грехом изрытом теле,
Мы можем, Богу отдавая жизнь,
Распяться со Христом на самом деле!

Решить не жить, где царствует порок,
И силой Духа побеждать соблазны.
От нас зависит этой смерти срок,
Но, как и тот, другой, у всех он разный.

Январь 1994 г.

«ВЕЧНЫЙ ЖИД»

«Не две ли малые птицы продаются за ассарий?
И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего.
У вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же:
вы лучше многих малых птиц».
Мф. 10:29–31

Мне говорить о том не хочется.
Я прогоняла мысли жуткие,
Те, от которых сердце корчится
И дрожь, и колики в желудке.
Я их гнала в подвалы памяти,
Хранила за семью печатями,
Но каждый год Израиль, как нанятый,
Те мысли будит с их печалями.*
Со дня познания Спасителя
Вопрос терзал о совмещении
Слов, что «и волосы сосчитаны»,
С тем непонятным допущением...
Ведь нет у Господа случайностей,
Нет власти не в Его внимании.
Да, люди допускают крайности
Под сильным дьявола влиянием,
Какого стать пришлось свидетелем
(Частично с опытным познанием)
В бессилии, присущем детям лишь
Перед угрозой наказания.
Весь мир молчал, за исключением
Немногих стран и добрых личностей.
Катился вал уничтожения,
Давя «ненужное» и «лишнее»...

---

* *Поминовение жертв Холокоста*
(Я писала в своем биографическом очерке, что в годы войны я увидела и пережила очень много такого, о чем долгие годы даже не решалась говорить: слишком тяжелыми были воспоминания, и многое было и остается непонятным. В. К.)

Когда со свастикой нашествие
Однажды наводнило родину,
Непревзойденным было бедствие –
И личное, и всенародное –
Для тех, чей облик древний «Симовый»
Проглядывал в типичной внешности:
С горбинкой нос, глаза не синие,
Кудряшки на висках потешные...
Кого-то внешность та корежила
И доводила до истерики.
И шел «семит», от страха съеженный,
По переулочкам и скверикам,
Звездою желтою отмеченный,
Путем для бегства перерезанным.
И выглядел тем «жидом вечным»,
Бегущим над великой бездною.
Одной могилой обеспеченный,
Попав ногой в капкан железный,
Беднее, чем сверчок запечный,
На вид став нищим и болезным.
Лишенный прав, защиты личности,
Он шел, смирившись, на заклание
Без адвоката, что вступился бы
Иль дал пред казнью указания...
Он не увидел правосудия,
Когда, в пустые шахты брошенный,
Летел на дно в кровавый студень,
Одною пулею подкошенный.
Там жены, дети и родители
Уже лежали слой за слоем,
Друг друга кровию залитые,
В могиле братской для изгоев...
Есть тайный смысл в любом страдании.
В любом гоненье – назначение.
Нет зла в Творившем мироздание!
И в этой вере всем спасение.
Нет, не ошибся Бог в избрании

И не расторг завет Свой кровный.
Не спит Хранящий дом Израиля,
Хранит, ведет и в час суровый.
Я в память глубоко упрятала
Дней неприятных впечатления
И верю: все то непонятное,
Понятным станет откровением,
Когда, придя в Небес обители,
Паду перед Святым Израилевым
И встречу всех, кого обидели,
Кого избили и изранили.
Когда боялась вспоминать о том,
Когда смущали мысли страшные,
Вдали виднелся темный холм с крестом
И Божий Сын с грехами нашими.

Май 2001 г.

ЭТОЙ ВСТРЕЧЕЙ ЖИВЯ...

Мне с людьми говорить иногда невозможно,
Иногда невозможно им меня разгадать.
Откровенность души непонятна и сложна,
Непонятна и сложна... Значит, нужно молчать.

Без созвучной души, чтоб меня понимала,
Чтоб меня понимала, если нужно, без слов,
Я твердила не то, или просто молчала,
Или просто молчала среди умных голов,

Ожидая минут в дальней комнате дома,
В дальней комнате дома, в тишине ее стен,
Когда Духом Святым я бывала ведома,
Я бывала ведома для склоненья колен.

Там встречала Того, Кто всегда понимает,
Кто всегда понимает все от «А» и до «Я».
Обличая любя, на колени склоняет,
На колени склоняет пред Собою меня.

Этой встречей живя, укрепляюсь духовно,
Укрепляюсь духовно для встречи с людьми.
Меня понял Христос! И стучит сердце ровно,
И стучит сердце ровно от тепла и любви!

Февраль 2000 г.

НА СТРАЖЕ...

Мне на работу завтра не идти.
Суббота завтра. Занятость в квартире...
Мне скоро будет семьдесят четыре –
Вот-вот конец пройденного пути.

Но почему-то так сулил Господь,
Чтоб я еще ходила на работу
И чтоб была полезной для чего-то.
Ведь не дрова ж Он мне велит колоть,

А «крепость сторожить», что старики,
Отозванные в вечность, созидали.
Им откажу ль в доверии? Едва ли!
Уж слишком цели были высоки.

И я встаю пораньше день за днем.
Еще темно. Молюсь, читаю Слово,
Чтоб сердце было ко труду готово
И к поединкам с наших душ врагом.

Молюсь, надеюсь... Что-то впереди...
Роптать боюсь, себя жалеть не смею.
Бог за нытье меня не пожалеет.
Он любит верных до конца пути.

Сознанье долга в сердце глубоко.
Я помню, как родители примером
Его внедряли нам, еще неверам,
Как силу с материнским молоком.

Я верностью их сильно дорожу.
Мы с нею сжились в их уютном доме.
И потому, смирясь, стою в проломе
И до конца их «крепость сторожу».

Сентябрь 2000 г.

РВАНАЯ РАНА

Если мирно с вескою причиной
Разрезать общину пополам,
Будет слава и Отцу и Сыну,
Дух Святой печать поставит Сам.

Ровненькая рана, заживая,
Гладенько срастит свои края,
Шрамов по себе не оставляя,
Рваной же не скроешь никогда.

Вырванный кусок с неровным краем
Отлетит, оставив рваный след.
Грубый шрам, ничем не исцеляем,
Разгласит ранения секрет.

Он годами будет ощутимым,
Памяти тревожа тайники.
Рваный край разорванной общины
Долго оставляет остряки.

И не говорите: «Все в порядке»,
Мол, «Господь и так благословит...»
С Богом ли хитрить, играя в прятки,
Перед Ним ли будем делать вид?

Никого сбивать не надо с толку,
«Святостью» бравируя своей.
Любит Бог смиренных и умолкнуть
Заставляет гордых бунтарей.

Ноябрь 2000 г.

УХОДЯЩЕЕ ДЕТСТВО

Внучке Эмилии

В моей внучки глазах
Уходящее детство...
У машин тормоза,
Детство ж движется в девство
С быстротою стрелы,
Или, может быть, света?
Был ребенок и сплыл.
Нет того силуэта,
Что был прям, угловат
И слегка несуразен.
Изменился формат
Как-то вкрадчиво, сразу.
И стоит предо мной
Юной девы начало.
Задержать не дано,
А то б я закричала:
«Не спеши! Задержи
Это в зрелость стремленье!»
Но ведь рост – это жизнь,
А где жизнь, там движенье.
И хоть вижу в глазах
Уходящее детство,
Все ж боюсь показать,
Как болит мое сердце.

Июнь 2000 г.

КОНЕЦ МОИХ ДНЕЙ...

«До конца моих дней...» –
Говорилось о том и о сем:
Коль запомнилось что-то,
Иль с кем-нибудь крепко сдружились,
Иль в любви поклялись,
Сидя в юности с кем-то вдвоем,
Может, с будущим спутником жизни,
С кем напрочно сжились.
А сегодня глядит нам в глаза
Тот «конец наших дней»,
Что казался далеким, как тусклые звезды в эфире.
Он приблизился к нам,
Стал рельефнее вдруг и видней,
Неотложней, настойчивей
Стука дверного в квартире.
Он стучит в мою дверь и кричит:
«Я пришел, наконец! Открывай и впускай,
Обещанье исполнив о сроках!»
Пролетели года, и былой желторотый птенец
Оперился, взлетел, возмужал,
Постарел в перелетах.
Дней почти не осталось.
Идет негативный отсчет:
Десять, девять и ниже, и ближе к нулю неуемно.
И последний денек у порога настойчиво ждет,
Чтоб доставить на встречу с Отцом
В Его светлой приемной.

Июль 2001 г.

ЧУДО БОЖЬЕГО ТВОРЕНЬЯ

Парит в ветвях эквилибристом
Малютка-птичка. Вьет гнездо
На локве старой между листьев
Колибри-мама – детям дом.

Кладет в малюсенький домишко
Не больше-меньше – два яйца,
Точнее было бы – яичка,
Как ей и полагается.

Мы наблюдаем, в окна глядя,
Как в гнездышке она сидит,
Как прилетает в клюве с кладью,
Когда в нем выводок пищит.

Как длинным клювом крючковатым,
Паря над гнездышком родным,
Кладет во рты своим ребятам
Паек принесенной еды.

О, чудо Божьего творенья!
Какая мудрость, красота!
Какое тонкое уменье
Нектаром жить и им питать

Свой выводок из двух пискливых,
Размером с ноготок, детей.
Мизерно малых, но счастливых
Заботой матери своей.

Как драгоценно упованье
На свет Небесного Отца,
День дню передающий знанье
И нам с тобой, как тем птенцам.

Как хорошо нектаром Слова
Себя и деток напитать!
Меня Спаситель учит снова
Его уроки принимать.

Апрель 2002 г.

ВДОВИЦ ПОЧИТАЙ...

Тим. 5:3

Много места в Небесном Божественном доме,
Много места в Божественном доме земном.
В нем никто не забыт, но особенно вдовы,
Все укрыты под Божьим могучим крылом.

«Я Отец вдов и сирот», – вещает Иегова.
«Он Отец беззащитных», – твердит Дух Святой.
Эта весть, как бальзам, льется на душу вдовам:
«Вы Мои, не одни, не оставлены Мной!»

Если в Библии Бог много раз повторяет
Свой какой-нибудь принцип, прислушайся, друг!
Значит, важное что-то Он в сердце внедряет,
Значит, что-то зависит от наших услуг.

«Оставляй по краям свеже сжатого поля
Полосу для пришельца, вдовы, сироты.
Сноп упал, пусть лежит, это бедного доля»,
Пусть вдова подберет, дом чтоб не был пустым.

«И сбивая маслины, оставь неимущим –
Сироте, и вдове, и пришельцу оставь».
До конца обрезать виноград неприсуще
Тем, кто любит исполнить Писанья устав.

«Отложи для вдовы часть рабочих доходов –
Для нее и других, кто страдает в нужде...»
Это семя живое даст вовремя всходы
На небесных полях – вечных житниц среде.

«Ты вдовиц почитай», – говорил Тимофею
Добрый, мудрый апостол в посланье своем.
«Только истинных вдов, что колен не жалея,
Любят Богу молиться и ночью, и днем».

«Дай внушение строгое сластолюбивой,
Той, что заживо в теле уже умерла.
Остальных наставляй, чтобы деток любили,
Молодым помогли б стать потоком тепла».

«Защищай сироту, за вдовицу вступайся,
Угнетенных спасай, перестань делать зло...»
Это Божий призыв, с ним серьезно считайся,
Не бросает на ветер Господь Своих слов.

Помни слезы вдовы, одиночество, бедность.
Ведь опоры, что в муже, лишилась она.
Посети, накорми, расспроси, поразведай,
В чем нужда, чтоб воздать по нужде ей сполна.

Сам Господь обещает служителям благо
На земле во всю жизнь послушанью в ответ.
Мы зовем вас служить от души и с отвагой –
Вдовам, сиротам, нищим – в том счастья секрет!

Август 2000 г.

ПЕСНЬ В НОЧИ

«Днем явит Господь милость Свою, и ночью песнь Ему у меня, молитва к Богу жизни моей».
Пс. 41:9

Незваный гость, нежданный гость – болезнь!
Мне научиться нужно с нею жить.
Допущена она. Не тронь, не лезь,
Не отстраняй, дай ей тебе служить!

Она научит с кротостью терпеть,
Научит за нее благодарить,
Не нарекать, не сетовать, а петь!
Давида песнь научит повторить.

Не он ли пел о том, что все пройдет,
Труд и болезнь – наилучшая пора?
И я тружусь, болея без забот,
Молюсь, пишу, пою уже с утра.

За каждый день, за каждый миг земной,
За красоту небес и за цветы,
За то, что Бог всегда, везде со мной,
Благодарю в мольбах моих простых.

Он дал мне песнь и, допустив недуг
И слабость, старость, не отнял ее.
Та песнь в душе, поет спасенный дух!
Там поселился неизменный Друг,
А все Его – наследие мое!

Июль 2002 г.

ГОРЕ-ПРОПОВЕДНИКИ

За кафедру часто выходят субъекты,
Которым сподручней другие «проекты»,
Чем проповедь, в жизнь проводить.
Невольно Крылова слова вспоминаешь:
«Сапожник», «пирожник»... и их применяешь
К тому, кто мозги нам мутит.
Когда не по мерке одежда иль обувь,
В ней тесно бывает иль слишком свободно,
Удобно ж она не сидит.
Нет счета повсюду наглядным примерам
Одежды и обуви, что не по мерам.
До смеха комичен их вид.
Я помню, отец рассказал, как с комфортом
Расстался однажды, вцепившись в ботфорты,
Погнавшись за тем, что блестит.
Понравились очень, но жали «чуточек»,
Так мать убедил он, подросток-сыночек,
Ботфорты на праздник купить.
И всю вечеринку провел на кушетке
В потемках чулана, у лестничной клетки,
А жизнь за дверями кипит...
Ботфорты те так ему ноги сдавили,
Что даже стащить их отец был не в силе.
Урок был всю жизнь не забыт!
Недаром Господь нам служенье по мере
Дает соответственно внутренней вере,
И Сам за прогрессом следит.
Он нам испытаний не дал не по силам
И дел сверх способностей не поручил нам.
Все в меру, подходит, сидит!
Как кафедру от самозванцев очистим?
«Я не посылал вас», – Господь говорит им.
Увы! Церковь ими кишит...

Сентябрь 2000 г.

МЕЛОДИЯ НЕБА

Песня

Утром и вечером, в полдень и ночью
Дивной мелодии звуки во мне.
Задан был тон ей прощением Отчим,
Данным в Иисусе, как светоч во тьме.

Ритм отбивают порой барабаны,
Маршу способствуя к битве со злом.
Тяжким грехом нанесенные раны
В сердце рождают печальный псалом.

«Радуйтесь! Бодрствуйте!» – кличет апостол.
И, пересилив печаль и тоску,
Песню пою, хоть поется не просто
И не легко, как в ходьбе по песку.

Не умолкает мелодия Божья,
Со дна поднимаясь усталой души.
Не перебить ее силе безбожья,
Злобе неверия не заглушить.

Так донесу ее к вечности грани
И недопетое там допою,
Где, завершив путь святого избранья,
С хором небесным свой голос солью.

Август 2001 г.

ВРЕМЯ УХОДИТ

Время уходит, мелькают секунды,
Быстро текут, как сквозь пальцы песок.
Неуловимым движеньем подспудным
Вдруг вырывают из жизни кусок.

Свежий момент восхищает сознанье;
Сердце настроишь его удержать –
Как он уже в виде воспоминанья
В область преданья успел убежать.

Сколько счастливых прожито моментов!
Сколько печальных прожито минут!
Памяти нити из них незаметно
Кружево жизни тихонько плетут.

Глядя назад, в пролетевшие годы,
Видишь отдельных событий узор:
Поиски счастья, любви и свободы,
Взлеты, победы, падений позор.

Видишь святых созерцаний просветы,
Проблески дивных открытий в тиши
И на молитв сокровенных ответы
Для утешенья скорбящей души.

В кружеве жизни пестрят узелочки
Наших мгновений, как вех на пути.
Время уходит сквозь пальцы песочком...
В поисках главного, стало быть, срочно
Следует смысл тех мгновений найти.

Июнь 1998 г.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГЕНИЙ

Человеческий гений, как Божественный образ,
Что почти без предела творит и творит...
Кто-то мост протянул чрез бездонную пропасть,
Кто-то режет алмазы, кто-то горы сверлит.
  Человеческий гений запускает ракеты,
  Пролагает туннели в глубине под водой,
  Электронную почту, связи по Интернету,
  Чтоб полегче справляться с любою бедой.
Человеческий гений все, от «микро» до «макро»,
Постигает, исследует, роет, дробит.
И поверхность земли в километрах и акрах
Покрывает бетоном, зажатым в гранит.
  Человеческий гений исцеленье болезням
  Ищет всюду, где только его можно найти.
  Но он слеп зачастую, и ступая над бездной,
  Разглядеть не умеет опасность пути.
Человеческий гений – Божий образ, подобье
Гениальности Бога – Отца и Творца,
Но в отличье от Бога, он не знает беззлобья,
Он подпорчен грехом, в нем изъян и гнильца.
  Человеческий гений с гнильцой и изъяном
  Полон скверных и вредных, безбожных идей,
  Сбитый с толку давно сатанинским обманом,
  Он несет разрушенье и гибель везде.
Человеческий гений, наряду с превосходным,
Изощряется ловко в порочном и злом.
Он не занят, увы, делом богоугодным,
А, напротив, к плохому идет напролом.
  Человеческий гений так нуждается в Боге,
  Оторвавшись когда-то от света в раю!
  Человеческий гений в каждом слове и слоге
  Выдает обреченность и грешность свою.
Человеческий гений, пройдя искупленье,
Мог бы подлинно мир ко спасенью вести.

Потому мое к Богу о людях моленье
Не устанет тот гений к Голгофе нести.

Декабрь 2002 г.

СТИХИ ИЗ ПРОЖИЛОК В РУДЕ...

Книга жизни писалась,
Строчки строя в страницы,
Что неслышно ложились
Зерном в борозде.
Продвигаясь по ней
То улиткой, то птицей,
Я те строчки вбирала,
Как губка в воде.
И на палочке мозга
Потом отжимала,
Содержимое пряча
Прожилкой в руде.
Добывать накопленья –
Нелегкое дело:
Рудокопы потеют,
Полумрак – их удел.
Так сулил, знать, Господь,
Чтоб я тоже потела,
Заполняя добытым
Каждой строчки пробел;
Чтобы плавно и звучно
Читалась та книга,
Что ложилась неслышно
Зерном в борозде;
Чтобы в строчки вошло
То, что было получше,
Из того, что хранилось
Прожилкой в руде.

Сентябрь 2000 г.

СВЕЖЕЕ...

Свежие рифмы, как запах хлеба –
Прямо из печки с корочкой нежной.
Мысль в голодовку: «Господи, мне бы
Малый кусочек, пусть и несвежий!»

Свежие ноты – музыка неба,
Трогают сердце до самой основы.
В скорбные годы думалось: «Мне бы
Звуки услышать песенки новой!»

Свежий огурчик с легким присолом
Хрупкостью тешил, радовал солью.
В тяжкие годы был как посол он
Свыше – для брани с тьмою и болью.

Свежие розы в алом букете
После разрухи взору предстали.
Парень явился в ветхом жакете –
Трудные годы памятью стали.

Свежею жизнью, новой страницей
Бог обеспечил нас пред Собою.
И оросило влагой ресницы:
Боже, смотри, что Ты сделал со мною!

Свежие рифмы – стройные строчки –
Вновь потекли ручейком говорливым.
Боже, смотри, неудачливой дочке
Дал силу слова – сделал счастливой!

Свежим рассветом, в розовой дали
В нас пробудился дух ожиданья.
Боже, смотри, мы у пристани стали!
Скоро отчалим к Тебе на свиданье!

Октябрь 2009 г.

НЕ ТЕ МЫ...

Искала названье задуманной темы,
Безрадостной темы с тоскою сердечной.
И тут же пришло: «Да ведь просто не те мы,
Что были когда-то при жизни беспечной.

Мы в ранние годы любили поездить.
И все нипочем было – легкого легче.
Палило нас солнце, манили созвездья,
А нынче: «Прилечь бы... не сесть, а прилечь бы!»

Знать, возраст настиг и загнал нас под крышу,
И запросто сделал из нас домоседов.
Хотелось бы дальше, хотелось бы выше...
Да пар уже вышел у бабки и деда.

Мы знаем, что сетовать было б зазорно
На то, что не те мы, что силы пропали.
Когда ж недовольство прорвется упорно,
Господь говорит: «Но ведь вы ж не упали!»

Мы твердо стоим в упованье и в вере,
А бури за дверью, как дикие звери,
Где дикие звери и те, кто не верит.
Ах, как же нам жаль тех, кто в Бога не верит!

Мы Богу несем наши думы в молитве,
Мы факел надежды несем и под крышей,
Хоть тело порою, признаться, болит ведь
И пар уже вышел, весь пар уже вышел.

Ноябрь 2009 г.

КТО ГЕРОЙ

Мы любим героев, мы строим для них пьедесталы,
Над их головой нам видится радужный нимб.
Как будто не люди они, а живые кристаллы,
Чья жизни прозрачность нас тянет к себе, как магнит.

Нам нравятся люди, чья жизнь нам мерещится лучше,
Чем наша простая, обычная, серая жизнь.
Нам хочется рядышком с ними присесть под их кущей,
Как будто бы лучше сам станешь, лишь к ним прикоснись.

Да, все это верно, но верно лишь только отчасти.
Творенье никак, никогда не превысит Творца.
Есть пятна на солнце, и были ошибки, к несчастью,
В делах патриархов и в жизни всех верных отца.

Ведь не потому же Господь нас избрал и поставил
В пример подражанья на все остальные века,
Что кто-то из нас совершенства картину представил,
Достигнув его своей силой, как море песка.

За каплю любви, за горчичное зернышко веры,
Готовность отдать Ему потенциал,
Бог нас избирает, спасает, готовит в примеры
Героев с желаньем исполнить Его идеал.

Не нас, а Свой образ, Свое, как в воде, отраженье,
Он видит и ценит, хотя б колыхалась вода.
Хотя бы порою ошибки вели к заблужденьям,
Он знает: мы встанем, мы с Ним, мы Его навсегда!

Он ради Себя Самого нас хранит в этом мире,
Для славы Своей одарил, наделил и омыл.
Мы – малое стадо, а в малом великое шире,
И глубже, и выше, и ярче небесных светил.

Мы любим героев, и это, наверно, неплохо,
Когда у Всевышнего славы Его не берем.
И помним, что лучшее в нас нам подарено Богом.
Он – ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ, и мы славу Ему воздаем!

Апрель 1994 г.

НА ВОСХОДЕ ДНЯ

Сквозь туман пробиваются солнца лучи,
Заливая верхушки деревьев.
Новый день наступил. Разуменья ключи
И к нему мне Спаситель доверил.

Я смотрю на восток, где пылает восход,
А самой три шага до заката...
Но ничто не замедлит заведенный ход
Стрелок жизни в кругу циферблата.

Каждый день на счету, каждый миг – Божий дар,
Каждый выдох и вздох, как рожденье.
Ведь вдыхается жизнь – этот трепетный пар –
С мимолетным ее наслажденьем.

Я лучам улыбаюсь, туману машу,
Вслух Творца прославляю в порыве.
Возвращусь домой и стихи запишу,
Что пришли ко мне в музы прорыве.

Сентябрь 1995 г.

ПОЛЕЗНАЯ ПАМЯТЬ

«И Он, придя, обличит мир о грехе, и о правде, и о суде».
Ин. 16:8

Может, редко всплывет из памяти то,
Что сидит глубоко, занесенное жизнью,
Потому что мне стыдно дать мыслям простор
И послать их туда, где когда-то жил «изверг»,
Ослепленный безбожьем, с хулой на устах
И внутри с необъятной глухой пустотою,
Весь закованный в цепи, поверженный в страх
И обвитый вокруг паутиной густою.

Мне б хотелось не помнить о жизни о той
И о том, что когда-то в ней царствовал «изверг»,
Но забыть... не дает того Дух мне Святой,
Льет Свой свет, преломленный в Божественной призме.
И в том свете сияет одежда моя,
И себя в небесах я посаженной вижу.
И от счастья такого сама не своя,
Вспоминая грехи, их сильней ненавижу.

Дух Святой меня поднял из бездны тогда,
Приведя к покаянью, хранил от паденья,
Что грозило на каждом шагу и всегда,
Чтоб похитить глубокую радость спасенья.
Он напомнил о правде, грехе и суде
И сошел на меня, словно ласковый ветер,
Но упорно забыть не дает о беде,
Той, в которой когда-то жила я на свете.

Пусть же чаще всплывает из памяти то,
Что сидит глубоко, занесенное жизнью,
Пусть почаще приходит ко мне Дух Святой
И напомнит о рве, из которого вырвал.

Апрель 1994 г.

В САДУ

Быт. 2:8

В самом дальнем уголочке сада,
Под цветущей сливою есть стол.
Там, как в детстве, притаившись, сяду,
Соблюдя досужный протокол.

Я сегодня многое успела.
И немного радует итог.
Кончить все намеченное дело
По молитве мне поможет Бог.

Все дела, дела и все занятья,
А вокруг господствует весна:
Сад цветет, дыша в ее объятьях,
И меня не пустит в дом она.

Усидишь ли в полумраке комнат,
Когда завязь с каждым днем крупней.
Абрикосы, апельсины, локва
Пьют лучи и воду вешних дней.

Но не ждет насущная работа –
И плетуся нехотя назад.
А душа трепещет от чего-то
И зовет-зовет обратно в сад.

Не с того ль, что первые-то люди
Начинали жизнь свою в саду?
Ароматы сада в сердце будят
Древнюю, уснувшую мечту.

Апрель 1994 г.

НЕИЗМЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Путь предо мной залит бывает солнцем,
И всюду свет и аромат цветов.
Хвала из уст сама собою льется
За бирюзу небес на дне колодца,
За глубоко в душе Отца любовь.

Но иногда густы в долине тени,
И надо мной тяжелых туч покров.
Все безотрадно, блекнет цвет растений,
И все же я склоняюсь на колени
И ощущаю Божию любовь.

А то не раз – сплошные неполадки,
Сплошные бури и весь путь суров.
Сомненья, опасения, догадки...
И все же рядом Тот, с Кем все в порядке,
Чьи неизменны верность и любовь.

Он обещал всегда пребыть со мною,
Не подводить меня, не оставлять,
И день и ночь паря над головою,
Со всех сторон оберегать Собою
И излучать любовь и благодать.

Май 1995 г.

БЫЛОГО ТЕНИ

В реке вода с зеркальным двойником
Прибрежного ольшаника и кленов,
А я – дитя без слез горько-соленых
И горла, что сдавил обидой ком.

Все нипочем! Обязанностей нет.
Была бы только мама под рукою.
Мне так легко быть маленькой такою,
Когда грядущее – такой большой секрет.

Беспечность детская – блаженства апогей!
Ложусь, встаю, играю и гуляю...
Я бунтами правительств не свергаю,
Ни «за», ни «против» чьих-то там затей.

Любовь – еще семейное понятье.
Я влюблена пока в отца и мать.
Их речь и ласку вечно б принимать
И вечно б утешаться в их объятьях.

Увы! Прошли далекие те дни.
И только в тихий час иль в сновиденье
Со дна души всплывут былого тени –
И усомнишься: были ли они?

Май 1995 г.

MEMORIAL DAY

День поминовения умерших

Нависли дубовые ветки
Над улицей густо и грузно
И капли тумана «монетки»
Роняют на серый асфальт.
А может быть, это слезинки,
И веткам, как мне, очень грустно
В день памяти в вечность ушедших,
И капли тяжки, как базальт?
Ведь так же бывало и в прошлом
На утренних тихих прогулках:
С дубовых ветвей, как нарочно,
Холодные струйки текли.
Но не было больно и грустно,
А только, пожалуй, досадно,
Что волосы капли ловили,
Не дав долететь до земли.
А нынче все мнится слезами:
И капли с ветвей, и росинки...
И плакать бы можно часами
От тихо наплывшей тоски.
Поедем на кладбище с мужем
С букетом цветов разноцветных,
Сердечно ушедшим послужим
Сим жестом прощальным своим.
Разделим букет на пучочки,
Чтоб многим цветочков хватило,
И склоним колени у плиток,
И вспомним всех тех, кто почил.

Май 1995 г.

Я НЕ ЗНАЛА ВРАГОВ

Я не знала врагов.
У меня никогда их и не было.
Я ножа не точила на мокром бруске втихаря.
И чужда мне злопамятность,
Мести бессонность не ведома,
И злорадство не жгло
В голове и душе фонаря.

Мне знакома обида,
Задетое в кровь самолюбие.
Это гордость, я знаю,
Но было б нечестно молчать.
Она свойственна всем –
От царя до раба-простолюдина.
Это шило в мешке,
Что наружу стремиться торчать.

Мне знакома тоска, и разлука,
И разочарованность,
Сожаленье, бессилье
Попавшего в яму зверька,
О спасении вопли
И сердца от плача надорванность,
Как у бьющихся в стену глухую
В конце тупика.

Это все мне знакомо,
Войну и беду перемыкавшей,
Потерявшей родимых,
И близких, и даже детей.
Но врагов я не знала
И к мести и злу непривыкшая.
Бог берег от врагов,
От засад, от коварных сетей.

Мне знакомо прощенье
В ответ на мое покаянье,
Избавленье от сжавших
Мне душу до боли тисков
И откуда-то сверху
Текущее в сердце сияние,
Облегчения вздох
От свалившихся тяжких оков.

Мне знакома хвала,
Необъятная, неудержимая,
Что, в груди нарастая,
Волной набегает к устам,
И бежит через край,
Теплотою сердечной движимая,
За опять обретенный
Однажды потерянный рай!

Июль 1995 г.

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Городок был бы раем, достойным стиха,
И резца, и палитры художника,
Если б не было столько повсюду греха
И катящихся в бездну безбожников.

В городке благодать бы была от цветов,
От высоких деревьев и кустиков,
Если б не было столько на розах шипов
И на зло враг людей не науськивал.

«Горе миру сему от соблазнов», – сказал
С болью в голосе Сын Человеческий.
И не раз Его взор застилала слеза
От растления душ искалеченных.

Он пошел на Голгофу, чтоб зло удалить,
Чтобы нас возвратить в лоно Отчее.
Своей кровью купил нам свободу, но жить
Нам пока нужно здесь непорочными.

В атмосфере греха, беззаконья и зла
Нелегко нам сиять Его святостью,
Но Господь дал нам Духа Святого не зря
И не зря наделил вечной радостью.

Почему ж тогда все-таки бледен наш свет
И на соль сей земли не похожи мы?
Это личный вопрос. Каждый лично ответ
Даст когда-то пред святостью Божией.

Помоги нам, Господь, среди терний-шипов
Источать Твое благоухание.
И в долине печали, страданий, грехов
Излучать Солнца правды сияние.

Июль 1995 г.

НА ГОРЕ ЕЛЕОНСКОЙ

На горе Елеонской, как в древние дни,
Кипарисы, как воины, строятся в ряд.
Серебрятся маслины в их длинной тени,
И дорожки ведут в Гефсиманию, в сад.

За долиной Кедрона, сияя в лучах,
То ли утренних, то ли вечерних (равно),
Древний город, укрытый в высоких стенах,
Тот, что городом мира зовется давно.

С Елеонской горы при обзоре его
Вспоминаются слезы Иисуса над ним.
Не узнал посещенья тогда своего
И поныне без мира Иерусалим.

С Елеонской горы виден холм Мориа,
Но на нем золотится Омара мечеть.
Там ведь храм Соломона когда-то сиял,
Что давно потерял свою славу и честь.

С Елеонской горы вид на Новый Завет,
Словно снова страницы открыл он свои:
Все по-прежнему здесь, хотя многого нет.
Все явления ждет свыше Господа сил.

Он придет, не замедлит, как Сам обещал,
В сонме ангелов снова вернется к Своим.
На горе Елеонской Он станет, сказал,
И свободно вздохнет тогда Иерусалим.

Раздвоится гора под ногами Христа,
И враги побегут, куда смотрят глаза.
Это будет когда-то... И нас неспроста
На горе Елеонской прошибла слеза.

Июль 1995 г.

НЕПРЕСТАННО МОЛИТЕСЬ...

1 Фес. 5:17

Что сказать Тебе, сегодня, Боже?
Хочется с Тобою говорить
О тоске, что душу мою гложет
И в виске настойчиво стучит.

Не прошу, чтоб Ты давал названье
Этой неопознанной тоске.
Иногда полезнее незнанье
О причинах «сверлышка» в виске.

Иногда нам лучше верить слепо,
Так, как верят слепо малыши.
За руку Отца держася крепко,
Следовать движениям души.

Для меня «молиться непрестанно» –
То же, что дыханье, чтобы жить.
Боже, мне от сердца постоянно
Хочется с Тобою говорить.

Сентябрь 1995 г.

ЧЕРНОВИК

Мой черновик приняв за «набело»,
Друзья читали вслух мои «штрихи» –
Не ставшее искусством ремесло,
Что не успела превратить в стихи.

Я слушала их, внутренне смеясь,
А им казалось, что изнанка вся
В моих штрихах пред ними разлеглась
И понимать меня – для них пустяк.

Потом за экзегезу принялись
И применением к себе самим
Эскиза жалкого, как прах земли,
Что только намекал на правду им.

Под оболочкой подлинник сокрыт,
И мир читает этот внешний лик.
«Мы ее знали», – смело говорит,
Хотя читался только черновик.

Сентябрь 1995 г.

«Отдавайте всякому должное...»
Рим. 13:7
«Не гордись, но бойся...»
Рим. 11:20

Не возгордись, привитая маслина!
Бог не навек отрезал Свой народ,
Да и не весь... А может, половину?
Лишь часть ветвей. Все зная наперед,

На место их, отрезанных на время,
Он нас привил не к голому стволу,
А между теми ветками, кто, веря
В Благую весть, воздал Христу хвалу.

Остаток верный не переводился
Во все века, до самых наших лет.
Через него для нас Завет хранился,
Чтоб в Новом ветхое нашло ответ.

Для них и нас избранники писали
По вдохновенью свыше, берегли,
При переписке точность сохраняли
Священных строк для жителей земли.

Мы б этих строк сегодня не читали,
Спасенья весть до нас бы не дошла.
Ведь если б те всего не записали,
Что б переводчиков рука смогла?

Бог удалил старинную преграду,
Чтоб во Христе «создать из двух одно».
Из двух одно! И говорить не надо,
Что, мол, «одно другим заменено,

И пусть Израиль томится под проклятьем,
А мы „своим“ лишь будем возвещать

О том, что миру Бог открыл объятья,
Любого, кроме них, готов прощать».

Ну, как забыть, что в Церкви день рожденья
Из всех провинций в Иерусалим
Сошлися иудеи! И спасенье
Апостол Петр им сам благовестил!

А первые три тысячи спасенных?
И следующих пять... Кто это был?
Прочтем еще раз, чтоб о тех крещеных
Нам дьявол ум совсем не помутил.

О, не гордись, привитая маслина!
Господь силен их всех опять привить.
Наш путь земной короткий, а не длинный.
Так поспешим свой долг им уплатить!

Ноябрь 1995 г.

НАША СИЛА – В ЕГО ВОСКРЕСЕНИИ

Деян. 1:8

Коснись людей Своих, Господь,
Повей могучим ветром снова!
Мешает враг идти вперед,
Шатает прочные основы.

В общинах гибнет молодежь,
Тревога их родных объемлет.
«Куда ведешь? Зачем ведешь?
Зачем привел в чужую землю?»

Коснись людей Своих, Господь,
Повей могучим ветром снова!
Ведь мы – Твой избранный народ,
Твоих указов ждем и слова.

Огонь любви Твоей зажги,
Сплоти нас всех единым духом
И всех нас щедро надели
Открытым сердцем, чутким слухом.

Коснись людей Своих, Господь,
Повей могучим ветром снова!
Дай все мирское побороть
Ты силой Духа нам Святого.

Да вознесемся до небес
Мечтами, жизнью и стремленьем.
Христос воскрес! Христос воскрес!
Победа наша в воскресенье!

Февраль 1996 г.

НОВОЕ РУСЛО

Открылась страница.
Как белая птица,
Раскрыла широкие крылья.
И горы покрылися пылью,
Серебряной пылью
От лунных ночей...
И тихо заплакал
Прозрачный ручей,
Кристальные брызги,
Как слезы, роняя
От счастья, что, камни
В пути огибая,
Открылося новое русло ему.
И он потечет по нему –
Иначе и чище, и лучше, и звонче,
Держася намеченной цели,
Как кормчий,
Боядся застоев, порогов и мелей.
Отныне он чище, добрее, мудрее!
Не каждому новое русло дается.
Ему же далось!
И он плачет, смеется,
Сияет, искрится:
Открылась страница!
Открылась страница!
Ну как тут не славить?!
Ну как не молиться?!

Февраль 1996 г.

МЫ УНИКАЛЬНЫ

К моему 70-летию

Не будет никогда другой меня,
Не будет никогда тебя другого
Не потому, что гордо наше «я»,
А потому, что твердо Божье Слово.

По отпечаткам пальцев и пяты,
Спиралям генетического кода
Мы уникальны: я – это не ты,
Неповторимы в скопище народа.

И эта уникальная печать
Обязывает нас серьезно взвесить
То, как нам жить и как нам умирать,
Чем срок земной заполнить и отметить.

Касательно себя могу сказать,
Что милостию Божией водима,
Я на пути моем Его печать
Хранила в глубине, как дар любимый.

Боялась Его образ потерять,
Чтобы не мой, а след Христов за мною
Остался здесь, где склонны забывать
Людей, лишь гроб покроется землею.

Не вспомнит нас печальная земля.
Не справиться ей с нашею толпою.
И все ж неповторимы ты и я.
Сменившие меня не будут мною.

Февраль 1996 г.

СТАРЕЮЩИМ МАТЕРЯМ

Когда стареют матери у нас,
Мы видим вдруг, что срок земной не вечен,
Что потускнел когда-то зоркий глаз,
Спина согнулась, опустились плечи.

И ласковая, добрая рука
Покрылась сетью жилок и морщинок,
И седина не только на висках,
И поступь ненадежна, как суглинок.

И хочется отдать родимой честь
За жизнь – семье подаренную ею,
Сказать: «Спасибо, мама, что ты есть,
Спасибо, что тебя еще имею».

И, окунувшись в памяти родник,
Ее глазами в прошлое проникнув,
Увидеть, как наш самый первый крик
Ловила мать, сама от счастья вскрикнув.

Наш первый вздох, наш первый жалкий всхлип
Был ею впитан, навсегда с ней слился.
И поцелуй ее, как монотип,
На лобике у нас запечатлелся.

Взглянув на запись прожитых страниц,
Увидеть свою маму на коленях,
Пред Господом склонившуюся ниц,
Скрепившую цепочку поколений.

Когда-то так молилась ее мать,
И так потом молились ее дети,
И внуки тоже будут повторять
Живой пример из глубины столетий.

Отрадно знать, что мать пока что здесь,
Ей честь отдать еще дана возможность
За то, что чрез нее Благая весть
До нас дошла сквозь град учений ложных;

За то, что, не взирая ни на что,
Она нас правде Божией учила,
А за грехи, коль уж пошло на то,
Бывало, что и розги не щадила.

Почтим ее за то, что до ума
Нас довела она своим терпеньем.
Достойна чести христианка-мать
Как женщина с высоким назначеньем.

Она уйдет... Но это далеко...
Пока же срок и ей, и нам дарован.
Как хорошо нам с нею и легко!
Останься с нами, мать, и будь здорова!

Июнь 1996 г.

ПОЛВЕКА

Мужу к нашей золотой свадьбе

Полвека унеслось в небытие.
Мы сгорбленные стали и седые.
А помнишь, как мы были молоды?
И чем-то сердце ты привлек мое,

А я твое, сама не знаю, чем.
Не голосом ли? Помнишь, как я пела,
Смеялась? Жизнь тогда еще кипела,
Война прошла, все было нипочем.

Дымилися руины вокруг нас,
Погиб один, другой пришел из плена,
У белых девушек (не впрок) рождалась смена
От пестрых оккупантов разных рас...

Ты помнишь, как разбитая страна
Пыталась встать хотя бы на колени
Пред войском из заморских поселений,
Чтоб голод не сгубил ее сполна?

Родителей бы можно пощадить,
Но мы упрямо на своем стояли,
По юности своей не понимали,
Как много им пришлося пережить!

А может, мать, так много пережив,
Нам первая дала благословенье,
Поставив пред собою на колени,
На головы нам руки возложив?

Не помню, чтоб прощения просили,
Но были ими все же прощены,
О, если б их вернуть из той страны,
Откуда никогда не приходили!

Наш брак скрепила первая беда.
Ты помнишь, как обнявшись, мы дрожали,
Когда до срока нужного рожали?
Ты побежал за помощью... Куда?

А я одна зимой в холодном доме,
Еще не понимая, что со мной,
Момент рожденья первого святой
Пережила, наитием ведома.

В послевоенный хаотичный год
Добраться до больницы было сложно,
А без такси и вовсе невозможно,
А ты за помощью летел бегом.

Найдя на мотоцикле акушерку
(И врач явился тоже под конец),
Ты, как врасплох захваченный отец,
Исполнив долг, глядел в дверную створку.

Ребенок умер. Прибежала мать...
А дальше все мелькало, как в тумане...
Речь пастора – бальзам на свежей ране –
И где-то гробик ты сумел достать.

Твердила мать про Божию любовь
И средства привлечения вниманья...
Я ж далеко была от пониманья
Любви, карающей за твердость лбов.

Уехала родня за океан,
Остались мы одни с своей кручиной.
Я голову ломала над причиной
И смыслом нанесенья слез и ран.

Но вскоре Бог в любви открылся мне,
И я познала самоосужденье,

Как Иов древний, после рассужденья
Над Божиим величьем в тишине.

Тебе был непонятен мой восторг,
Ни сам процесс в дом Отчий возвращенья,
Ни смысл покаянья и прощенья –
Лишь через десять лет ты понял то.

Опять настал период ожиданья,
Опять момент рожденья наступил.
Здорового ребенка подарил
На этот раз Создатель мирозданья!

Но год спустя транзитная пора
Настигла нас, и заболел ребенок,
И голосок, что был недавно звонок,
Умолк до наступления утра.

Я не смогла над гробиком стоять
И забежала в дальний угол сада,
А ты стоял, как в первый раз, где надо,
За нас двоих. Ты был отец и мать...

Далекий путь наш начался в тот день:
На поезде до Бремена. Там лагерь.
Все матери с детьми, я ж, бедолага,
С пустой коляской и без слез, как пень.

Окаменевшая, тоску укрыв свою,
Втащилась я на пароход по трапу
С одной мечтой: увидеть маму, папу
И двух сестер уже в чужом краю.

Взволнованный приятным «зовом моря»,
Ты на борту знакомился с людьми.
Ты был с мужчинами, а женщины с детьми
В каютах разместилися, но вскоре,

Найдя знакомую, примкнула к ним и я.
Там был ребенок – девочка-малютка.
Мать знала обо мне и очень чутко
Решила пригласить к себе меня.

Полмесяца морской болезни, качки,
И вот пред нами Новый Орлеан!
Америка! Из трюма поднял кран
Пожитки жалкие, изгойские подачки...

Быв встречены миссионерской парой,
В их обществе весь день мы провели,
А к вечеру они нас привезли
На станцию, сказавши: «С легким паром!»

Три дня спустя остановился поезд.
Лос-Анджелес! Конец и цель пути!
В толпе встречающих там удалось найти
Своих родных... Как описать такое?

Я не берусь. Уж слишком много чувств
Слились в тот миг, давно предвосхищенный.
Ты скромно в стороне стоял, смущенный,
Рукою поправляя русый чуб.

Малюсенький «апартменчик» дворцом
Нам показался после тех бараков,
Где образ жизни всех был одинаков,
Все были сжаты беженским кольцом.

Трехлетье брака праздновали здесь,
Уже в уютном этом уголочке.
И там же родились у нас три дочки
И сын единственный – отца хвала и честь!

Мы полюбили этот уголок.
Родители в том доме с нами жили,

И детки к ним свободно заходили,
Усваивая не один урок.

Там музыке училися они
И чтенье книг хороших полюбили.
А мы (ты помнишь?) их гулять возили
Туда, где деньги были не нужны.

И приобщая к красоте природы,
Мы в горы их возили и на пляж,
Йосемити божественный пейзаж
Запечатлелся в памяти на годы.

Но главное, что неподалеку,
Минутах, может, в десяти пешочком,
Был деда дом с уютненьким садочком,
Как пристань тихая на долгом их веку.

О, как туда любили мы ходить
На праздники и просто на неделе!
Там в миссии работали-потели,
А я с колясочкой детишек прокатить!

У бабушки печенье есть и чай.
Гостеприимство к ней пришло по генам.
Такая ж ей последовала смена:
Приходят люди – принимай, встречай!

Ты что-то там нередко починял.
Я чем могла в конторе помогала,
Но в основном посылки паковала,
А малыши в шатре из одеял.

Там дед тебе открыл на Свет глаза.
Через него ты принял план спасенья.
Покаявшись в минувших прегрешеньях,
Ты, помню, прибежал домой в слезах.

Но стрелки не стояли на часах,
И вдаль, как птицы, улетали годы.
И выходило старое из моды,
Америка менялась на глазах.

Дряхлели незаметно старики,
А дети подрастали и мужали.
Сбылись мечты, когда переезжали
Мы в первый дом свой, погрузив тюки.

Затем сперва покинул землю дед,
Жена за ним... И мы осиротели.
Хотя отец и мать еще были при деле,
Все поняли, что прочности здесь нет!

Не знаю, что ты чувствовал тогда.
Пять лет у нас промчались скорым ходом.
Я на работу – на ночь, ты – с восходом,
Как встречные на рельсах поезда.

Двух дочерей мы выдавали рано.
Хотелось подержать еще в гнезде.
Но счастье часто родственно беде,
И жизнь ведет себя порою странно.

Ты видишь, я не все здесь говорю.
Ты знаешь все, читай промежду строчек
Про нашу жизнь, про сына и про дочек,
Я ж дальше повесть поведу мою.

Открылся путь в приморский городок.
Моя сестра туда звала упорно.
Ты потерял работу, я проворно
Оставила свою, не скрыв восторг.

Родители, собравшись тоже в путь,
Заранее там дом себе купили,

А въехать не могли, и мы в нем жили,
Пока себе подыщем что-нибудь.

Мы поселились в райском уголке,
Который Санта-Барбарой зовется,
Потом узнали: домик продается
От домика родных невдалеке.

Родители, продав семейный дом,
Последовали год спустя за нами.
И миссия, оставленная маме,
Привезена была в один прием.

Я помню, как боялся ты долгов!
Как будем, мол, выплачивать мы ссуду?
Но я нашла работу Божьим чудом –
И за пятнадцать лет стал нашим дом!

Дочь младшая и сын, окончив школу
И став семейными, покинули гнездо.
И новый путь негаснущей звездой
Открылся нам, печальный и веселый.

Еще немного потрудился ты,
И я еще работала усердно,
Но жизнь брала свое немилосердно –
Пришла пора сворачивать листы.

Мы вышли на последний свой этап:
Отставка. Мы не ходим на работу.
И стал садовником мой постаревший Стас,
Мой работяга до седьмого пота.

Ведь ты всю жизнь работал на других,
Чтобы семья нужды поменьше знала,
Кора мозолей на руках лежала,
Что рук в кулак не мог сложить от них.

Конечно, были трудности у нас
И беды, что врагу бы не желали,
Но Бог провел, преодолел и спас.
И только мы с тобой об этом знали.

Не обо мне, как видишь, этот стих –
О нас обоих, нашем общем теле.
Пусть все плохое заметут метели,
А доброго нам хватит на двоих.

Полсотни лет осталось позади.
Германии послевоенной нету.
И я тебе признаюсь по секрету:
Я жду того, что ждет нас впереди.

Мы посетили старые места,
Где мы с тобою встретились и жили
И где вдвоем так много пережили.
Давай оставим прошлое все там.

Я вижу свет, фигуры очертанья
С улыбкою в сияющих очах
И слышу голос: «Жду вас, Вера, Стас,
Сюда ко Мне на вечное свиданье!»

Дай руку мне, пойдем вперед вдвоем
На этот свет, манящий и зовущий,
Который излучает Вездесущий.
Пойдем же, друг мой, встанем и пойдем!

Июнь 1996 г.

МЫСЛИ ПЕРЕД КОНЦОМ ВЕКА

Я не искала для себя эпохи,
Не знала, как в двадцатый век попала
На площадь, где плясали скоморохи,
Где публика смеялась и рыдала.

Где нищие просили «Христа ради»,
Слепые завывали под гармошку,
Сновали воры спереди и сзади,
Все время норовя подставить ножку.

Где еще дымом пахло от восстаний,
И колокол церковный пал, расколот,
А крест был сорван... Вздернулося знамя:
На красном фоне НАКРЕСТ – серп и молот.

Где новый «бог» засел в Кремле напрочно,
И мы ему поклоны отбивали,
А Богу своему молились ночью,
Да так, чтоб и соседи не слыхали.

Я не искала для себя эпохи,
Но надо же? В двадцатый век попала!
Могла б родиться при царе Горохе,
Пожалуй, и беды б поменьше знала.

Но Бог сулил родиться в этом веке
В стране «великого эксперимента»,
Где жалкие духовные калеки
Себя и всех обвили алой лентой.

Зло поощряли, за добро сажали,
Приветствовали ложь как добродетель,
И тут же рядом пели и плясали,
Убийцу называя «благодетель».

Войны кровавой волны накатились.
Мы всей семьей в ее водовороте
Шесть лет метались, плакали, молились,
А смерть ждала на каждом повороте.

На площади все ширилось, смешалось,
Мерещились далекие просторы...
Толпа, как прежде, плакала, смеялась,
А нам – дорога за леса и горы.

Двадцатый век, событий важных полный –
Прогресса, роста, небывалых темпов, –
Зачем ты выпал мне, неугомонный,
Не избранный, а суженый мне Кем-то?

Менялась площадь, и менялись лица –
Нет многого и многих и в помине.
Двадцатый век к своей кончине мчится,
А с ним и я лечу к своей кончине.

Глотаю слезы, приглушаю вздохи,
В конце пути все помня от начала.
Я не искала для себя эпохи,
Все ж не случайно в этот век попала.

Ноябрь 1996 г.

ВОДА И ДУХ

«Если кто не родится от воды и Духа...»
Ин. 3:5

В серых тучах сегодня небо,
И всю ночь барабанил дождь.
Я духовный бросала невод
В море правды, отринув ложь.

Я хочу этой тонкой сетью
Тонких мыслей втянуть улов.
Пусть седые дарят столетья
Из глубин своих мудрость слов.

В тишине полутемных комнат,
Под приглушенный шум дождя,
Спрячет дух в тайниках укромных
Все, что нужно ему, найдя.

И улягутся в нем слоями
Мысли светлые, как звезда.
Я могу так сидеть часами
И ловить, что дарит вода.

Дождь катится по крыше звонко,
Капли сходятся в ручейках.
Слово жизни и невод тонкий,
Струйки слез на моих щеках.

Декабрь 1996 г.

АГНЕЦ

Он родился в хлеву, где рождаются овцы.
Агнец Божий родился в хлеву!
Он был распят на Пасху, и затмилося солнце!
Агнец Божий стал жертвой на виду, наяву!

От рожденья до смерти, до полной победы
Он являл Себя Тем, Кем Он в сущности был.
Он делил с нами радости, горе и беды,
Но греха никогда и ни с кем не делил.

Агнец Божий безгрешен. Как в хлеву, так на небе
Сохранял всегда верность Отцу и Себе,
Говоря ли о Свете, о Жизни, о Хлебе,
О кресте ль говоря или плача в мольбе.

Был достоин доверья тогда и поныне.
Его вечное Слово неизменно вовек.
Свет явился на землю, как когда-то в пустыне
Моисею в объятой огнем купине.

Пастырь добрый явился пастухам в Вифлееме,
И Давид – Его предок – был царем-пастухом.
Агнец Божий и Пастырь – это Библии тема,
Это весть о спасенье объятых грехом.

Много в Библии тем, не вместит их и ранец,
Столько тем, что вместить невозможно томам.
Но есть главная нить: тема Библии – Агнец,
Тот, Кто в яслях овечьих подарен был нам.

Истекают века. На востоке румянец
От звезды предрассветной, от ранней зари.
Мы заждались Тебя, искупивший нас Агнец!
Поспеши и невесту к себе забери!

Рождество 1996 г.

К КОМУ ПОЙДЕМ?

Ин. 6:68

К кому пойдем? В Тебе глаголы жизни.
Ты Сам есть Слово, Логос и Глагол.
Ты Тот, Кто, сняв Божественные ризы,
К нам в пеленах младенческих пришел.

Быть равным Богу не почел хищеньем,
Смирил Себя в подобие раба
И послушаньем приобрел спасенье
Тем, кто в грехах навеки погибал.

А мы, кто крест голгофский оценили,
И поняли, и приняли, любя,
Кого Твои глаголы осенили,
За кем пойдем? За кем, кроме Тебя?

Погряз весь мир во лжи и лицемерье,
Твой свет бывает трудно разглядеть
В тумане бездорожья и безверья,
В котором мир, как саваном, одет.

И только дома, за закрытой дверью,
Куда не проникает мрак мирской,
Мы можем «нет» сказать из бездны зверю,
Что нас в засаде ждет, крадя покой.

Но даже здесь, когда мы на коленях
Стоим в смиренье перед Богом сил,
Нам смех злорадный этого злодея
Напоминает то, что Бог простил.

И мы, хватая край Твоей одежды,
В слезах вопим: «Избавь и сохрани!»
А Ты в ответ напоминаешь нежно:
«Уже избавил, спас и оградил».

К кому ж идти нам и за кем податься?
Глаголы вечной жизни у Тебя!
И мы готовы плакать и смеяться,
В глаголах жизни растворив себя.

Февраль 1997 г.

СПАСИТЕЛЬ

Когда нога на тонком льду,
Немудрено попасть в беду.
И я не раз ступала там,
Где б не должно моим ногам
Ступать. Но враг души людской
Толкал на тонкий лед порой.
Теперь, оглядываясь в даль
Прошедших лет, пойму едва ль,
Как чудом возвращал Отец
Свое дитя и, наконец
Пробившись к сердца тайникам,
Увещевал, грозил и Сам
Со льда могучею рукой
Снимал, чтоб возвратить покой
И жизнь, уверенность и свет,
Обетованья и завет!

Февраль 1998 г.

ГОЛОС ДУХА ГРОМЧЕ

Ветви пальм шелестят на холодном ветру,
Тучи грозно над ними нависли,
Я же радуюсь с птицами вместе утру –
Бог меня в Свои чада зачислил!

Не изменит погода высокий настрой,
Благодарный огонь не затушит.
В моем сердце царят тишина и покой,
Не страшны ему ветры и тучи.

Все излишние звуки – вой ветра и шум –
Заглушаются внутренним пеньем –
Тихой музыкой неба, смиряющей ум,
Наполняющей душу весельем.

Звуки неба звучат громче внешних помех,
Воя псов, изрыгающих злое,
Заглушают злорадный хулительный смех,
Лечат раны, как соки алоэ.

Мне защита-убежище дивный Христос.
Я с утра Ему песни слагаю.
И ни туч опустившихся серый начес,
И ни ветер меня не пугают.

Бог есть сила моя и Защитник от зла.
Я любви Его не понимаю.
Кровь Христа под покров Его крыл подвела.
Я в покое Его пребываю.

Июнь 1997 г.

ДЛЯ ЧЕГО Я ЖИЛА?

Деян. 17:26–27
Посвящается Жене Ирхину

«Для чего мы живем на земле?» –
Ты спросил от души, без утайки,
Пока я на кухонном столе
Наливала нам чай китайский.

И заставил задуматься вдруг
Над пройденной тропинкой знакомой,
И, на время забыв про досуг,
Вспомнить ставшее нам аксиомой.

Для чего я жила на земле,
Волновалась, смеялась, грешила?
Бедной золушкой в серой золе,
Прибирая свой дом, копошилась?

Может быть, для того, чтобы вслух
Уловить соловья и кукушку,
А глаза – тополей легкий пух
И залитую солнцем опушку?

Может быть, чтобы досыта я
И наслушалась, и навидалась,
И ушла в область небытия,
Как все те, с кем давно распрощалась?

Что, своих провожая друзей,
Я платочком им влажным махала,
И их лица в сердечный музей
Относила и бережно клала?

Для чего я жила на земле?
Чтоб, тоскуя, томясь и страдая,

Разобравшись в добре и во зле,
За добром потянулась и раем?

Чтобы суженый встретился мне
И в глаза заглянул бы интимно,
Чтоб тепло (не мороз) по спине
Пробежало, как отклик взаимный?

Чтоб я стала невестой, женой,
Юной матерью, бабушкой старой,
Чтоб ушло все в могилу со мной,
Даже в памяти чтоб не осталось?

Для чего я жила на земле?
Для всего, что я выше сказала?
Нет, чтоб, свет разглядевши во мгле,
Я источник его отыскала.

Для чего я жила на земле?
Чтобы, Бога найдя, с Ним в общенье
Строить жизнь на могучей скале,
Получив от Него всепрощенье.

И тот дар, что Он Сам мне принес,
Возвращать Ему в творчестве духа,
Трогать души стихами до слез,
Доносить Слово жизни до слуха.

Ну, а ты для чего этот шар
Посетил, жизнь начав колыбельную?
Для того же, что я! Только дар
Был иной тебе дан с той же целью!

31 декабря 1996 г.

ИСТИНА – ЛИЧНОСТЬ

Ин. 14:6

Ты, верно, и чувства, и мысли поймешь –
Они и твое достоянье.
Мы правды искали, но все было ложь,
Игра и притворство – кривлянье.

Огромная сцена – наш суетный мир,
А люди на сцене – актеры.
Хотелося крикнуть: «Сними же, сними,
Сними свою маску, притвора!»

Мы все увлекаемся этой игрой
И сценою жизни влекомы,
Как дети, бежим за ее мишурой,
Не зная, не ведая, кто мы.

Но истины все же приходит момент,
И маску срывает сознанье,
Когда вдруг прольется евангельский свет
Прожектором в наше кривлянье.

И видишь без грима себя и прикрас –
Адамом из праха земного,
Пронзенный лучами всевидящих глаз,
Мечом всемогущего Слова.

И вдруг понимаешь: не надо игры,
Притворство тебе неприлично.
Есть правда на свете острее иглы.
Она не понятье, а Личность.

Июнь 1997 г.

СТРАНА ЧУДЕС

Я на другом конце земли,
Где плещут волны океана
И где летят не журавли,
А ровным клином пеликаны.

Где в изумрудных всплесках вод
Резвится хоровод дельфинов,
Где пчелы собирают мед
С цветов агав и апельсинов.

Где солнце греет круглый год
И утренним туманам рады,
Скрывающим вершины гор,
Дарящим веянье прохлады.

Где урожаи овощей
С полей сбирают по три раза,
Где не наваришься борщей,
Не переешься винограда.

Где у людей здоровый вид:
Загар – обычное явленье,
Где в чемпионы норовит
Попасть член каждый населенья.

Здесь так легко, оставив все,
Предаться отдыху и лени,
Уйти в «имение» свое
Или на знойный пляж без тени.

Бродить, вдыхая аромат
Душистых роз и эвкалиптов,
И прижимать к груди тетрадь
Из новых рифм и новых ритмов.

Ну как не петь и не писать
В краю коралловых закатов?!
Вот только где бы слов достать,
Красивых и витиеватых?

Так прост суконный мой язык!
Никак вот к этой красотище
За годы взор мой не привык,
И сердце слов достойных ищет.

Июнь 1997 г.

«МЫ ЛЕТИМ»

Пс. 89:10

Мы не успеем все сказать,
Ни даже все подумать.
Нас поезд жизни будет мчать
В туннель, где ветер дует.

И шумом ветра оглушен,
Умчит без счета вехам
Людьми набитый эшелон,
Прощаясь с этим веком.

«Вчера скончался Жак Кусто –
Известный современник», –
Сказала мужу. «Ну и что?» –
Спросил он, взявши... веник...

Ушел мести и поливать!
А я – поэт до нитки –
Ушла в себя, чтоб добывать
Ветшающие «свитки»

Из темных памяти щелей
И, погрузившись в мысли
О пользе жизни на земле,
О тайном смерти смысле,

В тетрадь вписала на ходу
(В минуту иль мгновенье),
Но слушателя не найду,
Бумага ж значит – тленье.

Все выбросят, когда уйдем,
Иль «Автор неизвестен» –
Подпишут под моим трудом
Из од, стихов и песен.

А поезд дальше будет мчать
В туннель, где ветер дует...
Мы не успеем все сказать,
Ни даже все подумать.

24 июня 1997 г., в день смерти Жака Кусто, известного французского исследователя океана.

ВАС СКОРО НЕ БУДЕТ...

Дяде и тете, глядя на их болезнь и старость

Вас скоро не будет,
Вы скоро уйдете.
Так разум диктует
И жизненный опыт.
Не будет не свете
Ни дяди, ни тети.
Останется шелест,
Останется шепот
Листвы надмогильной
Плакучих березок,
Пучки маргариток
У каменных плиток,
И зелень поляны,
И горечь полыни,
И соль на губах
От катящихся слезок.
И будут вопросы:
«Кто станет в проломе?»
И «Что будет с домом?»
И «Кто будет в доме?»
Уходят гиганты:
Певцы, музыканты,
Глашатаи Слова –
Дубы вековые!
Пока что живые,
Но только едва лишь
Подуешь – и свалишь
Огарочки свечек...
Никто здесь не вечен.
Так сталось и с вами:
Колышется пламя,
Огонь умирает,
Фитиль догорает

И вот-вот погаснет.
Вас скоро не станет.
И кто-нибудь ахнет,
И кто-то заплачет
И в мокрый платочек
Лицо свое спрячет.
Мы кругом обступим
Взрыхленную землю
И, взоры потупив,
К процессу забвенья
Спокойно приступим,
Считая те звенья,
Что здесь нам остались
В цепи поколений.
Когда же умолкнет
Последнее пенье,
Последнее слово
Потомок забудет...
Но как же мне жаль,
Что вас скоро не будет!

Август 1997 г.

ПАМЯТИ МАТЕРИ ТЕРЕЗЫ

1910 – 1997

Дав однажды пред Богом обет нищеты,
Мать Тереза ушла на служенье Христу.
Отреклась от себя и мирской суеты,
Девятнадцати лет все сочла за тщету.

Сердце отдала небу, а руки земле
Протянула – ее самым бедным в любви.
Тем тепло понесла, кто не знал о тепле,
Кто, родившись в нужде, был оставлен людьми.

И в далекой Калькутте, в индийской стране,
Где несчастных и бедных недолго искать,
В скромной келье, где, кроме гвоздя на стене,
Были столик и стул и из досок кровать,

Мать Тереза присела, повесив на гвоздь
Два индийские сари в мешке из холста,
Сознавая, что здесь, на земле, она гость
И что жизнь ей дана, чтобы жить для Христа.

И учила любви, привлекая к беде
Тех, чья жизнь или смерть никому не нужны.
Кто родился на улице в крайней нужде,
Чтобы там умереть у зловонной стены.

Говорила, что видит в запавших глазах
Полумертвых скелетов страданья Христа.
В их мучительных стонах и горьких слезах
Находила ответ – своей веры устав.

Каждый день видя смерть, говорила про жизнь,
Призывала ее уважать и любить,
Не боялась царя, президента, раджи,
Не стыдилась им всем о Христе говорить.

Сколько кружек воды и питательных крох
Подала эта женщина бедным земли,
Здесь никто ни за что сосчитать бы не смог,
Но «бухгалтеры» неба их все же учли.

Сколько глаз потускневших закрыла без слов,
Сколько рук на груди уложила, скрестив,
Сколько ласково гладила грязных голов,
Одинокие плечи рукою обвив.

Сколько было молитв, наставлений простых,
Сколько создано было для бедных домов,
Сколько девушек чистых в служенье святых
Посвятила она, путь открыв им Христов!

Ростом был не велик Божий сей великан,
Серебром не богат, жизнь прожив налегке:
Два-три сари, холщовая сумка, топчан,
Книга Божья, молитвенник часто в руке.

А вчера умерла. Бог позвал на покой.
Сестры губы склоняли к разутым ногам
Той, что в грубых сандалиях нежной рукой
Раздавала любовь и друзьям, и врагам.

Современница наша – ярчайший пример
Отреченья себя и служенья другим.
Мать Тереза в наш мир, что так мрачен и сер,
Лучик света внесла и оставила с ним.

Сентябрь 1997 г.

МЕНЯ НЕ СМУЩАЕТ

Боже мой, Отче мой!
Я, должно быть, и впрямь старомодна
Или просто стара (назови, как угодно),
Что меня не смущает, что Ты мой Отец,
А не мать,
Как другим бы хотелось назвать;
И что Сын Твой – мужчина,
И Дух тоже личность мужская,
Что мой муж мне глава,
Что мужчинам дана
В руки власти земной булава.
Не завидую им, не желаю,
Чтобы власть та была
В женских слабых руках
И на женские плечи покатые
Камнем легла.
Моя роль высока!
Я жена, и хозяйка, и мать.
Мне Творец поручил
Поколенья носить и рождать,
Колыбельку с младенцем качать
И кормить его грудью,
На что не способен мужчина.
И скажи, есть ли в мире
Прекрасней картина,
Чем счастливая мать
С малышом у молочной груди?
Его жизнь впереди.
И в руках у нее
Он податливый ком пластилина.
Ему форму придать,
Чтобы стал человеком достойным,
Может мать.
И отец будет в том помогать.
Он кормилец. Спина его – это скала,

За которой семья вся укрыта спокойно.
Это домашний священник,
Духовной семьи поводырь
К свету, к правде, к Тому,
Перед Кем он навеки в ответе
И Кому на суде, за земною чертой,
На том свете
Скажет, если исполнит свой долг богатырь:
«Вот мы все, вот жена моя, дети.
Я к Тебе их привел,
На земле от несчастья укрыв».
Пусть кричат феминисты,
Что образ мужской им противен
И предмет поклоненья у них
Не Отец, а «богиня»,
Мне порядок небесный
Дороже, чем воину щит.
Я укроюсь за ним,
Потому что он тверд, как гранит.
Тот, Кто дал нам его, и премудр, и высок.
Его имя: Отец мой и Бог!

Ноябрь 1997 г.

УТЕШЕНИЕ

Осенних листьев пестрая метель
Кружится за окном в лучах заката,
А я молюсь: «О Господи, ужель
В метелях жизни я же виновата?

Неужто за какие-то грехи
Худых вестей кружатся в жизни листья?
Ведь Ты простил ошибки дней лихих,
Простил, омыл, когда мне Сам явился.

Хотя давно все выплакано мной,
Я по сей день перед Тобою плачу
И прихожу под крест с своей виной,
И ничего я от Тебя не прячу».

Весь год мело под двери и в окно,
И ветер дул и с севера, и с юга.
Терзал вопрос: «Кто ж этому виной?
Когда же наконец утихнет вьюга?»

Но не из бурь пришел ответ для всех,
Не из метели голос был расслышан:
«Не ты виной. Виной всемирный грех,
В котором мир погряз, живет и дышит».

И я опять к подножию креста
Спешу уйти, чтоб перед Ним склониться
И, мысленно припав к ногам Христа,
Слезами благодарными залиться.

«Весь мир во зле. Не ты причина бурь», –
Слова те в душу глубиной запали.
В окне кружит осенний каламбур,
В саду цветы последние завяли...

Опять ноябрь и за плечами год,
Кружатся листья в огоньках янтарных.
Прости, Господь, прости меня, Господь,
Не дай попасть в число неблагодарных.

Пусть дуют ветры и метет метель –
И снежная, и из осенних листьев, –
Сквозь вихрь порой без радостных вестей
Мне виден Бог и яркий проблеск смысла.

Ноябрь 1997 г.

МЫСЛИ НА КРАЮ...

Отгремела молодость грозою,
Крылья ветра унесли года,
И сегодня кажется бузою
То, что важным виделось тогда.

В юности кипели бурно страсти,
Каждый взгляд и голос волновал,
А рассудок даже сотой части
Смысла бытия не понимал.

Глупые, бессмысленные планы
Строились, как замки из песка,
Будущность окутали туманы,
Смерть была чужда и далека.

А теперь, бросая взгляд в былое,
Заглянуть в грядущее боюсь.
Слишком близко бытие иное,
Кратко пребыванье на краю...

Утешает то, что было время
Средних, зрелых, плодоносных лет
С опытностью древнего еврея,
Кому Слово Божье – не секрет.

Что-то было в тишине открыто,
Что-то в час молитвенный дано,
Что-то с Божьей помощью забыто,
С помощью Его же прощено.

Что-то силой Духа совершилось,
Что-то колосками в сноп легло.
С чем-то сердце плохо уживалось.
Этим «чем-то» были грех и зло.

Потому наивысшим утешеньем
В этой шаткой позе на краю
Служит то, что во Христе – спасенье
И что зла не будет там, в раю.

Будет свет, и святость, и общенье,
Счастье и живой воды река.
Будет славословье, песнопенье
И любовь, любовь на все века!

Декабрь 1997 г.

«ВСТРЕЧА» НОВОГО ГОДА

Туманом окутаны горы,
И силится солнце пробиться
Сквозь туч темно-серые шторы,
Чтоб город мог им осветиться.

Пришел незаметно год новый
Пока, помолившись, мы спали.
Не видя для встречи основы,
Мы в полночь его не встречали.

Такие в последние годы
У нас новогодние «встречи» –
Без вех на пути переходы,
С молитвой и чтеньем под вечер.

Мы оба от шума устали,
От лишних застолий – «общений».
В молитвах душой и устами
Приносим Христу поклоненье.

Мы в стенах уютного дома,
В мягкой и теплой постели
Припомним, как были бездомны,
Как хлеба наесться хотели.

Как жили изгоями в мире,
Без паспорта, подданства, визы,
В барачной из досок квартире,
Где дуло и сверху, и снизу.

Как шепотом ночью мечтали
О странах заморских, далеких.
И ждали, и ждали, и ждали...
И вечными виделись сроки.

Да, в ночь новогоднюю есть что
Припомнить, о чем помолиться...
Быть может, Христос за невестой
К нам в новом году возвратится?

Туманом окутаны горы.
Туманом окутан год новый.
Христос – нашей веры опора,
Нет крепче голгофской основы!

Пойдем в неизвестные дали
За Пастырем смирно, как овцы.
Мы полночи не ожидали,
А утром – год новый и солнце!

1 января 1998 г.

ЦЕНИТЕ ДЕДУШКУ

В семье хорошей мальчики и девочки,
И мама с папой четко во главе.
Но в той семье, где бабушка и дедушка,
Живется лучше малой детворе.

Дед умудрен своим огромным опытом
Так, что и внуков может наставлять,
И всем заботам их и мелким хлопотам
Он может надлежащий вид придать.

Дед может в парк водить за ручку внучика
И внучку на качелях подтолкнуть.
Игрушки тоже починять научит он,
В густом лесу к грибам укажет путь.

Он учит ездить на велосипедике
И как успешно удочкой владеть...
Все получается в руках у дедушки,
На труд его приятно посмотреть.

Но высшее мы получаем знание,
Когда в конце загруженного дня
Дед сядет с нами и, открыв Писание,
Прочтет главу, за плечи нас обняв.

И долго будет жить увещевание,
Что на коленях деда нам пришло.
Живи же, дедушка, читай нам из Писания,
Будь нам в пример прозрачный, как стекло.

Январь 1998 г.

ВЕСЕННЕЕ

Весна калифорнийская –
Она такая ранняя!
Февраль еще не кончился –
Мимоза вся в цвету,
И клумбы разукрашены
Пунцовыми геранями,
И каллы белоснежную
Не прячут красоту.
Как цапли длинношеии,
На крепких ножках, стройненьких
Стоят, а пестик желтенький,
Как клювик золотой.
И стелятся настурции
Вокруг левкоев ровненьких,
Покрыв свои бутончики
Широкою листвой.
Дожди прошли обильные,
Земля впитала влагу их.
Когда пригрело солнышко,
Все пышно расцвело.
И веет ароматною,
Весеннею прохладою,
И на душе так радостно,
Спокойно и светло.
А за плечами семьдесят!
«И разве можно в старости
Так остро реагировать
На раннюю весну?» –
Спросить так могут девушки.
Им резвости и шалости
Мешают старших выслушать,
И речь клонит ко сну.
Простите поседевшую,
Согбенную, уставшую
За то, что восхищается

Красотами весны:
Геранями, мимозами,
Левкоями и каллами...
Простите, что и в старости
Я вижу ваши сны!

Февраль 1998 г.

И СЛЫШИТ СЕРДЦЕ...

Над океаном восходит солнце,
Утра прохладой окутан город.
И слышит сердце: «Ни с кем не ссорься,
Не нужно лишних, бесцельных споров...»

Так мир прекрасен! Щебечут птички,
И шелест листьев ласкает уши.
И слышит сердце: «Не нужно личных
С людьми раздоров, что ранят души...»

Проснулись парки, дома, аллеи,
Шуршат колеса автомобилей.
И слышит сердце: «Людей жалея,
Не бей их, чтобы тебя не били...»

Вернусь с прогулки в родные стены,
Где через окна лучи играют.
И слышит сердце: «Беги измены,
Беги неправды, мирись со всеми,
Пусть свет небесный жизнь отражает».

Октябрь 1998 г.

«НЕ ДЕЛАЙ...»

Исх. 20:4

Не делай из вещей и тварей идолов,
Не поклоняйся их изображениям...
Бог запретил! Так где же это видано,
Чтоб в храме совершалось им каждение?!

Когда путем, пустынным, неизведанным,
Вел Моисей Израиля поколения,
Он смастерил и поднял змея медного,
Чтоб Бог народу дал от змей спасение.

Испорченность природы человеческой
Никак не поддается описанию:
Весь идолопоклонством искалеченный,
Израиль кадил из меди изваянию.

Не уставал кадить. Прошли столетия...
Никто не смел противостать их дерзости,
Пока не появился царь Езекия
И не разбил и сжег все эти мерзости.

Был край одежд с кистями Божьим символом,
Носителю о Нем напоминанием.
Не идолом с магическою силою,
А Иеговы заповедей знаменьем.

Христос не поощрял им поклонения
И потому в пути, толпой стесняемый,
Сказал жене больной кровотечением:
«Дерзай! Ты верою твоей спасаема!»

И подчеркнул ученикам встревоженным,
Что ощутил Он силы источение:
Не край одежд у праха придорожного,
А Бог дает по вере исцеление!

«Не делайте сего! Се запрещается»;
«Мы только человеки, люди смертные»;
«Хромые силой Божьей исцеляются»;
«Склониться перед Ним мы вам советуем», –

Так отвечали с твердым убеждением
Варнава с Павлом идолопоклонникам,
Готовым людям совершать каждение,
И тот ответ всем будущим сторонникам.

Бог запретил предметам поклонение,
И запретил обожествлять творение:
И будь то статуя, или изображение,
Иль человек в «священном» облачении –
Все под Его суровым осуждением!

Февраль 1998 г.

МИЛЕЙШАЯ ЗАНЯТОСТЬ

2 Тим. 2:15

Перед закатом отдыхая,
Сидел старик в зеленом парке.
Была погода не плохая –
Было не холодно, не жарко.

Вокруг него (еще босые)
Собак водили горожане.
Последние лучи косые
Старик и люди провожали.

Я позавидовала старцу.
Он показался беззаботным.
Сидел, вертя большие пальцы,
А я вся по уши в работе.

Краду у занятости время,
Чтоб погулять перед закатом,
И до рассвета шаг размерив,
Спешу, боясь секунд растраты.

Всегда неоконченное дело
Сдавило жизнь в тисках цейтнота,
И вид расслабленного тела
Упреком стал «седьмому поту».

Задев рукой на ветке завязь,
Я старцу на ходу махнула...
И тут вдруг испарилась зависть.
«Активность – жизнь!» – душа смекнула.

Тем более моя активность –
Не пустота, а дело Божие!
И устаю я не ахти как,
А как по возрасту положено.

Решила тут же, не жалея
О том, что график мой, как карцер,
Что нет занятия милее.
Пусть позавидуют мне старцы!

Февраль 1998 г.

РУКОПОЛОЖЕНИЕ

1 Тим. 7:14

Есть на земле наивысшее призвание,
Наивысшее, святейшее служение,
И сила для него, и дарование
Даются через рукоположение.

Как крыльев взмах над головой склоненною,
Едва-едва заметное движение
Жизнь превращает в жертву осоленную
Через святое рукоположение.

«Не неради о даре пребывающем»,
Переданном тебе в благословение.
Живи под этим, радость вызывающим,
Единым в жизни рукоположением.

Пусть будет жизнь твоя, как излияние,
Живая жертва Богу всесожжения,
Святого Духа яркое сияние,
Как светлый отблеск рукоположения.

28 ноября 1998 г.

«ОРАКУЛ»

Как много у людей различных сложностей!
И каждый ждет ответов от других.
Но если б знали о моей ничтожности,
Ответов не искали бы моих.

Мои ответы на одном основаны:
Будь верным Богу, бодрствуй и молись.
То старые ответы, а не новые,
На них должны мы строить свою жизнь.

И я ее когда-то просто строила
На чем попало, слушая лишь вскользь,
Когда в ушах библейская история
Звучала из уст премудрых стариков.

И только позже пристально прислушалась
И начала вникать в нее всерьез.
А жизнь неслась под едва приглушенный
Своих неумолимейших колес.

И к старости лишь накопились знания,
Что оставляют большего желать.
Я все еще учусь, одно узнала я,
Что многое еще должна узнать.

А люди, как к какому-то оракулу,
Идут ко мне, ссылаясь на мой стаж.
Я отвечаю им на просьбу всякую,
И Библия моих ответов – страж.

Март 1998 г.

ЧИТАЯ ПАСТЕРНАКА

У Пастернака в стихах – эпоха!
Он отражает ее неплохо,
Но, преломляя во взглядов призме,
Поет отчизне,
Не дифирамбы, а обличенья,
Изобличенья...
И поплатился в конечном счете
На «эшафоте»
Партийной травли:
Оклеветанья и поношенья,
Всех прав лишенья, неоглашенья
Наилучших строчек...
И, быв «исправлен»,
Публиковался... чуть покороче.
К чему старанья?
И все же, все же
Был подытожен
Труд поздний, ранний
И был изложен
В огромном томе –
Семьсотстраничном – мегаобъеме!
Пусть под цензурой, пускай с «поправкой»,
Все ж труд пробился зеленой травкой
Сквозь слой бетона, асфальт запрета,
Ведь слово живо, и ищет света,
И рвется к людям, и рвется к небу.
Жаль Пастернака, что все же он не был
Событий важных
Сам очевидцем,
И не увидел, как «тигр бумажный»
Вдруг стал валиться
И пал под ноги толпы взъяренной,
Той, что влюбленно
Еще недавно
«Ура» кричала вождям державным.

Все изменилось, перевернулось...
Другие люди, другие лица,
Что нам, конечно, могло лишь сниться.
И я сжимаю семьсотстраничный
И пожелтевший от лет томище,
И рассуждаю: «Поди ж, однако,
Теперь читают все Пастернака!

Март 1998 г.

БУЗИНА

Издалека в кустах видна
Вся в белом свете бузина,
Но с желтизною белизна
У бузины...

От запаха ее пьяна,
Стою пред ней, удивлена –
Ведь с детства мне она родна,
Как дар весны.

Катилась времени волна
И захлестнула нас сполна –
Была родимая страна,
И нет страны...

Как будто лопнула струна,
Погасли солнце и луна,
А я судьбой обделена
В разгар войны...

Ах нет! Другая есть страна!
И в свой пролом ее стена
Впустила нас. Я спасена!
Мы спасены!

И здесь прекрасная весна –
Все расцвело, и, как из сна,
Взор притянула бузина
Кустом родным.

Меж нами разница одна:
Я человек – не бузина.
Я Иисусу отдана,

Струей с креста убелена,
Души воскреснет белизна
БЕЗ ЖЕЛТИЗНЫ!

Март 1998 г.

КЛЮЧ

За семью печатями хранилась
Истина простейшая Твоя.
Я читала Слово и молилась
О раскрытье тайны бытия.

Но несовершенные «пророки»
Сбили с толку, многое украв.
Я глотала жадно их уроки,
Голод же никак не утихал.

Все еще под ложечкой сосало,
Чуялось, что что-то здесь не то...
Между тем годов прошло немало,
Кануло водою в решето.

Но Господь по милости безмерной
К старости мне многое открыл.
Взяв мою, с зерно горчицы, веру,
Он родник в пустыне мне прорыл

И вложил в протянутые руки
Ключ к познанью Слова Своего.
Без него не ведаю науки,
Без него не трону ничего.

Не отвергну Божьего народа
И ключа, которым служит он
К Слова тайникам – из рода к роду.
Все яснее стало. Ключ найден!

Июль 1998 г.

ПРЕДВОСХИЩЕНЬЕ ВСТРЕЧИ

Мысленно я часто представляю
Нашу встречу там, за той чертой.
Мысленно губами припадаю
Я к Твоим ногам, Спаситель мой.

Благодарным сердцем, сокрушенным
Приношу Тебе земной поклон.
Знаю я, что значит быть прощенной,
Знаю облегченья тихий стон.

Ты всегда мои молитвы слышал,
Только в высшем плане отвечал.
Будучи мудрей меня и выше,
Иногда умышленно молчал;

Заставлял проверить побужденья
Тихим, в тайне сердца, голоском;
Исправлял неровное хожденье;
Заметал забвения песком.

Все же хоть несмело, но дерзаю
Кое с чем опять к Тебе стучать.
Я люблю Тебя, Господь, и знаю,
Что Тебе приятно отвечать.

Все откроешь, все понятным станет
Там, на встрече долгожданной той,
Когда припаду к ногам устами
За последней роковой чертой.

Июнь 1998 г.

ТОТ ВЕНЕЦ БЫЛ МОИМ

В кровавых струйках на лице
Крест на Голгофу нес Он мой.
Там был распят в моем венце,
Чтоб в небе дать мне Свой.

Он шел не по Своей вине,
Мою вину тащил Христос.
И на челе был мой венец,
И на спине мой крест Он нес.

То был позорный мой конец,
Заслуженный за грех и зло.
Был крест моим, моим – венец,
Шипами впившийся в чело.

Там от меня благой Отец
С печалью отвернул лик Свой,
Когда, надев за грех венец,
Сын искупил меня Собой.

Нависли тучи, как свинец,
Когда «Свершилось!» прокричал,
И, став ненужным, мой венец
На грудь пронзенную упал.

Да, был кровавым тот венец,
Что грех мой на Христа надел.
Зато дан царственный дворец
Ему и мне в благой удел.

Душа поет хвалу Творцу
За то, что не в мое чело
За грех терновому венцу
Вонзиться было суждено;

За то, что Агнец за меня
Себя на жертвенник вознес.
Поет душа: «Свободна я!
Все за меня свершил Христос!»

Июнь 1998 г.

ПРИТЧА ОБ ОРЛЕНКЕ

Когда орлиное яйцо
Наседке подложили,
Ее цыплята с тем птенцом,
Как братья, дружно жили.
И скреб орленок лапкой двор,
Ища червей и зерна.
Пока не поднял к небу взор,
Влекомый точкой черной.
Там взрослый молодой орел
Парил на мощных крыльях...
Орленок к квочке подошел,
Чтоб та ему открыла
В углу двора, наедине:
Что это там за птица?
И почему порой во сне
Она орленку снится?
Но «мать» ответила:
«Дитя, орлы парят над нами,
А мы кудахчем и шутя
Песок скребем ногами.
Тебе не светит в небеса,
Не для тебя просторы.
Мы куры, ты же видишь сам,
Что мы летать неспоры...»
Внушив орлу, что он земной,
Ушла наседка к детям.
А у него пропал покой
С желаньем жить на свете.
Все смотрит в небеса с тоской,
В нагорные высоты:
«Я здесь чужой, я не такой,
К орлам лететь охота!»
И тут взлетел он на забор,
И вдруг, расправив крылья,
Почуял ветра в них напор

И, приложив усилье,
Взлетел пушинкой над двором –
Все дальше, выше, выше...
Земля исчезла под орлом –
Дворы, дома и крыши.
А там откуда ни возьмись,
Огромная орлица!
Рванул орел за нею ввысь,
Поняв, что он за птица.
На птичий двор издалека
Эфир донес три слова:
«Я не земной!» – и в облака
Взлетел орленок снова.
Понять бы людям на земле,
Что ходят в землю носом,
Простую притчу об орле
И встать перед вопросом:
«Неужто для того живем,
Чтоб пыль взбивать ногами?
Иль чтобы в небесах с орлом
Парить под облаками?»

Июнь 1998 г.

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Я на коленях в лютиках стою.
Недавно мне исполнилось четыре.
Я потеряла мамочку мою.
Одна! Одна! В четырехлетнем мире.

Вдруг надо мною где-то высоко
Знакомый голос мое имя крикнул.
И я бегу по травке босиком,
Чтоб поскорей к родным ногам приникнуть.

К ногам и краю юбки – это все,
Во что с налету я смогу уткнуться.
А руки тянутся к лицу ее
И к шее, чтоб вокруг нее сомкнуться.

И на руках меня уносят в дом.
Мне хорошо, я прижимаюсь к маме.
Но жизнь спустя, при мысли о былом
Душусь сентиментальными слезами.

У прошлого есть с настоящим связь –
Не так ли Бог заблудший люд встречает
И тех зовет, кто в «лютиках» увяз,
И на руки берет, и утешает.

Уносит в дом на отдых и покой,
Который все земное превосходит.
Тоску по прошлому о будущем тоской
Сам заменяет перед переходом.

Июль 1998 г.

БЕГИ!

Поднялся высоко? Дрожи, дружок, дрожи!
Нет ничего страшней высоких пьедесталов,
Куда толпа спешит нас водрузить
Под гром похвал и звон кимвалов.

Чем выше пьедестал, сильнее наверху
Качает ветер славы человека.
И не один «счастливчик» вниз махнул
При головокруженье от успеха.

Чем выше гор подъем, тем гуще и туман,
Что кутает вершину беспросветом.
Толпы обворожительной обман
Не виден тем, кого качает ветром.

Не видим мы себя с возвышенной скалы.
Мешают оглушительные фразы
Непропорциональной похвалы,
Порою доводящей до маразма.

Беги от пьедесталов и похвал
И помни, что ты прах и червь ничтожный.
Все, что имеешь, свыше Бог послал.
А что тебя признали –
милость Божья!

Август 1998 г.

ЛИЧНЫЙ ПОДХОД

Если радостной быть, то в Тебе,
Если искренней быть, то с Тобой.
Я хочу при последней трубе
Быть собой, а не просто любой.

У Тебя к людям личный подход –
К Павлу был не таким, как к Петру.
В общей массе мы – Божий народ,
А в отдельности – личность и друг.

На молитвы ответы давал
Не огульно, не в общем, а «в глаз».
На нужду «да» иль «нет» отвечал
Лично мне – в самый раз, в самый раз!

Белый камень вручить обещал
С новым именем в мире ином.
И никто чтоб его не узнал,
Кроме тех, кому будет дано.

Побеждающим – слава небес,
Имя новое, манна, звезда!
Победил – кто в Иисусе воскрес,
По их личным делам Он воздаст.

Помоги до конца возлюбить
То, что дал Ты в начале пути.
И горящим огонь сохранить,
Чтоб Твое одобренье найти.

И когда при последней трубе
Наконец я увижусь с Тобой,
Дай, чтоб я, поклонившись Тебе,
Мной была, а не просто любой.

Октябрь 1998 г.

КОМПАС

«Он распростер север над пустотою...»
Иов, 26:6

Нам нужен компас,
И нужен «север»,
Что тянет стрелку
Неудержимо
Магнитом веры,
Нас направляя
К мишени центру,
Точь-в-точь – не мимо.
В открытом море,
Вздымая волны,
Гуляет ветер,
Корабль бросая.
И нужен верный
Путеводитель.
В небес просторе
Сияют звезды,
А между ними,
Как свет у двери,
Одна сверкает –
И виден север
В трубе подзорной
Простому глазу.
И видно сразу,
Как путь направить
К далекой цели,
Куда магнитом
Толкает компас,
Откуда слышен
Знакомый голос:
«Ко Мне идите!
Я Пастырь добрый!
Я ваш Спаситель!»

Февраль 1999 г.

МОЛИТВА

Не обогащай, не озолачивай
Благами земными беспредельными.
Мой портрет к стене не приколачивай,
Чтоб потомки на него глядели бы.

Не венчай коронами лавровыми,
И груди не украшай медалями,
Не стели дорожками ковровыми
Путь земной, мою дорогу дальнюю.

Лучше жизнь прожить в одежде нищего,
Пусть никто портретом не засмотрится,
Пусть в суме гроша не будет лишнего,
Пусть остаток проживу затворницей.

Только бы к Тебе тесней приблизиться,
Глубже распознать заветы тайные.
Умалиться больше и унизиться
Пред Тобой хотя б в конце скитания.

Ведь покой крала у жизни занятость,
Суета важнейшее похитила.
Дай в конце пути, раздвинув занавес,
В небо глянуть, предвкушая слитие.

Знаю, что вина моя оплачена,
Ранами Христовыми заглажена.
Не обогащай, не озолачивай.
Жизнь мирским итак обезображена.

Ты обогати меня бессмертными
Благами небес, нерукотворными.
Подари сокровища несметные,
Что с собой берут Тебе покорные.

Подари, Господь, одежды белые,
Без намека на грехи омытые.
Собери дела, как смоквы спелые,
В листьях благочестия сокрытые.

Ты – мой клад, твердыня и прибежище,
Крепость, щит, моя скала гранитная,
Рог спасенья, от греха убежище,
Троица Святая, монолитная!

Апрель 1999 г.

НЕ ТОСКУЙ...

Песня для группы «Спасенье»

Не тоскуй, когда мглою окутано небо,
Не тоскуй, когда ветер всю завязь сорвал.
Не тоскуй, когда пуст в реку брошенный невод,
Не тоскуй, когда друг в самом главном соврал.

Не тоскуй оттого, что «весь мир не изменишь»,
В этой жизни порок – основной элемент.
Только если надеешься, любишь и веришь,
Сможешь выжить, пробившись сквозь злобы цемент.

Не тоскуй, не грусти, есть над тучами солнце,
После бурь тишина наступает всегда,
И бывает, что невод от рыбы прорвется,
И бывают друзья, что не врут никогда.

Не тоскуй, не грусти, есть Утешитель добрый,
С пониманьем в глазах, состраданьем в груди.
Он сквозь бури ведет через реки и горы
В ту страну без греха, что нас ждет впереди.

Май 1999 г.

ПЕЧАТЬ

Еф. 1:13

Как кольцо на руке у невесты –
Жениха обещанье залог,
Так печатию Духа отверзты
Двери в славный спасенных чертог.

Бог печатью навеки отметил
Тех, кого, предузнав, искупил.
Сын за грех человека ответил,
До конца чашу гнева испив.

На челе с неизменной печатью
Совершаем спасенье свое,
Но глядит Искупитель с печалью,
Коль печать ту едва узнает.

Донесем до конца, до победы,
Не разбив на дорогах земных,
Божий знак, о котором поведал
Нам апостол в посланьях своих,

Чтоб в обещанном доме небесном
Все наследие взять за печать.
В договоре, открытом и честном,
Бог намерен обет Свой сдержать.

Август 1999 г.

ТИХОЕ УТРО

Не колышутся пальмы,
Ни перистые травы,
Так безветренно, тихо
Утром ранним вокруг,
Океан, как стеклянный,
Нет из пены оправы,
Горы окаменели,
И хребет их упруг.
Кто-то спросит: а разве
Горы чудом мягчают?
И хребет их упругий
Расслабляется вдруг?
Да, представьте, что в бурю
Всю окрестность качает –
Пляшут горы и море,
Рвется замкнутый круг.
А сегодня так тихо,
Что и дятлов расслышишь
Высоко на верхушках
Телеграфных столбов.
И шагаешь бодрее,
Глубже мыслишь и дышишь,
Даже легче прощаешь,
Излучая любовь.

Август 1999 г.

МЫСЛИ О ДУХЕ ЗЛА

Сегодня холодно, и вечером камин
Зажег супруг, чтоб дом согреть немного,
А у меня душа и та до дна продрогла
И просит Господа о расплавленье льдин.

На Его пламени живые языки
Смотрю в упор чуть увлажненным взором,
Молюсь без слов, борюсь в душе со вздором,
Что осаждает, как врага полки.

Враждебный дух вокруг меня опять парит.
Он ощутим и портит настроенье.
Тот дух врага – дух злобы, непрощенья,
Что лишь, повысив голос, говорит.

Не может он людей прощать и отпускать
Грехи другим, сам не познав прощенья.
Все принимает тоном возмущенья,
Всегда готовый жалить и кусать.

И я направила глаза мои к огню,
Молясь о пламени, что души очищает,
О пламени, что зло испепеляет
И плавит озлобления броню.

Вдруг чувство радости, покоя и тепла
Все существо мое согрело дуновеньем
Надежды, веры, что благословенье
Придет еще и зло сгорит дотла.

Февраль 2003 г.

ВЕСЕННЯЯ ЛИРИКА

Беззвучный лепестковый «снегопад»
Ласкает взор, будя воспоминанья
О том, как много-много лет назад
В нас созревали ранние признанья.

Расцвет природы с пробужденьем чувств
Был сопряжен всегда во мне в те годы,
И в старости пускай слегка, чуть-чуть,
Но все ж, как прежде, «возмущает воды».

На грядках вьются пчелы и шмели.
Нектар, нектар, а после мед и завязь.
Ирисы, каллы пышно расцвели,
Всем маленьким цветам на зависть.

Муж, украинец, глядя на наш сад
И видя, как все пестро и прекрасно,
Кивает мне, зовет направить взгляд
На все, что распустилося «так рясно».

Я не решаюсь у него спросить,
Какие в нем расшевелились чувства.
Да помнит ли, чтобы заговорить
О них, давно ушедших, вслух и устно?

Не это важно, и пора не та,
Мы до неузнаваемости стары…
Исполнилась заветная мечта
У рядом, вместе, постаревшей пары.

Нас так обильно Бог благословил,
Грехи простил и спас не по заслугам.
Спокойную нам старость подарил
И свой уютный выплаченный угол.

Свой домик, свой в цвету зеленый сад,
Свою интимность задушевной речи.
Кружится лепестковый «снегопад»
И порошит нам головы и плечи.

Март 2003 г.

ОТВЛЕЧЕНИЕ

Хорошо иногда о природе писать:
Как сверкает звезда на ночных небесах,
Как склоняется пчелка над нежным цветком,
Как закат полыхает вдали веерком;
О кустах, о лесах, о полях и горах,
И о росных слезах, и о синих волнах.
Хоть и тысячи раз говорилось о том,
Увлажняется взор, к горлу катится ком.
Отвлекает природа от стиснувших ум
Мелких мыслей и мрачных, безрадостных дум.
И на время забудешься, горе забыв,
Спит оно, не добудишься... Светел порыв,
Легок взлет в вышину над земным и больным,
Напишу про волну, и завеется дым.
И пока о стрекозах и птицах пою,
Пребываю в надземном, безгрешном краю.
Не с того ли Господь нас в Свой мир поместил
С красотою природы и блеском светил,
Чтобы, видя красоты творенья всего,
Прославляли Его, прославляли Его!

Май 2003 г.

«ПЕЧАЛЬ В РАДОСТЬ БУДЕТ...»

Радость. Что такое радость?
Счастье. Что такое счастье?
Благость. Что такое благость?
Чувств ли это теплый настил?
Пух лебяжий под усталость
Людям, в бурях изможденным?
Старость. Что такое старость?
Не покой ли утомленным?
Почему же в эти годы,
Когда только отдыхать бы
Под красотами природы,
Носишь бурь житейских тяжбы?
Чьи-то носишь неполадки,
Разногласья, непрощенье...
И лебяжии подкладки
Превращаются в мученья,
Выливаются в молитвы –
В слезный вопль о милосердье,
В увлажненные ланиты,
Напряженное усердье.
Не велел ли Сам Спаситель
Бремена носить друг друга?
Потому и не просите
Прекратить мои потуги.
Очевидно, радость, счастье –
Не на лаврах почиванье,
Вовсе не лебяжий настил,
А на помощь прибеганье.
До последнего дыханья
Будут трудности, невзгоды,
За чужих переживанья,
За своих до слез заботы.
Очевидно, и под старость
Счастье, радость, наслажденье
В том, чтоб в жизни, что осталась,

Каждый день прошел в служенье,
Каждый день прошел в молитве,
В чтенье Слова, в добром деле.
Неужели ж это плохо? Неужели? Неужели?

Март 2003 г.

НЕТ НИЧЕГО...

Нет ничего безобразней порока,
Нет ничего, что ужасней, чем грех.
Нет ничего, что мудрей слов пророка,
Нет ничего, что белее, чем снег.
Нет ничего ароматнее хлеба,
Нет ничего красивее цветов.
Нет ничего хуже влажного хлева.
Нет ничего обреченней скотов.
Нет ничего голубей небосклона,
Нет ничего, что прозрачнее слез.
Нет ничего ниже к злому уклона,
Нет ничего тщетней суетных грез.
Нет ничего смертоноснее яда.
Нет ничего воя вьюжного злей.
Нет ничего, что сочней винограда,
Нет ничего, что стройней тополей.
Нет ничего краше четкого слога,
Нет ничего, что прямей, чем отвес.
Нет ничего чище святости Бога,
Нет ничего вожделенней Небес.

Март 2010 г.

НЕХОРОШО...

Нехорошо роптать и сетовать.
Роптать и сетовать грешно.
Не сделать красочным бесцветное,
Не зачерпнуть добро ковшом.

Знать, что-то делалось неправильно,
Недотянулось в основном.
Казалось, двигались направленно,
А получилось кверху дном.

Другим везло... Иль так казалось нам?
Снаружи дна не разглядеть.
Но чувство жалости и зависти
Пыталось слабый дух задеть.

Нет зависти «святой», как не было
И не бывает лжи «святой»,
Хотя негадано, неведомо
Дается мести мысли той...

Не повернуть годины прежние,
Неровных троп не изменить.
Все замели бураны снежные,
И оборвали с прежним нить.

Не возвратится невозвратное,
Путем пройденным не пройдем,
Быть может, потому отраднее
Для нас дорога в Отчий дом?

Господь простил, забыв все прошлое –
Ошибки, промахи, грехи...
Когда ж крадутся в дом непрошено
Злых дней зигзаги и штрихи,

Тогда спешу с напоминанием
О том, что сетовать грешно,
Завидовать без фактов знания
Не только глупо, но смешно.

Приняв урок, другим советовать
Могу, коль до меня дошло:
Нехорошо роптать и сетовать.
Роптать и сетовать грешно.

Май 2003 г.

ХРАНИТЕ РОДНОЙ ЯЗЫК

Мне путь земной, как будто снится –
Тропинок сеть, да взлеты, спуски...
Лет шесть десятков за границей,
А думаю еще по-русски!

Иначе как бы я писала
Стихи, поэмы, прозу, оды
На языке, какой впитала,
Как мамы молоко и воздух.

Мне говорят: «За эти годы
В чужой земле забыть нетрудно
Родной язык... Вы переводы,
Наверно, строите подспудно...»

«Нет, обхожусь без перевода,
Живя в английских рамках узких.
Немецкий тоже помню вроде,
Но мыслю, чувствую по-русски».

Родное, впитанное с детства,
До смерти с нами остается,
Как драгоценное наследство
Хранится, в сердце бережется.

Другим советую поныне:
Учите языки прилежно,
Но только даже на чужбине
Родной язык храните нежно.

Июнь 2003 г.

УТРОМ

Шесть ступенек до дорожки,
Шесть шагов до тротуара.
В тишине крадусь, как кошка,
Подобрать газету рано,
Взор поднять к звезде рассветной,
К розовеющей каемке
Горизонта, чуть-чуть светлой,
И вздохнуть всей грудью емко.
А при выдохе воскликнуть:
«Слава Богу за день новый!»
Старый больше не окликнуть,
Не вернуть тоскливым зовом.
Раньше жизнь казалась длинной,
До конца недотянуться,
Как в псалме простом старинном
От куплетов связки рвутся.
А теперь за то, что встанешь
Да склонишься у постели,
Слово Божье почитаешь,
Чтоб мозги не опустели,
Да за то, что на рассвете
Слышишь птичек щебетанье,
Ощущаешь ранний ветер,
Провожаешь звезд сиянье,
Благодарностью исполнен
Дух за каждое мгновенье.
Утром ранним, тихим, сонным,
Как не преклонить колени?

Июнь 2003 г.

ВСТРЕЧА

Боже мой! Как меняется жизнь!
Были молоды мы –
Нам тогда было чуть-чуть за тридцать.
Нас на подвиг тянуло,
Хотелось Христу послужить,
С головою в Него погрузиться.
Он зажег во мне искру
От куста, что в степи не сгорал,
Дав начало огню,
Запылавшему ярко и быстро,
Этот свет от огня засиял,
Словно факел средь мрака и тьмы.
У меня полный дом детворы
И забот полон рот о семье и о доме,
О родителях, церкви, о муже и, кроме...
Кто же станет в пролом,
Если Божьим займусь я трудом?
Мой духовный состав еще не был развит –
Никакой подготовки – одно только рвенье!
Но орудием Божьим стал новый знакомый Давид,
Он и стал мне тогда вдохновеньем,
Стал опорой, поддержкой, звеном
Между мною и полем широким,
Между мной и страною далекой
За «железным завесом»,
Разделяя заботу о крае родном.
Крае том, где укрылся невидимый мир,
Куда мог проникать лишь эфир
Сквозь помехи почти в каждый дом...
Нам Давид предоставил условья,
Дверь открыв для программ передач.
И хоть злился безбожный палач,
Я годами вещала о Слове
Детям, женщинам, людям,
Всем тем, кто был слушать готов

Весть благую про подвиг Христов
И жизнь новую в Нем...
Не забудем
Мы тех лет, той блаженной поры...
А теперь мы стары.
Мы друг друга давно не видали,
Но служенья свои продолжали.
Только в разных углах: он – в одном, я – в другом.
Разошлися пути. Нас другие дела увлекали.
А родных отозвал уж Господь в Свои дали
За наградой, в покой после верных трудов,
После лет, полных слез и печали.
Вдруг недавно, поди ж, повстречался
В торговом мне центре, иль в «моле»,
Старикашка седой, полулысый, ужасно худой.
Как-то косо он шел, да, вернее, не шел, а шатался,
Семенил, как одни старики семенят... Он ли, что ли?
Он ли это? Неужто старик тот – Давид?
Но едва ль?
Это он семенит, глядя пристально вдаль
И куда-то поверх всех людей и меня...
Мне хотелося крикнуть: «Давид, это я!
Помнишь труд наш когда-то совместный?»
Но мне шок помешал неуместный,
Неуверенность в том, что старик тот –
Сотрудник давнишний Давид.
Я пошла вслед за ним. Поровнялась и жду.
Он вдруг бегло взглянул...
«Извините», – сказал на ходу,
Не узнал... И в проход меж домов повернул,
Не теряя растерянный вид...
Я к машине пошла вся в слезах
И там долго безмолвно сидела,
Вспоминая то Божие дело,
Что вручил мне когда-то тот брат.
Но взяла себя в руки,
Поспешно протерла глаза,

И навязчивой мысли о прошлом,
О встрече, разлуке
Вслух сказала: «Уйди! Отвяжись!»
Ведь назад невозможен возврат...
Боже мой! Почему так меняется жизнь?

Июль 2003 г.

ДОВЕРИЕ

Не спрошу у Него, почему
Путь порой предо мной каменист,
Незнаком, и сокрыт, и тернист...
Он ведет меня Сам по нему.

Не спрошу у Него даже, как
Превращает утрату в доход,
Знаю только, что скоро поход,
Завершится. Рассеется мрак!

В обещаниях не усомнюсь,
Ни в любви, ни в заботе Его,
И под ношей креста своего
С Его помощью не подломлюсь.

И не стану Отца умолять
Мне позволить удел свой найти,
Дабы лучшее не упустить
И небесное не потерять.

У Даятеля щедрых даров
Лучший выбор в запасе для всех.
И не нужно мирских там утех.
Нам дарит счастье Божий покров.

Под премудрой рукою Его –
Под Иисусовой волей благой,
Сохраняя душевный покой,
Не спрошу: «Почему?», «Для чего?»

Сентябрь 2003 г.

ЯЗЫК ОСЕНИ

Ущербленного месяца тонкую стружечку
Луч от солнца встающего делает видною,
Нежно листья осенние в воздухе кружатся,
Пропитав его весь умиранья флюидами.

И деревья, туманным окутавшись саваном,
Тихо плачут о прошлом тяжелыми каплями,
Что зарю отражают, как в золоте плавленном,
И блестят на панели не устланной кафелем.

О, как много теряет, кто спит в эти ранние,
На восходе, минуты прохладные, тихие!
Ведь не видят они мертвых листьев прощания
И не слышат ни капель с деревьев, ни всхлипов их.

Та осенняя грусть и пора увядания
Почему-то всегда мне казались отраднее,
Чем природы весенней от сна просыпание
Или знойного лета убранство нарядное.

Чем и как объяснить мне такое пристрастие,
Я, пожалуй, не знаю. Не тем ли, что временны
Все мы здесь, на земле. К увяданью причастие
Нам естественней, ближе, понятней, уверенней.

А осенние листья, туманы с их моросью
И на слезы похожие капельки с веточек
Так милы нам своею печальной нескоростью
Неизменного хода от бренного к вечному.

Октябрь 2003 г.

ТЫ ЕЩЕ НЕ ДОМА...

Кусочек истории

Прослужив двадцать лет в африканской стране,
Божий воин домой возвращался.
Не к родителям, детям, ни даже к жене.
Он давно от всего отказался.

Приближаясь с волненьем к родимой земле,
Он узнал, что известная личность
С ним плывет на борту, на одном корабле,
И команде то не безразлично.

«Совпаденьем» назвав непростой инцидент,
Расспросил: «С кем тут столько заботы?»
И услышал: «Здесь с нами плывет президент!
Он из Африки едет, с охоты.

Три недели провел он, стреляя зверей
И снимая с них ценные шкуры...
В Белый дом едет сам Теодор Рузвельт
Как же можно тут без процедуры?»

И о, диво! Когда приближались к порту,
Там уже и оркестр, и знамена.
Президента встречал караул на посту,
И шумела толпа восхищенно.

Опустил свою голову миссионер.
Что-то больно под сердцем кольнуло:
«Двадцать лет прослужил я в далекой стране,
Трап один был открыт президенту и мне,
Только встреча меня та минула!»

И склонился Господь над душою слуги,
И шепнул: «Твое чувство знакомо...

Здесь встречают одних и обходят других.
Не грусти, есть обитель, где ценят своих.
Ты ж не Дома еще, ты не Дома!»

Ноябрь 2003 г.

БОГ ИЩЕТ ВЕРНЫХ

Бог ищет верных, делая способными
Тех, кто Ему доверился вполне.
Не надписями тронут Он надгробными,
А жизнью, побеждающей в войне.

Не той, где кровь безмерно льется братская
Иль даже вражья, но в войне со злом,
Тем, что лукавый розовыми красками
Раскрасил, смерть скрывая за углом...

Мы видим души верные в служении
От зова жить до зова умирать.
Людей, принявших всех путей сужение,
Ведущее к отверстью узких врат.

Нам кажется, они были способными,
И потому Господь избрал их стать
В служении земном Христу подобными.
А Он за верность любит избирать!

Не явную, а лишь потенциальную,
В зародыше предузнанную Им;
Ее Он возвышает в специальную,
В пример всем детям будущим Своим.

Здесь патриархи, ряд мужей пророческих,
Здесь Моисей, апостолы, мужи,
Что донесли к нам в график непросроченный
Благую весть, дарующую жизнь.

И так доныне, видя веры проблески,
Невидимые для самих святых
(За им присущей кротостью и скромностью),
Бог делает способными на подвиги
Невзрачных, незаметных и простых.

Ноябрь 2003 г.

НАПИСАНО!

Живое Слово, спаянное с письмами
В единый, обоюдоострый меч,
Разило дьявола одним Своим «Написано!»,
И тот не смог сломить живую речь.

«Написано! Написано! Написано!» –
Как власть имеющий, Сын Божий отвечал.
Он Сам был Словом и, врагом испытанный,
Пошел на крест с победою в очах!

По Слову Божьему свершилось искупление.
По Слову Божьему грех мира был на Нем.
Голгофа увенчалась воскресением,
И Дух Святой сошел с небес огнем.

«Исследуйте Священные Писания.
Они о Мне свидетельствуют вам!»
В них сила, в них для грешных оправдание,
В них щит, и шлем, и меч в отпор врагам.

Водою Слова Бог дает напиться нам,
И хлебом Слова кормит чад Своих.
Могучим Словом Божиим «Написано!»
К борьбе со злом вооружает их.

Живое Слово, спаянное с письмами,
Вселилось в нас, рожденных от Него.
Мы повторяем за Христом: «Написано!» –
И рушатся твердыни у врагов!

Ноябрь 2003 г.

ДВА СОНЕТА

«Не лечит время ран» – нам говорят,
Но жизнь преподает другой урок:
Стихает боль в назначенный ей срок,
И все имеет свой черед и ряд.
Хотя бы беды шли на нас подряд,
Мы не бежим от них, как тот сурок,
Мы им в глаза глядим и верим: «рок»
Свою печать не ставит наугад.
Мы верим в Божий замысел благой,
Шлифующий все раны и углы...
Зубило не пугает, ни резец,
Всему-всему придет в свой час конец.
И горе, ставшее Творцу слугой,
В нас вызывает радости наплыв.

* * *

Скончался год. Не будет похорон.
Лишь ожиданья затаенный дух.
Когда беззвучно, как лебяжий пух,
Год старый будет новым заменен.
Не будет фейерверков и знамен
В квартире, где хозяин глух,
Где слабо зрение, не только слух,
Хребет усталый низко наклонен.
Полночных встреч давно прошла пора.
Нам хоть бы дотянуть до десяти.
А там уж и колени преклонить,
Благословений прошлых вспомнить нить,
Обнявшись, попрощаться до утра,
И в комнаты свои на ночь уйти.

31 декабря 2003 г.

Я ДАВНО ЗАМЕНИЛА...

Я давно заменила мечту о земном
Золотою мечтою о вечном.
Как у всех, у меня был родной край и дом
И тоска по ним в стоне сердечном
При разлуке со всем, с чем сроднила земля,
Натуральна, с минуты рожденья...
Долго снились дома, и леса, и поля,
И любви молодой пробужденье.
Но с тех пор, как вселился мне в душу Христос
И престол Свой в ней прочно устроил,
Виды прошлого вдруг понесло под откос –
Стали рушится плоти устои.
Виды Неба открылись духовным очам,
И тоска появилась иная –
Не назад, а вперед взор направился сам,
К обещаньям грядущего рая.
Что такое возможно, не думала я,
Когда плотью к земному тянулась,
Но открылся иного мне смысл бытия –
Ввысь мечта и тоска потянулась.
Пусть меня упрекают за то, что, мол, я
Край родной на чужой променяла,
Но родной край – земля, и чужой край – земля,
А Голгофа любовь к ним распяла.
Я прохожий и странник на этой земле,
Я иду по следам Авраама
В обетованный край – к ханаанской стране,
И влечет меня та панорама.

Январь 2004 г.

СМЕСЬ

Смешались во мне две различные крови –
Славянская кровь от родного отца;
Еврейская кровь со славянскою вровень
От мамы влилась в зарожденье «яйца».

И так с той поры два народа спокойно
Во мне уживаются, слившись в одно.
Когда я в России, мне сладко и больно,
Когда я в Израйле – «Ой, вей!» до глубин.

В тех странах всегда пробуждаются струны
На двух инструментах, совсем не сродни:
В Израйле – там Чермного моря буруны,
В России – рожденье и детские дни...

В Израйле причастность к Христу ощущаю,
Корнями касаясь Священной земли.
В России по детству в деревне скучаю,
По веткам сирени, березкам вдали...

Но медленно к жизни концу приближаясь,
Я поняла четко из Божиих слов,
Что сколько б народов во мне не смешалось,
Роднее Христова голгофская кровь.

Она все народы в один съединила,
Создав уникальную новую смесь
Из тех, кого кровь на Голгофе омыла,
Из тех, кого тронула Добрая весть.

Пока ж по земле я ногами ступаю,
Две крови порой ощутимы во мне,
Но я это чувство в себе заглушаю
Своей принадлежностью к Божьей семье.

Январь 2004 г.

КАК НЕ ЗАМЕТИТЬ?

Не передать всего, что есть на свете,
Не выразить ни речью, ни пером
Созвучий звонких, красочных соцветий,
Нас поражающих, как обух или гром.

Стоишь в бессилии, безмолвии, бездумье,
Остолбенев, дыханье затая.
Не зря тот назван в Библии безумным,
Кто отрицает Бога бытия.

Каким глухим, слепым и слабоумным
Быть должен тот, кто мимо пролетел
И не заметил волн прибоя шумных,
Ни света тихого небесных тел.

Или, заметив, приписал природе
И «матери земле», «игре судьбы»
Скат солнца на вечернем небосводе
И огненный, и облачный столбы.

Духовных благ несметное богатство,
Дар жизни, мысли, верности, любви
Назвать случайностью? Ведь это ж святотатство!
Кощунство, как его не назови.

Прожить всю жизнь, Голгофы не заметив,
И в мифы отнеся Благую весть, –
Есть разве жальче что-нибудь на свете?
Достойней сожаленья что-то есть?

А я немею от всего, что вижу,
Что ощущаю, верой восприняв.
И с каждым днем я к Богу ближе, ближе...
Он вне, внутри, и Он вокруг меня.

Февраль 2004 г.

МОЛИТВА

Вопрос, недоумение и боль ножа в груди...
Ты даровал спасение. Войди ж в меня, войди!
Живи во мне сиянием присутствия навек,
Прости непонимание, ведь Ты не человек!

Все слезы мною созданы – вина на мне одной.
Сияй во мне Сам звездами, любви Твоей волной.
Сними недоумение – и боль утихнет вмиг.
Даруй Твое прощение, забудь зло дней лихих.

Май 2004 г.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Благословение – благое слово с мнением
О нас и нашей жизни пред Творцом
И благосклонное Того расположение,
Кто назван в Библии началом и концом.

Благословение в перстах Первосвященника,
Раздвинутых, как взмах незримых крыл,
Дающее провин всех отпущение
Тому, кто грех свой перед Ним открыл.

Благословение снимает осуждение
И тяжкий гнет сознания вины,
Когда приходит в нашем направлении
С престола милости – с небесной вышины.

Благословение в обратном направлении,
От человека к Богу, – ввысь идет
За искупление, за Божье всепрощение,
За блага все, что нам Господь дает.

«Благослови, душа, навеки Господа!
Прославь Его всем сердцем и нутром!» –
Мы говорим душе счастливым голосом
В ответ Творцу за все Его добро.

Благословение в Давида псалмопении
Осталось нам в завет на все века.
Мы научились в дивном прославлении
Давать и принимать благословение.
Щедра на благо Божия рука!

Май 2004 г.

КАК НЕ ПИСАТЬ?

Как не писать стихи, когда никак неймется?
Рифмованная мысль не может без строки –
На чистый, белый лист сама собою рвется
Столбцами ровными из-под руки.

Рифмованная мысль о Боге, о природе,
О чувствах, как хороших, так плохих, –
Она всегда найдет свой резонанс в народе,
И потому всегда из сердца рвется стих.

Его подхватит тот, кто любит музыкальность,
Певучесть превратив в волнующий напев.
От звуков тех бежит рутина и банальность,
В душе укорениться не успев.

Как не писать стихи, когда вокруг так серо,
Так безнадежно все без добрых новостей?
Свой стих я создаю живой, глубокой верой
В то, что надежней нет Божественных путей.

Влеку людей принять евангельские зовы –
Прийти к Христу за мудростью, чтоб жить
Осмысленно, полезно и готовым
Всегда на подвиг и на жертву быть.

Ритмичностью стихов мне почему-то легче
То выразить, чего не скажешь с глазу на глаз.
Я слабый, незаметный человечек,
Но вот в стихах сильней мой слабый пересказ.

И потому пишу, пишу, когда неймется,
Когда поток из рифм не в силах удержать.
И где-то обязательно найдется
Душа созвучная. Ее недолго ждать.

Июль 2004 г.

ПОБЕДИТЕЛИ

Под бой иного барабанщика
Шагает стройно Божья рать,
Что банею иного банщика
Омыта, чтоб во тьме сиять.

С остатком праведным израильским,
В великом деле заодно,
Хранимая под взором ангельским
И скована к звену звено.

Удалена преграда древняя –
Господь все новое творит:
От века тайна сокровенная –
Христова Церковь – монолит!

Враги бывали и отступники,
На части сатана делил,
Но все же души неподкупные
Он не сломил, не сокрушил.

Под бой иного барабанщика
Живое стадо шло вперед,
В капканы лютого обманщика
Ногою не ступал народ.

Он обходил канавы, рытвины,
За правду кровию платил,
Родные ветви и привитые
В едином Теле сохранил.

Для славы своего Спасителя,
Не ради почести земной,
В борьбе духовной победителем
Идет уверенно Домой!

Август 2004 г.

ПЕРЕХОД

Отец собрался в город по делам.
Малец сынок идти с ним напросился.
Он в руку мощную отца вцепился,
Шаги приноровив к его шагам.

Потом бурлящий преградил им путь.
Над ним мост узкий, без перил и шаткий,
Открылся перед ними. Мертвой хваткой
Сын пальцы сжал, боясь там утонуть.

В пути обратном на закате дня,
Когда вокруг уже сгущались тени,
У сына задрожали вдруг колени:
«Держи меня, отец, держи меня!»

Холодной ночью, ветреной, безлунной,
Не виден хлипкий мостик и вблизи.
Вода шумит, нога на нем скользит...
«Отец, держи! Я в страхе, как безумный!»

И на руках отец дитя понес
Через поток по мостику над бездной.
Сыночек ночью темной и беззвездной
Уснул, в груди отца упрятав нос.

Когда проснулся, яркий свет светил
Ему в глаза. Он оказался дома.
Ни ночи, ни моста, в костях истома
И легкость, радость от избытка сил.

Так в перехода неизбежный час
Господь перенесет чрез смерти ужас
Нас на руках, прижав к груди потуже,
Пока мы Дома не откроем глаз!

Сентябрь 2004 г.

ЭЛЕГИЯ

Жизнь не дает прожить себя бесследно.
Сюрпризы преподносит тут и там.
Я на нее порой смотрю серьезно,
А иногда и с грустью пополам.

Тот домик, о котором я писала,
Как о жилище «наших стариков»,
Почти снесен и строится сначала,
На том же месте, от его основ.

Строенье будет новым, не похожим
На то, давно знакомое жилье.
Я на прогулках, как чужой прохожий,
И это место больше не мое...

Я знаю, с нами будет так, как с ними.
Ведь это вечный и святой закон!
Бог не отменит этого, не снимет –
Закономерность эта испокон.

Иду с губой дрожащей, ненароком
Бросая взгляд печальный на «каркас»,
А жизнь мигает мне веселым оком,
Кричит: «Лечу вперед! Мне не до вас!

Как прежде, шелестят листвой деревья,
И голубеет небо над землей.
И в людях смесь доверья с недоверьем,
И в настроениях то спад, то взлет.

Вступают в брак, детей на свет рождают
И создают уют в своих домах,
Ковры, картины, мебель покупают,
Беря на много лет вперед размах.

А тех, ушедших, как и не бывало.
Их след остался на сердцах родных,
И то не всех, а самых близких мало,
Друзьям же и подавно не до них.

Жизнь дальше мчится, с ходу обрекая
Все старое и лишнее на свал.
Сердечной болью, недоумевая,
Мне не сдержать ее девятый вал.

Гляжу вперед с надеждой окрыленной,
Жду встречи с теми, кто ушел до нас,
Благодарю Христа за дух спасенный,
Слезу сметая с просветлевших глаз.

Октябрь 2004 г.

ОДИН...

«И Сам отошел от них...»
Лк. 22:41

Он был поглощен умираньем Своим.
О чем-то другом не могло быть и речи.
О, как одинок человек, когда с ним
Лишь тени былого и гаснущий вечер
Не дня, а всей жизни, прошедшей, как миг,
Хотя ее было отмерено много.
О чем говорить? Дух усталый притих,
Застыл в ожиданье свидания с Богом
И тайной за тускло манящим стеклом,
Которой вот-вот предстоит проясниться.
В нее человек не идет напролом,
Желая ее откровенья, боится...
Не раз наблюдая за смертью других,
Всегда приходила к тому убежденью,
Что в вечность мы всех провожаем одних,
Пусть даже под близких, родных наблюденьем.
Священ и болезненно личен тот час,
Во многом похожий на наше рожденье –
Тогда жизнь встречала таинственно нас,
В конце провожает в свое продолженье.
И вера поможет принять и понять
Ту вечную тайну за смертною гранью.
Спасителя лик и Его благодать
Наполнят приход наш небесным сияньем.
Иисус, Свой конец здесь встречая Один,
В саду отойдя «на вержение камня»,
Боренье, Голгофу вкусив до глубин,
Оставил пример и урок на века нам.
Мы учимся жить от Него до седин,
С Него же берем и пример состраданья,
И путь тот, что каждый проходит один,
Кончаем примером Его умиранья.

Октябрь 2004 г.

ФЕВРАЛЬ В САНТА-БАРБАРЕ

Абрикосы цветут, но ведь только февраль!
Перед домом мимоза в пушистых букетах.
А на грядке цветочной коллаж разноцвета
Перевила настурций живая вуаль.

Где-то снег по колено и вьюги метут,
И машины скользят по «стеклу» гололеда,
А у нас по дождям золотая погода,
И кусты, и деревья в весеннем цвету.

Можно было б привыкнуть к такой красоте,
И уже не внимать голосам пробужденья
Птичьих стай, и не видеть домой возвращенья
Косяков их в ажурной небес высоте.

И не может никак примелькаться сей край.
Каждый год, каждый месяц и день восхищенье
Вызывает Творца красоты откровенье:
На страницах природы расписанный рай!

Не устанет душа до последних минут
Прославлять то, что в речь не вмещалось от века,
Что не скажешь пером и стихом человека.
Если скажешь, тебя все равно не поймут.

От пушистых цветочков мимозы едва ль
Оторву повлажневший вдруг взор умиленный.
И, ступив на газон изумрудно-зеленый,
Вновь прославлю Творца за цветущий февраль.

2005 г.

ЗОВ ВЕСНЫ

Кричит у речки коростель,
Камыш качается прибрежный.
«Вода живая» – голос нежный
Нам говорит не о Христе ль?

Ведь Он дарует жизни цель,
И пробуждает дух унылый.
Впускает свет в подвал постылый
Через окно иль двери щель.

В сыром подвале цвель и прель,
И воздух затхлый, нездоровый...
Старик на койке – вид суровый,
А за окном весна – апрель!

Буравит талый лед капель,
Что с крыш со звоном ниспадает,
И старца за душу хватает
И этот звон, и птичек трель.

Под ним измятая постель.
Он телом слаб, и сердца струны
Гудят, как колокол чугунный
Иль с трещиной виолончель.

И думает старик: «Уже ль
Мне не видать весны прихода?
Там, за окном, цветет природа,
Я ж в полумраке здесь досель...»

Он вспомнил юность, дом и ель
Под окнами на мшистых лапах,
И как ветвей смолистых запах
Баюкал, словно колыбель.

Пастушья слышится свирель,
Суля и отдых, и прохладу...
И память сделала, что надо, –
Дед, встав, пошел встречать апрель!

26 июня 2005 г.

МОЛИТВА

Ты в мир пришел явить Благую весть
С глаголом вечной жизни на устах!
От боли иногда ни встать, ни сесть,
Ни голову склонить, когда устал.

Всего Себя Ты отдавал толпе,
На крест пошел безмолвно, как овца.
Все совершить ко времени успел:
Спасти людей – порадовать Отца.

И многих впечатлила Твоя смерть.
Мы за Тобой пошли, и «будь что будет»,
Ведь ты учил нас жить, дерзать и сметь.
Ты Сам есть Жизнь, и Истина, и Путь.

Ты был в гробу, но Ты из гроба встал.
Смерть победив, оставил светлый след.
Но камень катит на Твои уста
Безбожный мир спустя две тыщи лет.

Скорбит Отец, и Ты, и Дух Святой,
На Землю глядя сквозь небес покров.
Неужто Весть благая – звук пустой
Тем, за кого лилась святая кровь?

Я слово свое каждое солю
Словами жизни из Твоих страниц.
Свидетельствовать о Тебе люблю,
Не замечая равнодушных лиц.

Дай свет Твой постоянно отражать.
Уходит время. Уж не скрыть седин.
Дай до конца перед Тобой дрожать,
Мой Бог и моей жизни Господин!

26 июня 2005 г.

ДРАГОЦЕННАЯ БЛИЗОСТЬ

Я Твоя голубица, Равви,
Я дитя Твое слабое, Рэбэ.
Свет твоей негасимой любви
Подарил мне спасенье и Небо.

В чем-то я даже ближе других –
Мы родные по плоти и крови.
Но в наследии сфер всеблагих
Всем искупленным чадам я ровня.

Ты в величии непостижим,
Всех миров и галактик Создатель.
Мы порой пред Тобою дрожим.
Ты Судья – приговоров издатель.

Твое Слово дороже всего.
В нем источники веры и знанья.
Проникая в глубины его,
Я встречаюсь с Тобой утром ранним.

Этот прочный, но ковкий оплот,
Как метал раскаленный, податлив.
Он творит, формирует, кует
Милосердием и благодатью.

Лев и Агнец в Персоне одной.
Царь и жертва в возлюбленном Сыне.
В Нем начало, конец, верх и дно,
Бог предвечный, бессмертный, единый!

Иногда я в молитве молчу,
Словно дар своей речи теряя,
Слов не в силах найти по плечу,
Непомерность Твою не вмещая.

Я ничтожество вижу свое.
Твоя близость до праха смиряет,
Все ж надежду и радость дает,
Что и в вечности не умирает.

Я Твоя голубица, Равви,
Я дитя Твое слабое, Рэбэ.
Свет твоей негасимой любви
Подарил мне спасенье и Небо.

Август 2008 г.

ДЕТЯМ...

Ко дню матери

Здесь сказать мне детям хочется:
Ваша мать, хоть столь известная,
Была просто домработница,
Берегла жилище тесное,
Мыла пол, скребла за печкою,
Вам носки и платья штопала.
Свет потух – светила свечкою.
Непослушны были – шлепала.
Ваши чистила ботиночки,
Ленточки к косичкам гладила
Ане, Нине, младшей Ирочке
И с мальчишкой тоже ладила.
Все стирала, мыла, вешала
И утюжила до гладкости.
Помните, кто вам вымешивал
Теста праздничные сладости?
Как читала вам из Библии
И из старых русских классиков.
Чтоб слова те полюбили вы,
Объясняла смысл их ласково.
Быть детьми известной личности,
Понимаю, вам не нравится,
Я учила не кичиться вас
И как с гордостью управиться.
Хорошо, я просто «мама» вам,
А другим – кому что хочется.
Я за дружбу с вами все отдам,
Мама есть и мамой кончится.

Март 2010 г.

ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ?

Чего не хватает в последнее время
В среде возрожденных, в общенье святых?
Все вроде бы есть. Есть участие с теми,
Кто гимны поет и читает стихи.

И даже есть к Слову внимание слуха.
По лицам видать, что до уха дошло.
Но нет умиленья, нет радости духа,
И, кажется, Слово пришло и ушло...

Но мне ль обобщать впечатления строго?
Порою впадаю сама в полусон.
Особенно если вещают про Бога,
А жизни подъема вещатель лишен.

И тон заунывный, глухой, монотонный
Слова без огня людям передает.
Ведь если от Бога вещатель рожденный,
От слов его должен пылать и народ.

Не нас ли Господь упрекал, когда церкви
Сказал об оставленной первой любви?
Проверим себя, пока дни не померкли,
Пока упущения грех поправим.

Без первой любви быть не может последней
Нам нужно скорее ее возвратить.
Как может любовь наша быть ниже средней?
Господь нас призвал здесь гореть и светить.

Пусть Слово касается слуха и духа.
Пусть сила любви, не сгорая, горит.
Чтоб мир, преклонив к Слову мертвое ухо,
Услышал, что Сам Бог к нему говорит.

Март 2010 г.

ЖОРЕ КУЗИЧЕВУ К ЕГО РУКОПОЛОЖЕНИЮ

«От чрева матери» был призван Моисей.
«От чрева матери» помазан был Давид.
«От чрева матери» нес званье «назорей»
Самсон, а Иов почитал вдовиц.
«От чрева матери» Предтеча Иоанн
Был призван возвестить Христа приход.
«От чрева матери» Иисус был Богом дан,
Чтоб от грехов спасти земной народ.
И верю я, что всякий, кто Христу
Жизнь посвятил, чтоб век Ему служить,
«От чрева матери» был призван. Божий Дух
Печать готов был рано наложить.
Он всех, кто призван, Сам готовит в бой,
Сам учит, наставляет и ведет,
И защищает от беды Собой,
И освещает путь, ведя вперед.
«От чрева матери» знакома с Жоржем я,
От самой первой на земле весны
Он близок мне, как вся его семья,
И также, как семья его жены.
Он лет до трех почти не говорил.
Боялись мы, что что-то с ним не то...
Но Сам Господь язык освободил,
Чтоб говорить о Нем он был готов.
Не сразу, не с налету, неспроста,
Но много лет Господь учил служить.
И в нужный срок он перед нами встал
Достойный, чтобы рукоположить
Могли его на славный Божий труд
В любимой церкви, где отец служил,
Где вырос сам и где семейный круг
С его рожденья по соседству жил.
В воскресной школе был учеником
У матери моей и у меня...
Куда ушли года? И в горле ком

От чувств в день рукоположения.
Гордиться нам не позволяет Бог,
Но восхищенью место все же есть.
Я не скрываю свой живой восторг,
Успехам Жоржа отдавая честь.
Служи Христу! Будь тверд, как Тимофей.
Касайся Словом Божиим сердец,
Как это сделал на платформе сей
Наш бывший пастор, твой родной отец.

Май 2007 г.

ЛЮБИМОЕ ИМЯ

Я встаю на заре и иду, помолясь,
Через улицы, парки, зеленый газон.
Океан вдалеке засверкал, серебрясь,
Колокольный поблизости слышится звон.

Мимо грядок из роз, по росистой траве
Я иду и шепчу Твое имя, мой Бог.
И кружатся куплеты стихов в голове,
«Ты провел через жизнь. Ты помог! Ты помог!»

Благодарности гимн я слагаю Тебе,
Каждый день принимая бальзам твоих слов,
Видя гор бархатистых зубчатых хребет,
Очертанья в тумане пяти островов.

Не всегда узнавая Твой голоса звук,
Злом считая порой то, что было добром,
Забывая, что Ты самый лучший мой Друг,
Я решенья своим принимала умом.

Чрез огонь и чрез веру немыслимых бед,
Через топи-трясины житейских «голгоф»
Ты меня поднимал на вершину побед,
Вечной славы достойный мой Бог Саваоф.

Ты меня не судил, Ты меня исправлял,
Милосердьем Своим поднимая, шептал:
«Ты омыта в крови, ты Моя, ты Моя,
Проводя сквозь огонь, Я тебя испытал».

Потому для Него в моем сердце псалом:
«Иегова Рафа*, Иегова Ире*,
Иегова Нисси*, Иегова Шалом*,
Я встречаюсь с Тобой каждый день на заре!»

Июль 2006

---

* *Иегова Рафа – Бог Целитель, * Иегова Ире – Бог усмотрит, * Иегова Нисси – Господь знамя мое, * Иегова Шалом – Господь мира*

УРОК

На деревьях столько влаги,
Что отвисли ветки...
Вспоминаю путь свой в лагерь,
Чувство птицы в клетке.

Вспоминается чужбина,
Морось с туч нависших,
Где родимая рябина
Мне казалась лишней.

Белоствольная береза,
Клен с листом багровым
Мне казался несерьезным,
Быв когда-то кровным.

Все родное неуместным
Мнилось на чужбине.
Немка месит в миске тесто?
Глажка ждет в корзине?

Детки роются в песочке,
Мамы наблюдают,
Глаз не сводит с сына, дочки,
Как у нас бывает?

Весть с войны пришла плохая –
Слезы льются те же?
Сознавая, привыкая,
Я судила реже...

Не входило в мозг изгоя,
Что в местах далеких
Та же почва под ногою,
Тот же лист поблеклый.

Но к чему ни привыкает
Человек за время?
Нет подушки, влажный камень
Подвернет под темя.

Нет ржаного хлеба в доме,
Привыкает к булке.
Нет кровати, на соломе
Ляжет на притулке.

Так привыкла к дальним странам
Постепенно, к сроку.
И ничто уже не странно,
Внять пришлось уроку.

Вся земля – одно творенье:
Родина, чужбина –
Растворенье, продолженье –
Влага с туч, рябина...

Клен, береза, лист багровый,
Люди, люди, люди...
Тонет все в любви Христовой.
Он, всегда принять готовый,
Всех зовет и любит.

Сентябрь 2006 г.

НУЖНАЯ БУРЯ

Весь газон в лепестках белых роз, как в снегу.
Ночью ветер цветы оборвал.
Этот ветра осеннего буйный разгул
Человек «нужной бурей» назвал.

Почему? Потому что все мертвое он
Оборвал, отрусил и разнес
На газон, на дорожку, на двор и балкон –
Пусть, мол, все превратится в навоз!

Бури жизни трясут, обрывают и нас,
Очищают от мертвых ветвей,
От умершей листвы, от ненужных прикрас,
Чтобы сущность была красивей.

Чтобы чистая суть сочность новых плодов
Принесла в свое время и срок.
Я мету этот мусор, и стих мой готов
Про полезный от Бога урок.

Ноябрь 2006 г.

ГОЛОС ПРИРОДЫ...

Окна домов на горах горят
В последних лучах заката.
Тихо, без слов, душе говорят,
Что жизнь догорит когда-то...

Вспыхнет последних усилий лучом,
У кого-то огнем отразится,
Била когда-то живым ключом,
Но время пришло закатиться.

Падает листьев сухих ковер
С побагровевших кленов.
Тихо, без слов, говорит весь двор
О жизни, к концу склоненной...

Вечера, осени образы, тем
Издавна нам известны.
Только б дожить с пользой ближним всем,
Свет отражая небесный.

Октябрь 2006 г.

БОЖИЙ ДОМ

Мы говорим, что место – только место.
Душа живая – это Божий храм,
Что у Христа живая есть невеста
И жизнь дарует ей Спаситель Сам.

И это верно, истинно, и все же
Значение имеют и места.
В одних совсем отсутствует Дух Божий,
Другие – Божий дом, небес врата!

И чувствуешь под рукотворным сводом,
Что здесь Вефиль, что это Божий дом!
«Где дух Господен, там царит свобода»,
Там сладкое общенье в Нем Одном!

Отсюда ввысь возносятся моленья,
Отсюда всем слышна Благая весть,
Бог шлет сюда Свое благословенье,
И Дух Его свободно дышит здесь.

ТРИ СОНЕТА

Он вел...

Ты обводил, и отводил, и вел,
Когда я шла на бездны край крутой.
На дне ее цветок пурпурный цвел
И привлекал своею красотой.
Я в слепоте неведения шла,
Влекомая обманчивой мечтой.
Беды не чуя, я б не отвела
Ее рукой, протянутой пустой.
Хранитель ангел, посланный Тобой,
Повел в обход, в отвод и стороной.
И я, готовя с ним неравный бой,
Шла возмущенно за его спиной.
Он объяснил, ЧТО значил тот цветок,
И ДЛЯ ЧЕГО меня к себе он влек...

Нам нужен свет

О, как Ты нужен нам, как свет ноге
И как светильник на земном пути!
Мы знаем, что тропинка есть, но где
Ее искать и как ее найти?
Нам заблудиться на земле – пустяк
Без карты той, что Сам Ты начертил.
Пустыня – мир, родник воды иссяк.
О Господи, дорогу освети!
Ты нужен миру, нужен лично мне,
Хотя Твой свет давно во мне зажжен.
Во мгле забот, как блики на стене,
Едва-едва порой заметен он.
Я так люблю свет Слова Твоего!
О, помоги не угасить его!

Неужто?

Религия слепых здесь правит бал
И пляской бесов злых руководит.
В охоте на людей, как каннибал,
Она одно настойчиво твердит:
«Неверным – смерть! Правы лишь мы одни
И знаем, как тут время проводить.
Дрожи земля! Считай часы и дни!
Меч и погибель близко впереди!»
О, неужели даст торжествовать
Слепой орде фанатиков Господь,
Религия, что хочет воевать
Со всей землей, терзая дух и плоть?
Возненавидев избранный народ,
Неужто бес его переживет?

Октябрь 2006 г.

МЫСЛИ К НАСТУПАЮЩИМ ДНЯМ МАТЕРИ И ОТЦА

«Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы тебе было хорошо...»
Втор. 5:16

В большой, зажиточной Америке,
Гордящейся своими штатами,
Со стариками (не поверите!)
Порой обходимся не свято мы.

Бывает, что как пчелы с ульями,
Что выметают мусор с трутнями,
Родимых дети (доживу ль и я?)
Бросают, позабыв про труд для них.

Не помнят, почему мозолями
Испещрены персты отцовские,
Что он, пренебрегая болями,
Ознобы согревал спецовские.

Что мать, состарившись до времени,
Семью тянула с доброй совестью.
Кормящею была, беременной...
Всю отдавала себя полностью.

Ночами долгими, бессонными
Качала, нянчила, баюкала...
Что ж в старости она бездомная,
Оставленная, бесприютная?

О дети, берегите стареньких,
Заботой окружите родненьких,
Чтоб в семьях не было оставленных,
Пренебреженных вами в роде их.

Ведь сами тоже старость встретите,
Никто не избежит старения.
Храните ж стариков, вы – дети их,
Ради Христа и в Нем спасения!

Благодарю Творца за деточек,
Что нам твердят: «Мы не оставим вас».
Пусть заповедь им будет светочем,
Чтобы жалеть им было не о чем,
Но ожидать награды в добрый час.

Апрель 2005 г.

ВСПОМИНАЙТЕ...

1. На Христовом пути в Небеса
Видим много примеров.
Светлый образ отца
Среди них светит ярче других,
Светит силой любви,
Трудолюбия, строгости веры,
Отреченья себя
Ради Бога и ради семьи.

Припев: Вспоминайте отцов, матерей,
Кто, себя не жалея,
До конца своих дней
Были Господу Богу верны.
И смотря на их жизнь,
Память в сердце храня и лелея,
Будем так же верны,
Будем так же направлены ввысь.

2. Вспоминая примеры отца,
Вспоминаем мозоли
На рабочих руках,
На коленях от долгих молитв.
И несенья креста
Восприятье намеченной доли,
И безропотный дух
От порою проигранных битв.

3. Путь нелегкий пролег впереди.
Легким не был обещан.
Нам остались следы
Тех, кто им перед нами прошел.
Это наши отцы,
Наши матери, образ их вещий
Нас манит и завет,
Сохраняет от зла и беды.

ИСКРЕННОСТЬ

Мне голос свыше повелел:
«Будь искренней во всем.
Кто черным был и побелел,
Идет иным путем.

В Христа поверив, не скрывай
Тобой найденный клад.
Сей жизнь вокруг, плоды срывай,
Расти цветущий сад.

Болит душа? Скорби и плачь,
Лей слезы, плачь навзрыд.
Слез предо Мной своих не прячь,
Не прячь своих обид.

На сердце радостно? Ты пой
И смейся на виду
У всех людей, перед толпой,
За делом, на ходу!

Ты соль земли, ты миру свет!
Восторг или печаль –
Все нараспашку, не секрет,
И ни к чему вуаль.

Свершила грех? Беги ко Мне –
Всю глубину прощу
В ответ на вопль. Конец вине
Сам в Книгу помещу.

Будь искренней, гори, искрись,
Шли искры от огня
Вокруг себя, и вниз, и ввысь,
Свети и славь Меня!»

Тот, Кто все прошлое омыл
Крови Своей волной,
Ко мне склонившись, повторил:
«Будь искренней со Мной!»

Январь 2005 г.

ВЕЧНАЯ ЗАЩИТА

«И Я буду для него (Иерусалима)... огненною стеною вокруг него...
Касающийся вас касается зеницы ока Его»
Зах. 2:5,8

Он вернулся в неверье в страну своих предков
С отголосками древних и славных побед,
И хотя пораженья бывали нередко,
И враги осаждали и целились метко,
Обещанья Иеговы оставили след.

И теплилась надежда, что Бог не оставит,
Не забудет, хотя бы мать забыла дитя.
Враг Израиль ненавидит, и препятствия ставит
И террором грозя, шлет убийц к нему стаи,
И его уничтожить мечтает шутя.

Но «шутя» не выходит. Окруженный врагами,
С каждым годом лишь крепнет уникальный народ.
Он владеет оружьем и владеет плугами,
И пустыня цветет заливными лугами,
Богатеет садами, пядь за пядью берет.

На Израиль нападают, а он побеждает.
Не без жертв, не без крови, все ж победа за ним.
Враг его пораженья, зубы сжав, ожидает
И друзьям его тоже бедой угрожает,
О победе мечтает, но всегда победим.

Шесть декад пролетает, нападений накаты,
Террористские взрывы – и не видно конца.
Нагнетает злоба, бьют тревожно набаты,
Дипломатов усилья вызывают дебаты:
«Кто же здесь виноватый?» – вопросили б Творца.

Бог хранит обещанье, что давал Аврааму,
Повторял Исааку и Иакову тож,
Открывал чрез пророков славных дней панораму,
Как в оконную раму, взглянуть дал им прямо
На далекое Царство, на раскрытый чертеж...

Дал понять, что Израиль будет Божьим орудьем,
Исполненья всего, что тогда обещал,
Чтобы весть о спасенье дошла ко всем людям
Через этот народ, потому и соблюл Он,
Сохраняя поныне, как давно предвещал.

И народ тот исполнил свое назначенье,
Сохранил Божье Слово и Мессию родил.
Бог сказал Аврааму: «Будешь в благословенье»,
И чрез верный остаток пришло исполненье –
Твердый в слове Иегова и тут победил.

Здесь великая тайна, ведь народ тот типичный,
Даже больше других он непокорен, упрям.
Но он создан был Богом для цели отличной,
Чтобы дикие ветви в природе масличной
Получили спасенье и путь к Небесам.

Пусть сегодня в неверье Израиль своей массой,
Что Сам Бог допустил для спасенья других.
Бог хранит это стадо от врагов ежечасно,
И мечи свои враг заостряет напрасно,
На «зеницу» Творца зря направил он их.

Июнь 2006 г.

ОН ДОПУСКАЕТ...

«Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы – персть»
Пс. 102:14

Над городом солнце, над морем туман.
И так день за днем, как по плану.
То шторм налетит, как лихой атаман,
И плохо придется туману.
Привычное в жизни своей чередой
Проходит спокойно и тихо,
Покой не ворвется с нежданной бедой,
Покой, нарушающий вихрь.
И все перепутает он и сметет,
Лишив тебя сна и покоя.
И спросишь: «Куда ж он меня заведет?
Да что ж это, Боже, такое?»
Но вдруг понимаешь, о чем говорит
Ветрами и бурями Небо,
Кустом, что в степи, не сгорая, горит,
Местами, где был ты и не был...
Господь возвращает на узкий Свой путь,
Когда, незаметно споткнувшись,
Мы сами на зная, когда его суть
И смысл потеряли, уснувши.
Бог нас пробуждает, толкая, любя,
Свою предлагает нам помощь,
Но если не слышим, меня и тебя
Бьет бурей и вихрем наотмашь.
Чтоб помнили мы, что, когда хорошо
И тихо и слева, и справа,
Спаситель призвал нас для цели большой,
Для подвигов чести и славы.
Чтоб слава была не себе, а Христу,
От жизни, Ему посвященной.
«Он знает – мы персть», за верстою версту
Хранит Свою Церковь спасенной.

Над городом солнце, над морем туман,
А мы во Христе безмятежны,
А если не бодры, тогда ураган
И бури порой неизбежны.

Июнь 2006 г.

БЕССИЛИЕ

Я отбираю и отжимаю,
Дистиллирую богатство текста.
Он так насыщен, что пониманьем
Его не схватишь, как сдобу теста.

Глубин познанье неизмеримость
Дает возможность лишь что-то выбрать,
Лишь что-то выжать, лишь что-то вынуть,
Лишь что-то вызвать, лишь что-то вырвать.

Красоты мира, Его природы
Так отражают Творца обилье,
Что и геолог на слой породы
От изумленья глядит в бессилье.

Художник тщетно мешает масти,
Поэт напрасно рифмует слово.
И композитор – симфоний мастер –
Напрасно звуки по слуху ловит.

Создав творенье Себе подобным,
Бог человеку творить дал силу.
Но мы не знаем всего подробно,
Творим «подобно», но некрасиво.

Ведь быть подобным, не значит равным,
И подражанье не есть искусство.
За крохи дара, что стал вдруг явным,
Благодаренье – лишь капля чувства.

Всего не скажешь и не напишешь,
Не нарисуешь и не сыграешь,
Свои отборы, отжимы слышишь
И поневоле воспринимаешь.

А кто-то даже их будто ценит,
Мелодий звуки к ним подбирает.
Поймут когда-то, что это лепет.
Лишь капля в море, лишь отзвук рая.

Август 2005 г.

ВЕРНОСТЬ СЛОВУ

2 Тим. 4:2

«Проповедуй Слово, Тимофей...» –
Наставлял ученика апостол.
Прямо режь и искажать не смей,
Истину вещать ты Богом послан.

Слово – обоюдоострый меч,
Режет ровно, глубоко и точно.
Делит дух и душу, ум и речь,
Помыслов порок и непорочность.

Враг стремится правду исказить,
Абсолютность Бога отвергая,
Чтобы по поверхности скользить
Грешник мог, виной пренебрегая.

Перст Господен пишет набело:
Черное и белое – отдельно!
Свет и тьма, а там – добро и зло.
Пропасть между ними беспредельна.

Нету «середины золотой».
В серой полосе напрасно рыщут
Те, кто неуверенной пятой
В нем свое земное счастье ищут.

Ослепленный ложью сатаны,
Временно кощунник торжествует.
В серой атмосфере не видны
Результаты – вот он и ликует.

Счастлив тот, кто, истины держась,
Божьих абсолютов не отрекся.
С «крепкой башней» не теряя связь,
Скользким идеалам не обрекся.

Узкий путь и тесные врата,
Выбор посвященья Иисусу,
Ясен ум и совесть в нем чиста,
Сила есть отпор давать искусам.

Тот, кто Божьих слов не искажал,
Как учил своих апостол Павел,
Знает: Бог его к груди прижал,
Искупил и в Небесах прославил.

Июнь 2006 г.

КТО ДРУГ?

Твой друг не тот, кто на могиле плачет,
Хотя и тот бывает «от души».
Друг тот, кто «рандеву» тебе назначит
И обещанье выполнить спешит.

Друг тот, кто помнит памятные даты
И то, что между датами лежит.
Друг, кто легко прощает виноватых
И мимо согрешивших не бежит.

Друг чутко помнит, что мы христиане.
Мы новый, Богом вызванный, народ.
Не украинцы, русские, армяне,
А тот, кто Богу славу воздает.

Друг беспредельно ласков и тактичен,
Он щедр в делах любви и доброты.
Ваш жест, друзья, для христиан типичен.
Совместно – «вы», а порознь каждый – «ты».

И я благодарю вас всех совместно
И лично даже всех благодарю.
С «тобой» и «вами» мне всегда уместно
Нести хвалу Небесному Царю.

Сплотимся вкруг Него пред переходом,
Умрем ли, иль живыми перейдем,
В обители Отца Его народом –
Одним народом – в дом Его войдем.

Невыразимо благодарная
Вера КУШНИР

Октябрь 2001 г.

«ГОРЕ МИРУ ОТ СОБЛАЗНОВ...»

Мф. 18:7

Детские глазки, невинные, чистые,
Смотрят доверчиво миру в лицо.
Смотрят на крепкие и мускулистые
Руки надежные добрых отцов.
Смотрят на нежные, неутомимые
Руки их матери, ласку в очах.
Ценят с пеленок те связи любимые,
Что им дарует семейный очаг.

Трудно поверить, что это доверие
С умыслом кто-то готов подрывать.
Пресса свободная злое и скверное
Любит, смакуя, огласке давать.
Страшно читать, страшно слушать о случаях,
Как люди взрослые губят детей,
Как совращают, терзают и мучают
Для утоленья греховных страстей.

Не потому ли таким соблазнителям
Крайне суровый был дан приговор
От Самого Иисуса Спасителя –
И тем исчерпан был весь разговор!
Лучше в пучину морскую быть вверженным
С камнем на шее большим жерновым,
Чем, соблазнив «малых сих», стать отверженным,
Брошенным в пламя и серу живым.
Бог справедлив, до поры милосердствует,
Любит, прощает и просит прийти.
Но для всех тех, кто в пороках усердствует,
Есть воздаянье в конце их пути.

Ноябрь 2004 г.

ДЕВЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ПО КНИГЕ «ЕСФИРЬ»

Декламаторий для молодежи на тему «Кому служить?»

I
Верность Бога

Бог обещал хранить «неверную жену».
Наказанный Израиль в рассеянии дальнем.
Но был окончен плен, и Бог народ вернул,
Осталось только взять, что Божьи руки дали.

Ах, нет! Не все пошли. Мидо-персидский плен
Привычным многим стал. Они с ним дружно сжились.
Пред чуждым божеством не преклонив колен,
Они и Богу сил не очень-то молились.

Комфорт чужой страны – привольное житье –
Влекло их более, чем край родной далекий.
Но Бог, любя народ, внимание Свое
Не отнимал, предвидя путь нелегкий...

Им брошен вызов был: кому решат служить
В условиях внезапно измененных.
И этот же вопрос о том, как всем нам жить,
Сегодня брошен нам, от Духа возрожденным.

II
Пир у Артаксеркса

Могучий Артаксеркс – самодержавный царь –
Империей своей рукою твердой правил.
Ему подвластно все – и человек, и тварь;
Всяк соблюдал закон и свод державных правил.

Устроив пышный пир, царь пригласил князей,
Другую знать страны мидийской и персидской,

Чтоб показать им блеск империи своей
И пыль пустить в глаза плебеям касты низкой.

Жена его, Астинь, устраивала пир
Для женщин в пышном доме Артаксеркса.
Но в день седьмой царь хорошо подпил
И евнухам велел дополнить радость сердца

И пригласить Астинь в венце на голове,
Чтоб красотой ее всех удивить на славу.
Но шлет жена отказ имперской булаве,
Позоря тем царя и даже всю державу.

Астинь смущала мысль: чем стоит дорожить?
Своею честью или мужа чванством?
И стал вопрос: кому? Кому же ей служить?
Астинь избрала честь и поплатилась царством.

III
Конкурс красоты

Плохой пример подав всем женам в царстве том,
Астинь, приняв развод, сошла со сцены царства.
Но царь не унывал, не бросил трон и дом,
А конкурс объявил, забыв ее упрямство.

По всей стране гонцы помчались собирать
Красавиц молодых на выбор самодержцу.
Астинь же не вошла в ту молодую рать,
Решением избрав служение по сердцу.

На конкурсе девиц красавица Есфирь –
Израиля дочь с глубокой верой в Бога –
Взор судей привлекла. Вид свежий, как зефир,
И стройный стан, и взгляд для царского чертога!

И добрый Мардохей – Есфири опекун
И родственник к тому ж по крови личной,

Дал наставленье ей, что на ее веку
И на ее роду написано величье.

Так был решен вопрос, кому служить дано
Царице и красавице Есфири,
У Бога предназначенной давно
Для высшей цели в этом страшном мире.

IV
Заговор Амана

И возвеличил царь превыше всех князей
Любимца – подчиненного Амана.
Все кланялись ему у городских дверей,
Все, кроме Мардохея, как ни странно.

Но поведенье то возможно объяснить
Тем, что сей муж был верным иудеем,
Которым запрещалось стан клонить
Пред человеком. Вот и вся идея.

И все ж противным стал Аману Мардохей,
И чувство мести вкралось в его душу.
Он заговор ковал против его людей –
Евреев всех, кто глас его не слушал.

Не объясняя зла, склонил на то царя.
И вот уже гонцы помчались с повеленьем
Губить евреев в царских областях,
В их городах и мелких поселеньях.

Узнав о том от слуг, одежды разодрал
Есфири опекун и родственник по крови.
Был пост объявлен, вопль, и плач, и гвалт
У иудеев царства в час суровый.

V
Избавленье

Через кого и как спасение придет?
Через служанок слух достиг тогда Есфири.
Она Гафаха к Мардохею шлет
Узнать, что там, поглубже и пошире.

Узнав от Мардохея обо всем,
Гафах пересказал его слова Есфири.
Она встревожилась. При звании ее
Ей доступ не всегда открыт к царя квартире.

Но Мардохей ответ царице скорый шлет:
«Ты думаешь одна спасешься в царском доме?
Но если промолчишь, погибнет весь твой род,
И дом отца, и все, кто в нем, и кроме...

Сама подумай, уж не для того ль
Достоинства ты царского достигла?
Одна имеешь власть и царственную роль.
Так примени ее, чтоб раса не погибла...»

Затронул сердца струны Мардохей.
Есфирь велит назначить пост, молитву
О ней и этом зле. Видать, на ней
Лежит ответственность за эту злую битву:

«Три дня поститесь, день и ночь молясь,
Я со служанками сама буду поститься...
И если умереть придется за всех нас,
Я все ж пойду к царю, мне нужно торопиться».

VI
Приглашение

На третий день в одежде царской вся
Есфирь пред входом в дом спокойно стала.
Царь на престоле был, но вид тот уловя,
Он скипетр к ней склонил. Тот знак она узнала.

И ближе подойдя, притронулась к концу,
И царь спросил ее с любовью, благосклонно:
«Чего тебе, скажи, в чем зов к царя венцу?
Тебе полцарства дам, коль то тебе угодно».

«Зачем же много так? – в ответ ему Есфирь. –
Желание мое и меньше, и скромнее.
Вели с Аманом сам прийти ко мне на пир,
А там все станет вмиг и проще, и яснее...»

Аман растроган был, не мог скрепиться он.
Созвал своих друзей, жене, Зереш, хвалился,
Что он на пир с царем к царице приглашен.
И слыша эту весть, всяк чести той дивился.

Но вот Зереш была все ж недовольна тем.
Ей показался пир лишь частью исполненья
Желания его покончить насовсем
С евреями – народом Мардохея:

«Пусть дерево велят там приготовить в срок,
Локтей на пятьдесят – шепни царю под утро, –
Чтоб Мардохей был вздернут на шнурок,
Потом иди на пир ты весело и шустро».

VII
Божий оборот дела

Пока Аман ковал свой умысел и план,
Готовясь на пиру его открыть монарху,
Бог делал Свое дело, и обман
Раскрыт был, дав Аману повод к страху.

В ту ночь Господь лишает сна царя,
Царь слугам повелел взять памятную книгу
И почитать ему, пока взойдет заря,
Чтоб ночь укоротить и час приблизить к мигу.

И было найдено в тех записях, что он
Коварному подвоху был подвергнут
И замыслу напасть на его царский трон –
Убить царя... Но план был опровергнут.

Кто спас царя, возник тогда вопрос.
А в окна небосвод глядел уже, светлея.
«Нам старый Мардохей на евнухов донес,
Почтить бы не мешало Мардохея».

Послышались шаги на внутреннем дворе.
«Кто там идет?» – спросил монарх придворных.
То был Аман, пришедший на заре,
Поговорить с царем о деревах позорных.

И царь решил спросить: «Что делают тому,
Кого всесильный царь решил почтить публично?»
Аман, решив, что речь царя направлена к нему,
Отличий ряд назвал, их принимая лично.

Но царь, приняв совет и почестей подбор,
Велел все применить к еврею Мардохею
За то, что он раскрыл коварный заговор
И тем помог надеть врагам петлю на шею.

VIII
Пир у Есфири

И взял Аман коня, одежду из парчи,
Венец для головы и отдал Мардохею.
Народ смотрел, дивясь тому, как он кричит:
«Смотрите, как наш царь героев чтить умеет!»

Смутившийся Аман пришел домой в слезах,
Друзьям пересказал все то, что с ним случилось.
Жена его, Зереш, паденье предсказав,
Пред неизбежным выходом смирилась.

Аман, потупив взор, на пир пошел, скорбя,
А царь не на него внимание направил.
Он вдруг спросил Есфирь: «Тревожит что тебя?
Ведь не без риска шла ко мне ты против правил».

Ответ Есфири прост: «Коль царь благоволит
Жизнь подарить и мне, и моему народу,
Он может свой приказ вот тут же отменить,
Приказ уничтожать врагу его в угоду».

«А кто, скажи, решил народ уничтожать
И с ним тебя и всех, включая Мардохея?»
«Аман, то злостный враг, вели его убрать,
Ведь он склонил тебя к убийству не злодеев».

Во гневе Артаксеркс в тенистый сад ушел.
Аман же умолял царицу о прощенье,
Припав к ее тахте. Там царь его нашел,
Решив, что здесь на честь царицы покушенье.

На дереве большом повешен был Аман,
На самом том, что он готовил Мардохею.
Бог правду превознес, разоблачив обман,
Свободу подарив гонимым иудеям.

IX
Заключение

И с той поры тот день в народе славным стал.
Он назван был «Пурим», что значит просто «жребий»,
В знак памяти о том, что «пур» Аман бросал,
Решая участь всех евреев, где б кто ни был.

Почтенный Мардохей был в сане вознесен.
Он в царстве стал вторым в пределах Артаксеркса.
Великим у людей и братьев сделан он,
Во всей империи царя мидян и персов.

За что такая честь? Ответ на просьбы все
Есфири, что в слезах с коленей преклоненьем
Молила за народ, рассеянный везде?
Уж не за то ль, что Богу было предпочтенье?

Уж не за то ль, что Он на первом месте был,
Когда решать пришлось, кому служить ей надо?
Бог верность сохранил, Израиль освободил,
Есфири преданность Он увенчал наградой.

Так поступает Бог со всеми, кто готов
Ему отдать в душе святое предпочтенье.
Кто выбрал долг отдать основе всех основ,
Кто выбирает сам для Господа служенье.

МОЕЙ ЦЕРКВИ К ЕЕ 50-ЛЕТИЮ

«Славянский благовестия очаг» –
Так назван был молитвы дом вначале.
Я вспоминаю не без слез в очах,
Как мы его рождение встречали;

Как собирались в доме у родных
Ковальский, Вознюк и Рогозин Павел,
Татьяна Корвин... У дверей входных
Сидела я сверх всех бумажных правил.

Мне тогда было только двадцать два,
И я не все там толком понимала.
В решенья старших веруя едва,
С доверием их просто принимала.

Все было новым, странным для меня –
Молитвы, разговоры, рассужденья...
Плотское на духовное менял
Во мне Господь после души спасенья.

В аренду взят был временный наш зал,
Живых свидетельств ноты там звучали,
Туда и брат Водневский приезжал,
Ярл Пейсти, Галустьян у нас бывал.

Церковный дом открыть был пастор рад
На «Лайман Плейс» из бывшей синагоги.
«Скрижалями» украшенный фасад
встречал всех приходящих на пороге.

Оставив арендованный уют,
Мы радостно вселились в это зданье.
И здесь уже и был развернут труд,
Всерьез пошло общины созиданье.

Здесь наши дети выросли у ног
Спасителя, в Его воскресной школе.
Здесь мне и им Господь расти помог,
Вбирать и применять Его глаголы.

Рогозин Павел пастор, как родной,
Нас всех любил и окружал вниманьем.
А Слово Божье с кафедры волной
На нас катилось, умножая знанья.

Он всех в работу общую включил,
Всех поощрял трудиться по призванью.
Минутную мне проповедь вручил
И говорил: «Читай перед собраньем».

Я впитывала проповеди суть,
Любила хор, библейские разборы,
Собранья женщин, мамы мудрый путь,
Что вел в обход всех споров и раздоров.

Любимый пастор, первый пастор мой,
В недавно народившейся общине
Крестил меня с еще одной сестрой.
О том хранится летопись поныне.

Но он уехал, был введен другой,
Хоть молодой, но преданный ученью.
Брат Шура Кузичев с растущею семьей
Был посвящен чрез рукоположенье.

Мы подружили с ним, с его женой,
Детишек вместе в школу провожали,
В воскресной школе были все в одной,
И эти нити больше нас сближали.

Сменилось место в церкви и состав,
Когда волной явились иммигранты,

Однако же, на твердой почве став,
Она взрастила новые таланты.

Брат Кузичев ушел на небеса,
Но сын Георгий стал в пролом поспешно,
И новый пастор Мартынчук (не сам,
А с помощью) ведет народ успешно.

«Славянский благовестия очаг»
Построен был на прочном основанье
И потому достоин отмечать
Полвека своего существованья.

Почтим же память братьев, что ушли,
Свершив святое дело созиданья
Живого маяка во тьме земли
Для путников, потерянных в блужданьях.

Я вспоминала не без слез в очах
Пройденный путь в общине под названьем
«Славянский благовестия очаг»,
А вам всем оставляю пожеланье:

Служите верно, как служили те –
Достойно, беззаветно. Так служите,
Как нам служил Распятый на Кресте,
Воскресший, победивший грех Спаситель!

Декабрь 2002 г.

ПРИКОСНОВЕНИЕ МАСТЕРА

Побит, исцарапан был весь инструмент,
Когда взял его аукционист,
Вполне сознавая, что даже момент
Не стоит тратить на этот предмет –
На скрипку, где звук – только свист,
Но все же с улыбкой кривой на устах
Толпе предложил на торгах:
«Кто первый начнет на риск и на страх?»
Кричал он: «Молчать здесь нельзя! –
Кто цену предложит за скрипку, друзья?
Доллар раз, доллар два, доллар три!
Ах, есть два? Ну что ж, дружок. Смотри!
Два доллара раз, два доллара два...
Два доллара три! Ну, бери...
Ах, нет, кто-то три предложил в сердцах».
И аукционист закричал: «Три доллара раз,
Три доллара два, три доллара три!»
Зал замолчал...
«Я скрипку готов уступить за три!»
Но с задних рядов старичок
Прошел наперед, на скрипку взглянул,
Взял в руки, очистил от пыли смычок,
И струны чуть-чуть подтянул...
Прошелся умело по ним смычком –
И ангельских звуков поток
На зал устремился (сдержал потолок).
И аукционист, подавив в горле ком,
Сжал крепко в руке молоток...
«Ну, что мне за скрипку просить?» – спросил
Толпу онемевшую он. И слышит:
«Тысячу!» «Раз! Два! Три!..
Ах, нет, кто-то две предложил!
Две тысячи раз! Две тысячи два! Две тысячи три!
Бери! Ах, нет, кто-то три предлагает там,
Ну, будем играть на три...»

«Так что же случилось? – кричал весь зал. –
Цена отчего велика?»
Да просто мастер ту скрипку взял,
Прикоснулся – и в жизнь превратился прах
В его могучих руках!

Перевод с английского Веры КУШНИР
(Автор неизвестен)

ТЫ ТОТ ЧЕЛОВЕК!

2 Цар. 12:7

«Ты, ты тот человек, суд на себя навлекший! –
Пророк Нафан сказал
Царю, – в чужой крови, – что с головой поникшей
Пред Божиим лицом, дрожа, предстал. –
Ты, ты тот человек, кому ты жезл сломал,
Над кем свой приговор провозгласил:
„Так поступившему не жить вовек!“»

Ты, ты тот человек!

«Ты, ты тот человек, что ненасытно у бедняка
Овцу его единую украл,
Кто своей страсти бессердечно потакал,
Когда себе к столу ее заклал.
Да, ты, Давид, кого Бог от Саула защитил
И тысячами благ к Себе Сам приковал,
Кто сладкими псалмами души влек...»

Ты, ты тот человек!

Ты, ты тот человек, душа моя, внемли!
Сдержи поспешный суд.
На слабость брата гнев с небес не шли
И своего греха не позабудь!
Плоды пред твоим взором и дела.
В твоей груди и семя есть, и злак:
В чужой вине умей свою узреть!

Ты, ты тот человек!

Ты, ты тот человек, кто так благочестиво
На арфе ныне Богу звуки льет,
А завтра, плоти уступив учтиво,

В грязи лежит у городских ворот!
В Давидовом ль грехе, Петровой ложной клятве,
В Иудовом лобзанье, Каиновой ли ревности ко брату,
Когда-то, где-то, в чем-то между вех...

Ты, ты тот человек!

Ты, ты тот человек, на чьей сердечной почве
Любая дремлет страсть.
Когда ж в груди – будь то хоть днем, хоть ночью –
Поднимется она в недобрый час,
И мысли гневные, и монстры в черной яме
Яд источать начнут и даже кровь и пламя,
Гася в душе и плоти Божий свет.

Ты, ты тот человек!

Ты, ты тот человек, коль высоко поставлен,
Как царская Давидова глава,
Не смей твердить: что может враг подставить?
Венец на голове сидит едва-едва.
Чем выше милость Божия поставит,
Охотнее тебя врага коварство свалит.
И часто дух – начало, плоть – конец.

Ты, ты тот человек!

Ты, ты тот человек! Да, Боже, я виновный.
И велика моя вина, прости!
Бог милосердный и терпенья полный,
По милости грехи мне отпусти.
Коль Он меня спасти не пожелает,
Кто от цепей бесчестия избавит?
И кто с души мне снимет тяжкий грех?

Ты, ты тот человек!

Ты, Ты тот Человек, Кто все мои провины
На древо окровавленное нес.
К Твоим ногам хочу припасть, Невинный,
И в этом вся хвала моя, Христос!
Господь, избави от греха изъяна
И Твоим Духом исцели мне раны.
Победу на кресте Ты приобрел для всех!

Ты, Ты тот Человек!

Карл ГЕРОК
Перевод с немецкого Веры КУШНИР

ДВА СОНЕТА

О неожиданных гостях

Был прерван день внушительным звонком,
Другие планы были в голове
И чувства грустные, от боли в горле ком.
Молчал в душе поющий «соловей».

И мысли не было о людях и гостях.
Побыть бы лишь одной и погрустить.
Но вот звонок ворвался час спустя
И все заставил вмиг переменить.

К нам едут гости! Боже, как тут быть?
Смахнув слезу, схватила кошелек.
(Откуда вдруг энергия и прыть?)
Все изменил звонка нежданный шок.

Спешу украсить стол и не забыть
Купить салфетки, фрукты, оренжад,
Нарвать цветов, помыть дорожку в сад...

* * *

Бог знает, как переменить настрой
И грусти тень прогнать в свой час и срок.
И видишь вдруг (и в том Его урок),
Что вещи есть важней, чем мыслей рой.

Кому-то Сам Он на душу кладет
Поехать в город наш и позвонить,
Авось, мы дома, чтобы посетить
И снять с меня дум грустных тяжкий гнет.

Приму гостей, они в свой путь уйдут,
И я пойму звонков «случайных» суть.

Склонюсь пред Ним и возблагодарю
За то, что Сам вмешался в график мой.
Скажу спасибо, что ко мне домой
Прислал гостей, как свечи к алтарю.

ДВА НОВОГОДНИХ СОНЕТА

Цунами

Бог допустил нам новую беду
И радости немного для смягченья
Удара непомерного, смиренья
Сердец надменных наших. На ходу
Подхватывая вовремя, чтоб дух
Наш не уныл от страха и смятенья,
Но, распознав Господние движенья,
Увидел путеводную звезду!
Пришел сегодня тихо Новый год,
Но мир в преддверье года был в угаре.
Всегда землетрясенья были с нами,
Но то, что натворил на этот раз цунами,
Заставило весь мир разинуть рот,
Добра не разглядев в Творца ударе.

Итог

Произошло сужение служенья.
Всему, как видно, был назначен срок.
В премудрости его наметил Бог,
И Сам к концу снижает напряженье.
И расписанья дел перегруженья
Не нужно больше. На приколе конь.
Он отслужил свое. Притух огонь.
Осталось исполнение виденья.
Оно манит, влечет, зовет вдали...
Маяк на возвышении горит
И к берегу зовет, а там покой,
Причал и отдых от беды земной,
И гавань тихая ждет наши корабли,
Она у ног Христа приют сулит.

1 января 2005 г.

О РОЖДЕСТВЕ

На злобу дня

В Америке, когда-то христианской,
Сегодня в поношенье Рождество,
Нет, не в сердцах, не в семьях, не в мещанской
Обычной мишуре, а там, где главный ствол
Общественной и всенародной жизни,
Который держит нацию давно,
Храня ее от всевозможных «измов»,
Там, где лежит секрет ее основ.
Отцы страны из стран заокеанских
С собою веру в Бога привезли,
И на основах чисто христианских
Все планы их строительство вели.
Но двести с лишним лет, как миг, промчались.
И стал неузнаваемым фасад.
Основы затряслись и расшатались.
Все здание грозит провалом в ад.
Какие-то невидимые силы
Фундамент подточили вековой,
И вдруг немодно стало петь тот милый,
Любимый гимн про Сына Рождество.
О Боге стало говорить немодно,
Кресты на возвышеньях утверждать
Запрещено. К тому же всенародно
Нельзя Христа рожденье прославлять.
Названье «Рождество» переменили
На просто «праздник», как любой другой.
Христианина праздника лишили
Какой-то злой, неведомой рукой.
А Хануку, и Рамадан, и Кванзу
Оставили такими, как всегда,
Хоть большинство людей о них рассказу
Внимали, может, только иногда...
Но возмутилась верующая масса

И подала свой голос наконец.
И есть надежда – этому маразму
Придет, возможно, все-таки конец!
Мы видели, как «где-то» за неверье
Держава уплыла в небытие.
Истории урок нетрудно сверить
И в зеркале узнать лицо свое.
Проснись, страна, останови бездумье,
Вернись к твоим истокам и корням
Не поддавайся натиску безумных,
Воспрянь, вернись к далеким, прошлым дням!
Не умолкайте, вестники благого
Великого навеки Рождества!
Сомкнем ряды и воспоем Святого
Младенца неземного естества.
Пусть слышит мир, что есть еще надежда,
Что в ночь святую был Христос рожден.
Он жизнь принес! И всем слепым невеждам
Спасение дарует ТОЛЬКО Он.
Наперекор ветрам неугомонным
Давайте воспоет погромче гимн
О вифлеемских яслях, в них Рожденном,
Для нас всех ставшим самым дорогим!

Декабрь 2005 г.

ПОМНЯТ?

Кричат опять вороны поутру –
Голодные иль, может, просто злые?
Моя прогулка им не по нутру,
В их генах память про года былые.

Хотя то было где-то далеко,
В иной стране за грозным океаном.
Забыть воронам, видно, нелегко
То, что пришло от предков, как ни странно,

Что где-то там, где прорван был кордон,
Во дни войны, разрухи и бомбежек
Голодный люд переловил ворон,
И голубей, и воробьев, и кошек...

Хватали все, что двигалось, живьем.
Варили, ели, глаз не закрывая,
Не брезгуя ни хищным вороньем,
Ни крысами, была б душа живая...

И вот с тех пор сидит в воронах зло:
Кричат на всех, кого не чтут своими.
Хотя мне лично в жизни повезло –
Я даже в голод не питалась ими.

Декабрь 2006 г.

Новые стихи, написанные в первый день 2007 года. Мои ранние прогулки вдохновляют и ободряют меня даже в этом, уже преклонном, возрасте.

НОВОГОДНИЙ СОНЕТ

Встав на заре, пошла одна гулять.
Восход над морем красил облака
Широкой кистью, целясь проявлять
Все, чем палитра неба велика.

Я не могла вниманья оторвать
От красоты порозовевших гор,
А город спал и не спешил вставать,
Не почитая это за позор.

И я не осуждала сонный люд
За то, что он зарю опять проспал.
Он Новый год вчера всю ночь встречал
За тем, чего я больше не люблю...

В день первый года хочется поспать.
А я с зарей на улице опять!

1 января 2007 г.

ВЗГЛЯД НАЗАД И ВПЕРЕД

Смотрю на мир, а мысли далеко...
Я проводила в вечность много лет.
С отцом проститься было нелегко,
От смерти матери остался скорбный след.

Родных и близких – множество подряд
Я провожала... (Всех не перечесть).
Мир году новому вслепую снова рад,
Не отдавая Кому надо честь.

Мне восемьдесят лет – и я стара,
Но дух поет, как прежде, на заре.
Я сознаю: близка моя пора,
Не глядя на погоду на дворе.

В тот день порозовеет небосвод
И солнце над землей взойдет опять,
Меня ж небесный хор, и хоровод,
И Сам Христос придут встречать.

Мои прогулки все к Тому вели,
Кто путь земной давно осмыслил Сам.
Кто создал нас для неба – не земли,
И звал всю жизнь к предвечным Небесам.

1 января 2007 г.

ОТВЕТ НА МОЛИТВУ

Начиная писать,
Я молилась о том,
Чтобы стих мой под стать
Вдохновлен был Христом.
Чтобы слово в строке
Было острым, как гвоздь,
Путь от сердца к руке
Пробивая насквозь.
От руки и листа
Направлялось к сердцам
Тех, кто стих тот читал, –
Старикам и юнцам.
Чтобы к свету он вел,
Привлекая, маня
Взор туда, где Престол –
На Христа, – от меня.
Чтоб лишен был мой стих
Хитросплетенных слов,
Выкрутасов лихих,
Непонятных узлов.
Чтобы слово стиха
Было острым гвоздем,
Чтоб противник стихал
Под его острием.
И услышал Христос
Звук молений моих,
Подхватил и понес
Вдохновленный Им стих.
И он отклик нашел
В душах многих людей,
Для Лозы ж приобрел
Много спелых гроздей.

1 января 2007 г.

В БЛАГОДАРНОСТИ ДЕНЬ...

В благодарности день,
Позабыв сон и лень,
Вспомнил старец Федот:
«Счастлив тот, кто дает».

Он индюшку купил
И соседу вручил,
А сапожник, сосед,
Крикнул: «Вот так беда!

Да с обедом таким
Мне с курчонком моим
Лучше быстро к вдове,
Что живет на холме.

Ей курчонок под стать...»
И пошел ей отдать.
А она от восторга сама не своя:
«Как курчонка-то вдруг удостоилась я?!

А коль так, свой пирог
отнесу на порог
прачке Луше и дам.
Он из тыквы... Ям-м! Ям-м!»

Прачка Луша взяла,
В дом пирог понесла,
Бормоча: «В самый срок
В доме царский пирог!

Да ведь вид-то какой!
Взор ласкает собой!
Знать, моя череда
Бедным что-нибудь дать...

Знаю трое сирот.
Я спеку для них торт.
Мамы нет у детей –
Роза, Петр, Тимофей».

И детишки, вскочив,
Свежий торт получив,
Вспомнив Яшу, что хром,
Чей убог двор и дом,

Порешили втроем,
«Мы ему отнесем
Хоть кусочек один,
Пусть и без именин».

«Вам спасибо! Спасибо!
За торта кусок!» –
Яша вслед им кричал,
Слезы пряча в платок.

Ну а крошки, а крошки охотно, друзья,
Я рассыплю вот здесь у крыльца воробьям».
Так решили они все, как старец Федот:
В благодарности день,
Счастлив тот, кто дает!

Перевод с английского Веры КУШНИР
(Автор неизвестен)

УРОКИ ВЕСНЫ

Два голубоглазых гиацинта
В день весенний, время улучив,
Прободав растений лабиринты,
Тянутся под солнышка лучи.

Был один здесь прошлою весною.
Луковка осталася в земле...
А сегодня их на грядке двое –
Каждый на своем стоит стебле.

В недрах у земли, согретой солнцем,
Орошенной тепленьким дождем,
Волоконце жалось к волоконцу,
Разделяя луковки объем.

Умножает Бог живое семя –
И зерно рождает колосок.
В колоске – все будущее племя,
Не одно зерно, а целый полк!

Вновь природа нам дарит уроки,
Пишет, как учитель на доске.
Гиацинтов двое синеоких
Пишут, как Спаситель на песке...

Про бесплодность Он напоминает
И холодность к истинам святым,
Тихо в лицемерье обличает,
Говоря к нам языком простым.

Боже! Помоги внимать урокам,
Дай Твои намеки узнавать
И не ждать, чтоб приговор порокам
Стал Ты на стене перстом писать...

Февраль 2009 г.

УВЛЕЧЕНИЕ ВТОРОСТЕПЕННЫМ

«О, если бы и ты хоть в этот твой день узнал, что служит к миру твоему!»
Лк. 19:42

Грешим грехом не совершенья,
А упущенья часто мы,
Не узнавая посещенья,
Взор направляем к царству тьмы...
В глубокой нише древней церкви
Висит старинный «круцефикс» –
Наш выкуп от греха и смерти,
В венце терновом скорбный лик.
Огонь свечей бросает блики
На серых стен холодный фон.
Толпа гостей, родных и близких
Теснит украшенный амвон.
Жених в цилиндре и во фраке,
Невеста в тюлевой фате
Стоят в церковном полумраке
Вблизи Того, Кто на кресте.
Сквозь храма узкое окошко,
Пытаясь свет во тьму пролить,
Вечерний луч с беззвучьем кошки
Проник, как золотая нить.
Цилиндра шелковая тулья
Гостей вниманье привлекла,
Как пчел влечет в отверстье улья
Дня угасающего мгла.
Смотрели все на фрак и платье,
Вдыхали ладана дымок...
А луч заката на Распятье
Бросал свой свет... И тут урок:
Мы все творим по расписанью,
Все в свое время и в свой срок.
И пчелы, зная их призванье,

Спешат к закату в свой домок.
И пары в брак вступают тоже
Тогда, когда готово все.
Расходы гости подытожат –
Цилиндр и платье, то и се...
А Тот, Чье жуткое распятье
Про грех и суд над ним кричит,
Все видит, слышит и, объятья
Раскрыв для всех, в тени молчит...
Пренебрежен и незамечен
За грех отдавший жизнь Свою,
Но все равно велик и вечен,
И верные о Нем поют.
И луч святой, как прежде, рвется
Проникнуть в грешные сердца.
Лишь там, где свыше жизнь забьется,
Прославят Сына и Отца!

Апрель 2009 г. (Картинка из архива памяти)

ЕСЛИ Б...

Если б Бог не прощал, не прощал, не прощал,
Где б мы были сегодня с тобой?
Если б Он не давал, не давал, не давал,
Мы бы с нищим делились судьбой.

Если б милость Его не накатами шла,
Благодать и опять благодать,
В чем бы я утешение в горе нашла,
Что б в беде я другим могла дать?

Если б Бог не будил, не будил, не будил,
Во грехе если б не обличал,
Кто бы в правде и вере пред Ним бы ходил,
Не теряя надежный причал?

Если б Он не смирял, не смирял, не смирял,
Поглотило б зазнайство давно,
Если б Он на колени пред Ним не склонял,
Было б все нам и вся все равно.

Если б Слово Его каждый день поутру
Он читать меня не побуждал,
Я б не знала, что Он – самый лучший мой Друг,
Тот, Кто роста с терпением ждал.

Потому на колени склонял и склонял,
Потому в милосердье прощал,
И накатами милость Свою посылал,
Благодатию обогащал.

Потому я молилась и слезы лила,
Потому я смирялась пред Ним,
Ведь я счастья искала и счастье нашла,
Когда стал Искупитель моим.

И с тех пор я иду, и иду, и иду,
И пою, и пою, и пою...
А за то, что вселился в меня Его Дух,
Я Его всей душою люблю.

Май 2009 г.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Новый день врывается в окно,
Свежий воздух в дом струей ломится.
Птичий хор – «будильника звонок» –
Будит на рассвете, когда спится.

По траве росистой выйду в сад.
Листья клена, листья пальмы стройной
Шелестом баюкать норовят,
Я же возвращаюсь в дом спокойно.

Я уже молилась от души,
Когда крик донесся ранней птицы,
Упражняла тело, но спешит
Сердце Слова Божьего напиться.

Не могу начать сокрытый день,
Не вкусив небесной пищи рано.
Знаю, что дневную дребедень
Не снесу без силы, Словом данной.

И, как лань спешит к потоку вод,
Я спешу к источнику святому.
Жизнь моя закончится вот-вот...
Как же ее тратить по-пустому?

Как дневное бремя понесу,
Силою с утра не зарядившись?
Духа дал, вознесшись, Иисус,
В новую одежду обрядивши.

Что-то новый день преподнесет?..
Я желаю быть к всему готовой.
Потому с утра, лишь рассветет,
Углубляюсь в смысл живого Слова.

Июль 2009 г.

РАЗНЫЕ ЛЮДИ

На мотивы печальные
И напевы прощальные
Я легко бы созвучных нашла.
Люди любят все грустное,
Травматичное, гнусное,
Любят душещипательный «сплав».

Говори задушевное,
До рыданий плачевное –
И читатель протопчет тропу
К твоей хижине скромненькой,
Чтоб копаться в питомниках,
Где растишь ты «внезапный испуг».

Ну, а если о радости
Запоешь и о сладости,
Об удачах, победах над злом,
Сразу скажут: «Не может быть»
И тебя поспешат забыть,
Твою хижину спишут «на слом».

Их смущает отрадное,
Если сердце злорадное,
То, что любит чужую беду.
Где ж среди человечества
Отыскать человечное?
Где я искренность духа найду?

Есть, однако же, искренность,
Есть добро и есть истинность
В отношениях близких сердец.
Перемену огромную
Вносит в душу греховную
Милосердный Небесный Отец.

И тогда, если плачется,
Если слезы не прячутся,
Эти души заплачут с тобой.
Если радость высокая
Или счастье глубокое,
«Аллилуйя!» – воскликнут гурьбой.

Как ценю я то общество,
Где характеров зодчество
Сплошь пропитано чистым добром!
И от радости плавится
Сердце сгорбленной старицы.
Не купить ведь того серебром.

Потому осторожненько
На житейской дороженьке
Избираю надежных друзей,
Чтоб доверить мне можно им
Горе, радости, сложности
Этой жизни без лишних затей.

Октябрь 2009 г.

НА ЗЛОБУ ДНЯ

«Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам-обольстителям и учениям бесовским»
1 Тим. 4:1
«И воззрел Бог на землю, и вот, она растлена»
Быт. 6:12

Рушатся нравы, уставы, основы.
«Постхристианский» приблизился век.
Грех торжествует, и это не ново,
Все это делал уже человек...

Рушатся браки, а с ними и семьи,
Дети не знают, кто мать, кто отец...
Ради «терпимости» дружны со всеми,
Все относительно в чувствах сердец.

Рушатся меры, весы, абсолюты,
Стал ненадежным свинцовый отвес.
Нет больше верной и твердой валюты –
Дьявол коррупции двери отверз.

Рушатся правила даже приличия –
Служит примером моральный урод.
Блуд и разврат стали знаком отличия,
Брак однополый вошел в обиход.

Рушатся ценности, вкусы, понятия,
В ранг добродетели ставят порок.
Мир обреченный не верит в проклятие,
Шею не жмет ему смерти шнурок.

Рушатся церкви – раздор, разделения
Не обошли христианскую рать.
Нет виноватых, но нет и общения,
Гордость мешает любить и прощать.

Рушится мир, лишь стоит ненарушенным
Истины вечной Господней костяк.
Малое стадо – остаток послушный –
Светит еще, как во мраке маяк.

Рушится мир в исступленье неистовом,
Трудно дышать, трудно Слово вещать.
Держатся верные цепко за истину.
Боже, дай сил до конца устоять!

Октябрь 2009 г.

ЖИЗНЬ – ПОЛЕТ

В синем небе пролетают журавли,
Легкий ветер провожает их полет.
Крик их жалобновосторженный вдали
Тот же ветер вслед за ними унесет.

Так порою люди входят в нашу жизнь
И, вклинившись, как в небо журавли,
Теплый след на нашем сердце проложив,
Улетают далеко, за край земли.

А потом ты сколько взор ни напрягай,
Сколько слухом ни пытайся уловить
Крик и точку, что ушла за неба край,
Тщетно все, и только память будет жить.

Лица, речи будут в памяти мелькать,
Утопая в нашем прошлом навсегда.
Журавли будут по-прежнему летать,
Не оставив за собою и следа...

Ни секунды не стоит на месте жизнь,
Все летит, летит безудержно вперед.
Ты кричи ей, сколько хочешь: «Задержись!» –
Все напрасно, все равно она пройдет.

Чем заполнила земной свой перелет?
Чем отметила намеченный маршрут?
Знаю: спросит Тот, Кто, видя все, поймет,
Когда люди вместе с памятью умрут.

Крик наш жалобновосторженный похож
На курлыканье под небом журавлей,
И хоть память режет душу, словно нож,
Милость Божия на раны все – елей.

Когда в сложный попадаем переплет,
Силы могут быть и крепки, и слабы.
Пой, душа, ценя свой жизни перелет!
Пой, душа моя, все трудное забыв!

Февраль 2010 г.

ЗИМНИЙ ДОЖДЬ

Пришли давно желанные дожди,
Ведь чужды краю нашему морозы,
Все годы засухи остались позади,
Под грузом вод отвисла ветвь мимозы.

Ни ветер нас, ни тучи не страшат.
Пусть полосуют молнии подзвездье.
Раскаты грома пусть по ним трещат.
Мы счастливы: Бог сократил возмездье.

Пять лет подряд скупые небеса
Давали чтото, но не то, что надо...
Резервы не по дням, а по часам,
Катастрофическим грозили спадом.

И мысль была, что, гневаясь, Господь,
Как в древности, удерживает влагу.
Но вот пришло обилье зимних вод,
Влило в нас веру в то, что «все ко благу».

Бог испытал пожаром на горах.
Ложилась копоть с сажей слоем черным.
Люд каялся (иных спасает страх),
И вот текут ручьи по склонам горным.

Есть оползни, порой ползут дома,
Но все равно мы благодарны, рады.
Как благ Господь! Ведь влажная зима
Предотвратит у водоемов спады.

Уроки нам Господь преподает
Во всем, что видим и переживаем.
Мы знаем: «Он берет, и Он дает» –
И твердо верим, потому что знаем.

Я встану под мимозу под окном
И, ветвь тряхнув, вся орошусь до нитки.
И пусть вода за ворот льет ручьем,
Не скрою благодарности улыбку.

Февраль 2010 г.

МОЕМУ СТАСИКУ

Больной старик. Порой подавлен дух
Не потому, что он забыл про Бога,
А потому, что валятся из рук
Орудия труда, хоть вовсе их не трогай.

А ведь он мастер был. Всегда все делал сам
И помощь его даже оскорбляла.
Все починял всегда то тут, то там,
Умелая рука моторы заменяла.

Цемент, водопровод, огромный длинный сад –
Все под его рукой не знало беспорядка.
Хозяин и отец, и дед был детям рад,
Когда бывало перемнут все грядки.

Любил читать и музыке внимать,
Но старость отняла и слух, и зренье.
Жена, увы, вдруг превратилась в мать,
Чтобы помочь одеться в воскресенье.

Ни пуговок не может застегнуть,
Ни галстук завязать, ни брюк застежку.
Немые пальцы трудно разогнуть.
Чтоб кашу есть, с трудом удержат ложку.

И сон не тот, каким когдато был.
Вставать «нужда» толкает то и дело.
И память подвела – он многое забыл,
Лишь помнит – жизнь мгновеньем пролетела.

В молитвах плачет, говорит «прости»,
За что «прости» – он толком сам не знает.
Смиренья дух всю жизнь привык нести:
Страх Божий помнит, любит, понимает.

Тропа земная уже с каждым днем
Вдали манит сияньем Неба кромки.
Уйдем туда мы скоро с ним вдвоем,
Оставив теплый след своим потомкам.

Февраль 2010 г.

ВЕСЕННИЙ СОНЕТ

Цветут в саду фруктовые деревья,
И тонут пчелы в белой пене цвета.
Усадьба светом солнечным согрета,
И исчезает мрачный дух неверья.
Ведь все вокруг здесь о Творце вещает –
От неба до земли, до брызг из крана
И до веревок с мокрыми вещами,
Развешенными мною утром рано.
А в глиняной тарелке птичий гомон –
Купаются и пьют, щебечут птицы.
И на лужайке детский смех и говор...
И хочется, склонившись, помолиться.
Кто вам сказал, что нет на жизнь ответа?
Ответ кричит весенним разноцветом!

Март 2010 г.

ТВОЕ – ТЕБЕ

Я другим отдавала
То, что Ты мне давал,
До конца от начала,
Как нахлынувший вал
С белой пеной на гребне
И прозрачной волной,
То, что людям потребней,
То, что правило мной.
Оценили? Не знаю.
Да и нужно ли знать?
Я несла Твое знамя,
Чтоб другим передать.
Не ждала воздаянья,
Моя дань – не моя.
Она – Неба даянье.
Это Ты, а не я!
Благодарность не людям,
Благодарность Тебе.
Люди любят, не любят...
Ты ж опора в борьбе:
Никогда не изменишь,
Не предашь, не продашь.
Потому своей смене
Отдаю свой багаж –
Свой словесный, богатый
И весь розданный клад.
Ты давал не за плату,
Получай же назад!

Июнь 2010 г.

«УВЕЩЕВАЙ, НАЗИДАЙ...»

2 Тим. 4:2

Так узок путь! Узки в конце ворота!
Кто тем путем пойдет, тот и войдет.
Навек войдет, уже без поворота.
Христос есть путь. Он Сам туда ведет.

Живой глагол разит, как плуга лопасть,
Врезаясь в почву сердца глубоко.
Не примешь слухом – избираешь пропасть,
А в ней пропасть заблудшему легко.

«Замысловато, путано, и скрыто,
И недосказанно свои стихи твори...
Скрывай и смысл, и суть, не говори открыто», –
Твердили мне стихов «богатыри».

Я ж, если не скажу заблудшему впрямую,
Скрывая от него спасения пути,
Вину за смерть его на голову приму я
А тут уж мне суда никак не обойти.

Пускай другие пишут с недомолвкой,
На высший, как твердят они, свой лад.
А мне пред Богом стыдно и неловко,
Что грешников сама толкала в ад.

Мне путь открыт к спасению единый.
Он узок, и узки в конце врата.
Чтобы его открыть, на крест Бог отдал Сына,
А мне стихи о Нем вложил в уста!

Июнь, 2010 г.

ГИМН СЕМЬЕ

«И он обратит сердца отцов к детям...»
Мал. 4:6

Прославлен будь, Творец земли и неба,
Творец всего, что явно во Вселенной, –
Адама первого с его супругой Евой, –
Начало давший близости семейной.

Основа общества – семейная ячейка,
Домашней церкви прочное начало.
Впервые прозвучал вопрос пред сыном: «Чей ты?»
И сердце у отца сильнее застучало.

Сердца отцов Бог обращает к детям,
Сердца детей к отцам Он обращает.
Дать силу в этом праведном завете
Внутри семьи Бог верным обещает.

Прославлен будь за все, Отец Небесный!
Ты наш пример в семейном обращенье.
Любовь и строгость нам Твои известны,
Любовь и строгость – к Небу приобщенье.

В Твоей семье нам хорошо с Тобою,
А если мы порой плохие дети,
Прости, омой, покрой Своей любовью,
И будь прославлен ныне и вовеки!

Апрель 2010 г.

ВСТРЕЧА

Об этой встрече я писала
Неоднократно, широко.
Она пути креста начало.
О ней всегда писать легко.

Он меня встретил лунной ночью
Под звездной россыпью небес
И удостоил ставки очной,
Прямой и точной, как отвес.

И взгляд Его вспорол мне душу
И обнажил ее нутро,
Изнанку вывернул наружу:
Все зло открыл и все добро.

Луна светила слишком ярко.
Укрыться негде – Он и я!
Мне стало холодно и жарко
При остром чувстве бытия.

И от пронзительного взгляда
И обнаженного нутра
Я совершила то, что надо,
Склонившись головою в прах.

О, незабвенное свиданье,
Назначенное Им Самим,
Своим назвавшим мирозданье
И чадо грешное – Своим!

Я, ощутив Его прощенье,
Из праха встала вся не та:
Рожденье свыше, посвященье
Хвалой наполнили уста.

И так пошла, и предо мною
Всегда и всюду Он один!
Я за Скалой! Я за Стеною!
Христос – мой Бог и Господин!

Май 2010 г.

СЕРГЕЮ ОТ ВЕРЫ

Посвящение поэту Сергею Сапоненко к совместному вечеру в Санта-Барбаре

Неподвижна лишь плоть, только бренная, смертная плоть,
А бессмертье живет и творит через ум, дух и душу.
Если ЭТО в движенье, то суть человека живет!
И живей, чем у тех, кому плоть закупорила уши.

Через этот «канал» вдохновляет нас любящий Бог.
Нас немного, Сергей, и наш голос не каждому слышен.
Нам дано порученье чрез силу рифмованных строк
Петь о Небе, о жизни, о смысле, даруемом свыше.

Не для славы поем, не для губящих душу венцов.
Не для шумных похвал, не для шатких всегда
пьедесталов.
Мы – избранники Неба, мы призваны Богом-Отцом
Ему славу нести и, конечно, во что б то ни стало!

Не робей же, Сергей, ты пред Богом стоишь во весь рост.
У Него нет калек, у Него во Христе все мы целы.
Наши песнистихи, как над смертным в бессмертие мост!
Не страшны им лукавого острые, жгучие стрелы.

Этот вечер пройдет. Мы с тобой не увидимся вновь.
Ты хоть молод, но слаб. Я – одною ногою в могиле.
Но ведь счастье не в том... Нас сроднила Христова любовь,
А ее угасить никакие наветы не в силе.

Июнь 2010 г.

ЗАВЕТ СОЛИ – ВЕРНОСТЬ

Чис. 18:19; Еф. 5:31, 32

Если брак – это символ Иисуса и Церкви,
Значит, он нам святое являет собой.
Это дерева сок, съединяющий ветви
В однородное тело с одною судьбой.

Если брак – прилепление мужа к супруге,
Если он – становление телом одним,
Значит, места в нем нет для измены подруге
Или другу, который всем сердцем любим.

Если брак начинался любовью до боли,
Если был закреплен словом веры двоих,
Значит, это завет при участии соли,
Как прообраза прочности – верности их.

Будет верным жених, будет верной невеста,
Непорочно их ложе, и брак у них и чист.
Это – Тело Христа, в нем двум душам не тесно,
Их венец золотой и во мраке лучист.

При обмене колец до начала застолья,
Перед тем, как объявят их: «муж и жена»,
Есть обычай обмена щепотками соли
В знак, что верен жених и невеста верна.

Октябрь 2010 г.

УРОК ЧИЛИЙСКОЙ АВАРИИ

На злобу дня

Завал в глубоком подземелье
Чилийской шахты тронул мир.
Все ждали новых объявлений,
Гудел ТэВэ, гудел эфир...

Тянулись дни тягучей мазью –
Число зашло за шестьдесят...
Шахтеры электронной связью
С землей над ними говорят.

Им обещают к концу года,
Под Рождество, их, мол, спасут.
Спускают пищу им и воду
Через слоев земельных грунт.

Но вот нашелся «добрый гений»,
А с ним бурильный аппарат.
С запасом опыта, умений
Он помощь предложил, как брат.

Пробуровав проход к шахтерам
Для «капсулы» на ширь плеча,
Работу сдал не аматерам,
А знатокам и силачам.

Ребята под землей сплотились
Под мощной мастера рукой,
С надеждой верили, молились,
И Бог дарил души покой.

Настал октябрь – число тринадцать.
(Завал был в августе, друзья!)
Весь мир устал, успев заждаться,
Ведь так затягивать нельзя.

Включая новости, вдруг вижу:
Двадцатый поднят «на гора»!
И каждый в форме, каждый выжил,
И каждому кричат «Ура!»

Мне детство вспомнилось на шахтах,
Где инженером был отец.
Завалы, газ, вода там часто
Наверняка несли конец.

Ведь не было тех технологий,
Какие видим мы теперь,
Ни даже близких аналогий,
Лишь в смерть распахнутая дверь.

Чилийский скромный губернатор
В том бедствии увидел прок,
Публично заявив, что надо
Извлечь из явного урок:

«Урок сплоченности, единства,
Надежды, веры и любви.
Ведь мир вокруг беды сплотился!
Так, значит, можем быть людьми!»

Людьми, что делят ближних горе,
И могут радость разделить,
А мы порой со злом во взоре
Прощать не можем и любить.

Давясь слезами у экрана
От счастья, что людей спасли,
Урок усвоив, утром рано
Стихи пишу, чтоб все прочли.

Октябрь 2010 г.

ОСЕННЕЕ УВЯДАНЬЕ

Золотое литье пожелтевшего клена
Самотканым ковром на усадьбу легло,
И два кресла под ним серовато-зеленых,
Как два царских престола, покрыла чехлом.

Моросит, моросит, моросит мелкой моросью.
Истощилась земля. Жадно влагу сосет.
Осень листья дерев перед падом раскрасит.
Она чтото берет, но и чтото дает.

Увяданье кругом – и в природе, и в людях.
Сам Творец мерит годы аршинной тесьмой.
Он к нам осень несет на серебряном блюде,
На серебряном блюде с золотою каймой.

У Него времена и конечные сроки.
Точку ставит на все Его творческий перст.
Нам же Сам через жизнь преподносит уроки:
То, что живо теперь, завтра может быть – персть!

Октябрь 2010 г.

ИСТОЧНИК СТИХОВ

«И в радости будете черпать воду
из источников спасения»
Ис. 12:3

Порою стихи диктовала мне жизнь
(Верней, чрез нее Тот, Кто правит веками),
Когда испытанья, не зная межи,
Катились волнами, точившими камень.

Порою стихи диктовали слова –
Слова Вечной Книги с их мудростью строгой.
Венчалася с духом тогда голова,
И ритмы стиха шли с той мудростью в ногу.

Порою на стих наводили друзья –
Тепло, что дарили любви отношенья.
Мне к сердцу протоптана ими стезя
Из их пониманья, из слов утешенья.

Порою стихи выплывали из мглы
И факты бежали вдогонку наветам
И сплетням, что были жестоки и злы,
А я отвечала печальным сонетом.

Источников много у наших стихов,
Но есть самый главный родник вдохновенья.
Течет из него ряд рифмованных слов...
Он носит названье: «Источник спасенья».

2010 г.

ЖИЗНЬ И В УВЯДАНИИ

Ярким пламенем клен на заре разгорелся.
Горы в ранних лучах в розоватом дыму.
Изумрудный газон весь в парчу разоделся –
Медь, янтарь и опал стали ближе ему.

Слива ровным кольцом свой наряд отряхнула
Из упавшей листвы в золотистых тонах.
Абрикос мне веткой безлистой махнула,
И глициния вмиг повторила тот взмах.

Но при всем этом здесь увяданье осеннем
Пуанцетия пышно цветет под окном.
Однодневная лилия желтым цветеньем
Украшает гряду мимолетным цветком.

Рядом «райская птица» с высокой коронкой,
На настурции глядя, гордится собой,
И нарцисс весь в цвету, кала с ножкою тонкой,
Канны, розы, бегонии пестрой гурьбой...

И еще, и еще, ведь всего не исчислишь...
Осень листья метет, о конце говоря,
А вокруг жизнь кипит, как безмолвный учитель,
Нам цветеньем твердит, что волнуемся зря.

Разве это конец, а не жизнь в увяданье?
Разве только листву нам деревья дарят?
В семенах новой жизни живет начинанье,
Возвратится весною зеленый наряд.

Зацветут снова сливы, а рядом отростки.
Ведь осенние косточки вновь прорастут.
Никому не убить эту жизнь с ее ростом:
Бог дал жизнь – и цветы, и деревья живут!

Все, что Бог сотворил, равно сложно и просто.
Нам природа вокруг о Творце говорит.
Я сквозь слезы смотрю на наш сад с его ростом,
Умиляясь всем тем, что перст Божий творит.

Он в меня заложил Свое вечное семя,
И оно то цветет, то приносит плоды.
Не пугает конец, приближается время
Перехода, но в детях оставим следы...

Декабрь 2010 г.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ В СТИХАХ

В дни далекой, еще не забытой, войны
В развороченном бомбами Лондоне
Все приюты сиротские были полны,
И в них холодно было и голодно.

И в канун Рождества там ни ярких огней,
И ни елок, ни песен, ни радости.
Позабыли детишки добро прошлых дней,
Про подарки, орехи и сладости...

Их родители сгинули в вихре огня,
И тела их прикрыли развалины,
А уж если осталася гдето родня,
То она тем же горем раздавлена.

Но на базе военной от бедствий вблизи
Вдруг созвал командир своих воинов.
И хотя артиллерией недруг грозил,
Он задал им урок, чтоб усвоили.

«Вот два дня выходных перед вами лежат, –
Он сказал, – вы те дни проведите так:
Там в приюте пора бы проведать ребят,
Ведь сиротки, вот к ним и пойдитека».

И солдаты с пустыми руками пошли.
А что пользы в таком посещении?
Но, смущенно порывшись в карманах, нашли
Кто-то жвачку, а ктото печение...

Вот один обнаружил для носа платок,
А другой вынул гильзу патронную...
Им обидно и больно, да время не то,
А запеть? Разве что похоронную?

Но детишки тянули ручонки к тому,
Что принесено им по случайности,
И с надеждой мечтали, авось, их поймут,
Подсобив в положенье отчаянном.

Вдруг из самого дальнего гдето угла
Донеслись к ним и плач, и стенания...
«В чем тут дело?» – спросили. И вот подошла
К ним малютка с большим пониманием:

«Мне от вас ничего не досталось, друзья,
Но ведь это не то, что здесь надо нам,
А вот если бы ктото нас на руки взял
И обнял, тот бы нас и обрадовал!»

Рождество 2010 г.

ЛУЧШАЯ УЧАСТЬ

Нет участи лучше, дороже, верней,
Чем участь овечки, найденной на рва дне.
Во мраке неверья и краткости дней
Узнать, что такое Христово избранье.

Все блекнет, тускнеет, бледнеет пред Ним –
Все в мире красоты с богатством и славой.
Быть членом семьи Его, близким, своим
Он нам предлагает с незыблемым правом.

Смеются открыто над участью той
Все те, перед кем эта тайна сокрыта.
Ее открывает лишь Сам Дух Святой
Тому, кто возжаждет небесного быта.

По воле Творца я есмь то, что я есмь –
Рожденное свыше, Господне созданье,
Земного с небесным скрещенная смесь
С уверенной целью в нелегких скитаньях.

Его изволенье избрало меня,
Предведенье знало, кем буду, кем стану.
И я ни на что не хочу променять
Ту участь, что ждет, когда в небе предстану.

Его обещанья тверды, как гранит.
На Слово Его уповаю всецело.
Он Сам доведет и в пути сохранит
Меня и всех тех, кто творит Его дело.

Споткнусь – Он поднимет, исправит, поймет,
А духом паду – укрепит Своим Духом.
От грязи омоет и Сам поведет
К отчизне небесной, взяв крепко за руку.

Ничто не сравнимо здесь с участью той,
Какую Христос для Своих приготовил.
Склоняюсь во прах пред Его красотой.
Немею в бессилье все выразить в слове.

12 января 2011 г.

13 января. Сегодня Вера Кушнир попала в больницу.
14 января. Сегодня Вера Кушнир ушла к Господу.

СОДЕРЖАНИЕ

Кушнир Вера

Погасшая свеча

Стихи

Директор *Павел Давидюк*
Редактор *Вальдемар Цорн*
Корректор *Елена Пеннер*
Верстка: *Enns Schrift & Bild GmbH*
Обложка *Сергея Конторовича*

Свидетельство о государственной регистрации,
№ 1 074 107 0004 023994, выдано Шевченковской районной в
г. Киеве государственной администрацией 13.10.09

Изд. № 01.327. Подписано в печать 02.05.12
Бумага 80 гр. Lux Cream. Формат 84x108/32
Гарнитура: NewBaskervilleC
Печать офсет. Усл. печ. л. 14,28. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 542308/9729

УМО «Свет на Востоке», ул. Хорольская, 30, 02090, г. Киев,
Украина

Отпечатано в типографии CPI books GmbH,
Eberhard-Finckh-Straße 61, 89075 Ulm, Germany